

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

3(25) 2008
апрель

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№3'2008

Общество

■ СРЕДА ОБИТАНИЯ

К. Клеман, О. Мирясова

От обывателя к активисту: трансформация фрейма
(исследование жилищного движения в Астрахани)5

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Е. Васильева

Октябрьская революция:
актуальный образ исторического события 24

■ РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

В. Полякова

Представление россиян о глобализации33

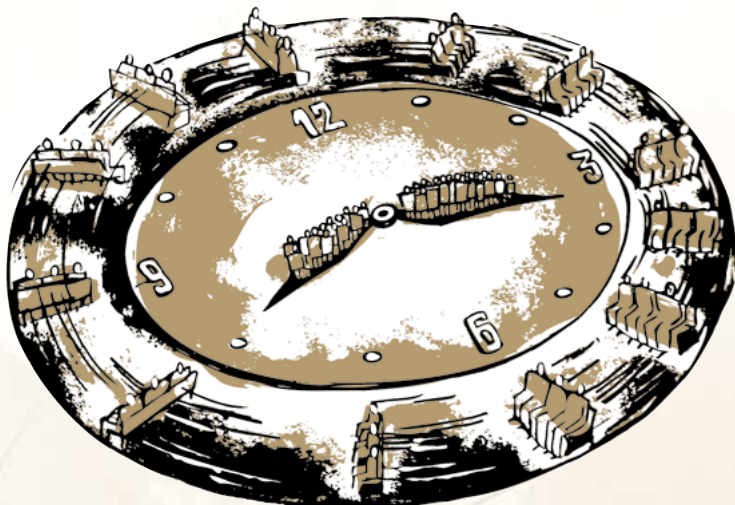
■ КОНЦЕПТЫ

О. Оберемко

Кого мы называем “Люди-XXI”?42

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев53

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко
Ведущие разделов и рубрик
“Общество”
Григорий Кертман
“Форум”
Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”
Иван Климов
Олег Оберемко
“Цифры”
Елена Вовк
“Между прочим”
Анатолий Черняков
Арт-директор
Анна Данилова
Ответственный секретарь
Мария Каневская
Маркет-менеджер
Светлана Басманова
Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская
Светлана Королькова
Корректор
Наталья Шарова
Оригинал-макет
Любовь Софейчук
Рисунки
Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд “Общественное мнение”

Президент
Александр Ослон
Директор по исследованиям
Елена Петренко
Директор по технологиям
Алексей Чуриков
Финансовый директор
Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

Журнал выходит 10 раз в год

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
12.05.2008 г.

Адрес редакции журнала:
121552, Москва,
ул. Островная, вл. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д.9

Форум

■ КРУПНЫЙ ПЛАН

Б. Докторов

Валерий Голофаст. Независимый ум67

■ ПРОЕКТЫ

Представляем проект ФОМа “Поколение-XXI”84

Мастерская

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

И. Климов

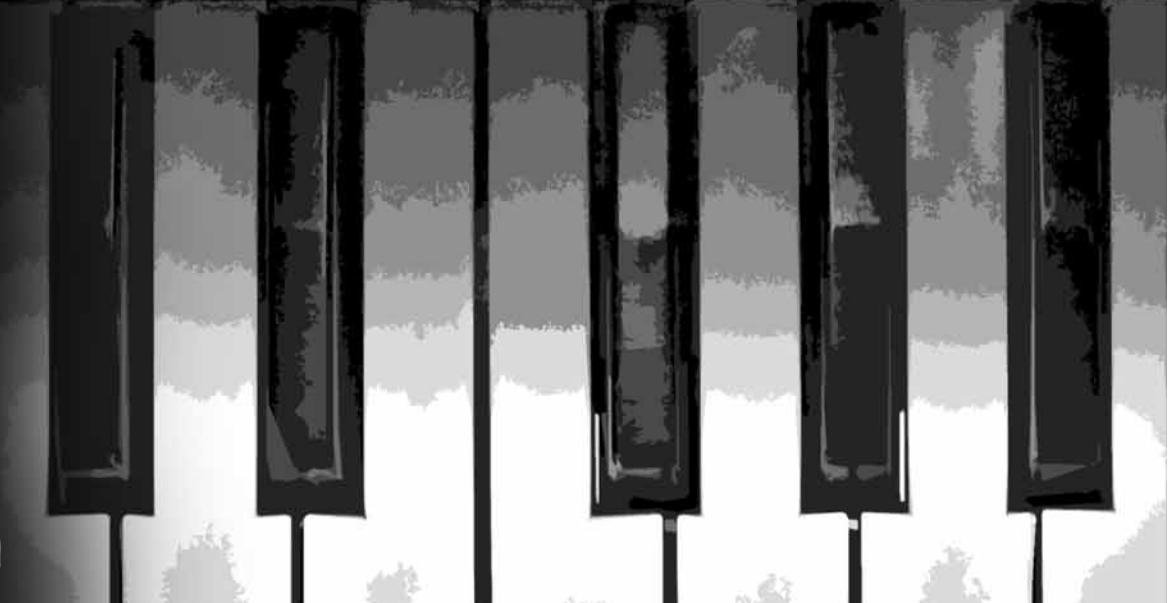
Размышления о полевом шоке87

А. Мавлетова

**Казино: территория эмоциональности
или расчета?100**

COBBLESTONE

К. Клеман, О. Мирясова

От обывателя к активисту: *трансформация фрейма* (исследование жилищного движения в Астрахани)

Идущая в России реформа ЖКХ ставит людей перед выбором: либо самим взяться за управление своим многоквартирным домом, либо ничего не делать и надеяться, что как-нибудь “все образуется”. При втором варианте риск очень велик, поскольку государство перекладывает ответственность за состояние домов на частные управляющие компании (УК). В ситуации, когда контроль со стороны жителей отсутствует, открывается простор для злоупотреблений и недобросовестного управления домом. При организации в доме самоуправления риск быть обманутым меньше, однако трудностей больше. Самоуправление требует от жильцов усилий и активности, а также готовности к взаимопониманию, доверию и принятию на себя ответственности.

Стоит подчеркнуть, что в движении жилищного самоуправления участвует очень небольшая часть населения. Основная масса жителей пассивна и консервативна, занимает выжидательную позицию в отношении государственных ведомств, от которых ждет заботы и руководства. Очень многие не приходят на собрания по выбору способа управления домом. Если жители все же выбирают способ управления домом, чаще всего это оказываются бывшие ЖЭК, ДЕЗ и т. п., то есть частные управляющие компании, созданные на их базе: видимо, люди надеются, что государство проконтролирует созданные им же самим структуры, не осознавая, что оно уходит из жилищной сферы. Некоторые протестуют (на улице или на кухне) против реформы и отказа государства от ответственности. И лишь очень небольшая группа населения пытается активно использовать новый Жилищный кодекс и брать управление домом в свои руки. Они и являются движущей силой жилищного самоуправления. От их позиции, деятельности, численности во многом зависит то, как и в чьих интересах будет реализована жилищная реформа, а в некотором смысле – и перспектива самого гражданского общества в России.

Поэтому мы выбрали в качестве главного объекта нашего исследования жилищных активистов. В ходе экспедиций в несколько городов России мы целенаправленно обследовали те дома, где есть хотя бы какая-то инициатива жителей по участию в реформе управления многоквартирными домами.

Астрахань в авангарде

В Астрахань мы поехали, уже зная, что активность жителей здесь выше, чем в среднем по стране. К июлю 2007 года почти 40% многоквартирных домов города перешли на непосредственное управление – против 2,58% в целом по России.

Широкому распространению жилищного самоуправления в Астрахани способствуют: наличие сильного и популярного политика-лидера (О. Шеин), плачевное состояние жилищного фонда, горизонтальные связи между активными жителями.

Астрахань – это уникальный случай по нескольким параметрам. Во-первых, такой активности (снизу и без вмешательства городской власти) в выборе формы управления не встречается нигде. Во-вторых, жители в массовом порядке выбирали самую редкую форму управления – непосредственное управление (НУ). О возможности выбора НУ власти обычно либо вообще умалчивают, либо утверждают, что эта форма нереализуема в больших многоквартирных домах (больше 10–15 квартир). В результате население информировано о ней очень плохо.

Представители большинства НУ-домов в Астрахани входят в общегородскую общественную организацию “Союз жителей”, возглавляемую тремя сопредседателями – В. Ворониной, Л. Ковалевой и О. Шеиным (создана в конце 2006 года). В других изученных нами городах жилищное самоуправление в основном держится на активности отдельных индивидов – “подвижников”. “Подвижники” сталкиваются с пассивностью большинства жильцов (а иногда даже с попытками воспрепятствовать нововведениям) и активным сопротивлением со стороны внешних контрагентов (местная власть и коммунально-жилищные службы).

Учитывая распространенность в Астрахани непосредственного управления домами, а также развитость низовых жилищных инициатив, мы рискуем назвать Астрахань городом, находящимся в авангарде движения жилищного самоуправления.

Согласно положениям нового Жилищного кодекса жители должны выбрать одну из трех форм управления многоквартирными домами: товарищество собственников жилья (ТСЖ), непосредственное управление (НУ) или управляющую компанию (УК). ТСЖ – это форма коллективного самоуправления через формирование юридического лица и выбор руководящего органа – правления; НУ – это форма коллективного управле-

ния способом голосования на очных или заочных общих собраниях и выбора уполномоченных дома; УК – это форма опосредованного управления путем выбора специализированной компании. В основном эти формы различаются между собой степенью причастности жителей к управлению (при УК – в меньшей степени, при НУ – в большей степени) и типом отношений с поставщиками услуг.

Как обыватели становятся жилищными активистами

Рассмотрим подробнее процесс общественной активизации людей, а именно – процесс превращения “обывателей” в “активистов”. Мы исходим из того, что доминантный (обычный) стиль мышления и поведения (то, что Ирвинг Гофман называет “фрейм” [Гофман. 2004]) – это “обывательский” стиль. Однако в какой-то момент некоторые люди начинают действовать в противоречии с доминантным фреймом.

Интервью и наблюдения показывают, что большинство этих людей еще недавно не мыслили себя участниками какой-либо коллективной деятельности, но за относительно короткий срок мир этих “начинающих активистов” буквально “перевернулся”, вплоть до того, что они сами себя с трудом узнают. Показательна фраза одного из участников конференции жилищного движения: *“А это все при том, что всего год назад я был еще нормальным человеком!”* Мы считаем ее типичным эмпирическим проявлением “рефрейминга”, или фрейм-трансформации.

Отсюда возникает ряд вопросов: что должно произойти в жизни человека, чтобы он так изменился, какие существуют общественные условия для такого перехода, что зависит от самого человека, от фактов его биографии, личностных качеств, ближайшего окружения?

Мы рассмотрим детально все аспекты того, что мы называем “рефрейминг”, или “фрейм-трансформация”, но для начала следует обосновать наш выбор терминов для обозначения фреймов. “Обывателями” сами активисты называют неактивных жителей; противопоставление “активистов” и “обывателей” звучит во многих интервью. Более того, говоря о своем прошлом, многие активисты сами себя описывают в терминах, которые обобщенно можно свести к понятию “обыватель”. Термин “активист” мы взяли для обозначения измененного фрейма, основываясь на самоидентификации респондентов. Причем они употребляют это слово спонтанно, не задумываясь, что полностью соответствует понятию фрейма.

По данным Федеральной антимонопольной службы (итоги общероссийского мониторинга рынка услуг по управлению многоквартирными домами за II квартал 2007 г.), 34,27% собственников жилья до сих пор не выбрали способ управления. А среди тех, кто с этим уже определился, большинство предпочло ДЕЗы. В домах, где выбор уже сделан, 2,58% от общего объема жилищного фонда управляются непосредственно собственниками, 15,08% – ТСЖ, ЖСК или иными специализированными потребительскими кооперативами, и 48,07% – управляющими организациями, в том числе частными

УК и ДЕЗами. Однако к этим официальным данным стоит относиться с долей скептицизма. ФАС сама отмечает, что выбор формы управления во многих случаях проводится в нарушение законодательства, и муниципальные власти навязывают “свои” УК. Мониторинги, проводимые жилищными объединениями многих регионов, свидетельствуют о большом количестве фальсификаций со стороны местных властей и ДЕЗов при выборе формы управления. В действительности по собственной инициативе выбрала форму управления домом очень небольшая часть населения.

Методология: кейс-стади, наблюдение, интервью и беседы

Поскольку мы концентрируем внимание на микропроцессах – переменных в биографии, установках, ситуативных изменениях на уровне сообщества жителей, – то считаем возможным опереться в основном на изучение случаев (кейс-стади). Мы выбрали в качестве объекта исследования “начинающих” активистов, чтобы, анализируя их истории, попытаться разобраться в процессе “рефрейминга”.

Полевая работа заключалась в основном в многочисленных беседах с жителями домов, интервью с активистами-“подвижниками” и наблюдениях. В Астрахани вступать в беседы с жителями было намного легче, чем в других городах. Нам удавалось без особого труда посещать квартиры, свободно говорить с людьми на скамейках, детских площадках, общаться во время коллективных встреч. Этому способствовала, скорее всего, “южная культура” жителей и более высокая степень общительности людей, которые уже включены в инициативы по самоорганизации. Всего было проведено 24 неформальных интервью такого рода.

Интервью с “подвижниками” через некоторое время, после завоевания симпатии и доверия, также переходили в беседу, причем нередко – в коллективное общение между социологом и членами инициативной группы. Главное отличие таких бесед и общения от обычных интервью и фокус-групп – позиция социолога, который сам включен в жилищное движение, тоже может что-то рассказать о реформе ЖКХ и явно сочувствует собеседнику. В итоге участники бесед достаточно открыто рассказывали о своем жизненном пути, личных переживаниях, успехах и неудачах.

Исследователи присутствовали на двух субботниках, на одном собрании инициативной группы, на двух общих домовых собраниях, на одном общем совещании Союза жителей и на общероссийской конференции движения “Жилищное самоуправление”.

В качестве объектов “кейс-стади” были выбраны четыре дома, жители которых перешли на непосредственное управление. Сбор информации проводился с 22 апреля по 2 мая 2007 года; собранные данные уточнялись в середине июля и в конце сентября.

Дома, выбранные для наблюдения, расположены в разных районах города; все они – примерно одного времени постройки (середина 1970-х годов). До передачи в НУ дома находились примерно в одинаковом состоянии и нуждались в капитальном ремонте (крыши, коммуникации, стояки, подвалы). Между собой эти четыре дома отличаются по форме организации самоуправления, по времени выбора НУ и по степени активности жителей и причастности их к самоуправлению.

Анализ фреймов как метод изучения общественной активизации

В отличие от “закоренелых” активистов, для понимания мотивации которых больше подходит анализ мировоззренческих принципов и ценностей, “начинающие” активисты – а это основная масса – включаются в общественную деятельность, движимые соображениями практического смысла или эмоциями. То есть активизация многих людей происходит в определенном контексте (при определенных внешних условиях), в непрерывной взаимосвязи с практиками и мало рефлексруется – по крайней мере на начальных этапах деятельности.

Поэтому важной составляющей процесса активизации является “рефрейминг”, или трансформация фрейма. Опираясь на теорию, изложенную И. Гофманом в работе “Анализ фреймов”, мы попытаемся порассуждать об условиях, этапах и содержании процесса трансформации фреймов. Такой подход тем более уместен в нашем исследовании, что, хотя и в несколько ином понимании, он используется в теориях коллективных действий. В рамках данных теорий акцент делается скорее не на процесс изменения фреймов, а на фрейм-деятельность, то есть на то, как люди, уже ставшие активистами, и в первую очередь лидеры, занимаются конструированием, распространением и институционализацией (стабилизацией) определенных активистских фреймов¹.

Это помогает осмыслить второй этап фрейм-трансформации – когда закрепляются изменения фрейма.

Наконец, теория Гофмана своим отличием от ультрасубъективистских теорий этнометодологов (для которых социальная реальность конструируется свободными действующими субъектами) напоминает, что привычный фрейм – жесткая матрица, которая мало поддается внешним воздействиям. Геннадий Батыгин (автор вступительной статьи к русскому изданию книги Гофмана) формулирует “теорему Гофмана” так: “Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас” [Гофман. 2004]. Эта формула несколько утрирует структуралистскую составляющую теории Гофмана, однако позволяет понять, почему активистский фрейм остается маргинальным в российском обществе.

Общественными активистами чаще всего становятся люди, оказавшиеся в ситуации относительной депривации. И тут добавляется еще одно существенное препятствие для трансформации фрейма: социальное неравенство перед заданными фреймами. Как отмечают многие теоретики (неомарксисты в частности), лица, лишенные власти, обычно живут в привычных рамках субординации (подчинения). Для того чтобы они поставили эти рамки под сомнение, необходимы почти чрезвычайные условия.

¹ В теориях коллективных действий существует два основных подхода к фреймам. Школа мобилизации ресурсов трактует фрейм-деятельность как инструмент для достижения стратегической цели движения и исходит из того, что она ведется в первую очередь лидерами. Основные понятия: “культурный фрейминг” или “когнитивное освобождение” – “culture framing” or “cognitive liberation” (Mc Adam), см.: [McAdam, McCarthy, Zald. 1996]. С точки зрения школы культурного процесса, культура является не только инструментом освоения правил, но и задает рамки коллективных действий (что ближе теории Гофмана). Поэтому успешная “фрейм-деятельность” должна находить отклик (resonance) у публики или сочетаться с доминантным фреймом. См.: [Rhys. 2004].

Тем не менее, если новые субъекты коллективных действий встречаются и изменения их фреймов имеют место, значит, фрейм-трансформация возможна. Наша задача – выяснить, при каких условиях и как она происходит.

Общая схема фрейм-трансформации

К общей схеме фрейм-трансформации мы пришли после первичного анализа информации, собранной в Астрахани.

Предполагается, что люди в массе своей живут обычной обывательской жизнью, то есть не заботятся о каких-то общих делах и не готовы жертвовать своим личным временем для общественной деятельности. Эти люди действуют в рамках обывательского фрейма, конкретное содержание которого зависит от рассматриваемой сферы (жилищной, трудовой и т. д.).

Некоторые из “обывателей” при определенных условиях либо под воздействием определенного события начинают по-другому смотреть на ситуацию и меняться сами (это первый этап трансформации фрейма на *графике 1*). Происходит изменение, а иногда и слом “обывательского” фрейма. Ситуация предполагает наличие проблемы коллективного свойства – ухудшение положения группы людей, нарушение коллективных прав. Но это – фоновая ситуация, сама по себе она не делает человека активистом. Обычная реакция на нее относится еще к фрейму “обывателя”: искать способы “выкрутиться”, писать письма, обращаться к “нужным людям”, ругаться на кухне или около подъезда и... ничего не делать. Для трансформации фрейма необходимо еще и изменение взгляда на ситуацию. Этому может способствовать какое-то значимое событие личного либо общественного характера, которое произвело бы сильное впечатление на человека. Кроме того, для оспаривания фрейма нужны определенные условия, стечение обстоятельств.

Понятно, что процесс трансформации обыденных практик и смысловых ориентиров человека зависит от того, как долго он остается активистом, как часто взаимодействует с другими участниками и насколько плотно включен в “активистскую” сеть. Можно довольно уверенно предположить, что если

График 1

человек – “завязтый” активист, основательно “встроенный” в сети, то он уже с трудом может вернуться к прежнему образу жизни. Он будет мечтать о жизни “обывателя” (это часто звучит в интервью), которая представляется ему “царством спокойствия и беззаботности”, но от общественной деятельности не откажется.

При этом не стоит забывать о привлекательности “обывательского” фрейма, который более привычен и общественно признан. Трансформации фрейма препятствует целый ряд явлений, обозначенных на схеме как “давление среды”. Когда человек становится активистом, он нередко подвергается осуждению или насмешкам со стороны окружающих, в первую очередь – со стороны членов семьи, если те остались в привычном фрейме “обывателей”. Официальная пропаганда нередко представляет активистов “экстремистами”, “радикалами” или просто “идиотами”. А поскольку активисты немногочисленны, они не в состоянии существенно повлиять на взгляды основной массы населения. Однако сила “давления среды” уменьшается по мере трансформации фрейма: чем дольше продолжается и привычнее становится активистская жизнь, тем меньше ощущается эта сила.

Речь идет об укреплении активистского фрейма, его стабилизации, что предполагает некоторую степень институционализации (когда участники активистской группы или сети начинают следовать одним и тем же правилам) и “рутинизации” активистской деятельности. Это второй этап трансформации на схеме, который также предполагает наличие определенных условий.

“Рефрейминг” как составляющая процесса формирования активистов жилищного самоуправления

Исследование в Астрахани дало прекрасную возможность изучить процесс формирования самоуправляющихся сообществ. Первое, что бросается в глаза, – положительная оценка самоуправления основной массой жителей домов, выбравших НУ. Второй важный момент – огромное количество препятствий (в первую очередь исходящих извне – от властей всех уровней и предприятий ЖКХ) на пути к НУ. Осуществить жилищное самоуправление очень трудно. Третий момент – конфликтная составляющая процесса, часто принимающего формы противостояния. Без коллективной мобилизации переход к самоуправлению во многих домах был бы невозможен. Однако несмотря на конфликт, а во многом даже благодаря ему жители (сначала узкая инициативная группа либо “подвижники”, а затем, под воздействием силы примера, все больше людей) подключаются к коллективной борьбе и коллективному творчеству.

Коллективная борьба понимается нами как коллективные действия, ориентированные на преодоление препятствий, созданных внешними акторами и внутренними разногласиями среди жителей, на пути к осуществлению общей цели – жилищному самоуправлению. Именно опыт борьбы, самоорганизации и участия в коллективных обсуждениях общих проблем сплачивает соседей, приносит людям осознание коллективных полномочий и прав и превращает – по крайней мере некоторых из них – в сформировавшихся активистов.

Непосредственное управление (НУ) – форма управления домом, которая признана Жилищным кодексом, но очень поверхностно в нем описана. Были предприняты попытки упразднить эту форму через внесение поправок в Жилищный кодекс, однако они до сих пор не приняты. Непосредственное управление отличается от других форм управления хозяйством дома следующими основными признаками: жители управляют своим домом напрямую, то есть без посред-

ника заказывают работы, контролируют их выполнение и платят подрядчикам или обслуживающим фирмам; с коммунальными службами они напрямую заключают индивидуальные договоры. Управляет домом высший орган НУ – общее собрание собственников (без обязательного создания юридического лица), исполняет его решения уполномоченный дома, помогает ему общественный совет дома, домком или любой другой коллективный орган.

Посмотрим, как происходит каждая стадия “рефрейминга”, то есть превращения жителей-обывателей в жилищных активистов, в субъектов самоуправляющихся сообществ и коллективных действий.

От обывательского фрейма к фрейму “ситуативной” активности

Обывательский фрейм отличается иждивенческим настроем по отношению к общим делам. Обыватели надеются, что государство или другие люди решат все проблемы без их участия. Некоторые могут эпизодически проявлять активность, направленную в основном против деятельности “подвижников”, которым они не доверяют, подозревая их в стремлении “обогатиться за счет других”. Такие “оппозиционеры”, распространяющие сплетни, устраивающие скандалы и пишущие доносы, есть практически во всех домах. Они, конечно, мешают, “действуют на нервы” активистам самоуправления, но представляют собой реальное препятствие только в том случае, если их становится много, они объединяются и сами становятся союзниками внешних агентов (местной власти, УК или ЖЭК). В астраханском поле мы нашли гораздо меньше внутренних оппозиционеров, чем в других городах, и они были достаточно изолированы.

Плачевное состояние ЖКХ и жилищная реформа являются фоном, который сам по себе еще не делает человека активистом. Люди по-разному информированы, более или менее компетентны, по-разному рассматривают и определяют новую ситуацию, реагируют на нее. Например, одни не замечают никаких реформ ЖКХ, другие до последнего верят в заботу государства, которое, как им представляется, в любом случае не даст дому рухнуть, предоставит квартиру или переселит, третьи думают, что “в случае чего” переедут в другой дом или купят новую квартиру. Кто-то читает Жилищный кодекс, пытается вникнуть и пишет письма “наверх” о том, как должна пройти реформа ЖКХ. Некоторые ограничиваются жалобами и пересудами с соседями. А небольшая часть жителей (среди которых – домохозяйки, пенсионеры, бизнесмены, люди разных профессий) становятся самостоятельными субъектами коллективных действий. Что этому способствует?

Во-первых, как мы уже отмечали, очень важную роль играет значимое событие, которое приводит к изменению взгляда на ситуацию. В нашем поле такие события случались и в биографиях людей, и в окружающей среде. Среди первых – потеря близких родственников (отсюда – желание заняться полезным делом, чтобы *“окончательно не озвереть”*) или выход на пенсию (*“я не могу так сидеть дома, мне надо чем-то заниматься”*). Среди вторых – получение “зацепившей” человека информации (несколько жильцов назвали чтение газеты “Житель”), знакомство с людьми, уже имеющими опыт активных действий (сеть самоуправляющихся домов в Астрахани хорошо развита), возникновение прямой угрозы для дома (вот-вот развалится, угроза сноса).

Событие служит толчком к началу процесса активизации. Обывательский фрейм оспаривается, но альтернативный – еще не укреплен, остаются “пережитки” прежнего фрейма. Это первый этап трансформации фрейма, в результате которого человек становится “ситуативным” активистом.

В обследованных астраханских домах, да и в целом в большинстве известных нам случаев активизация происходила следующим образом: нашлись один или два-три инициатора, которые собрали информацию о реформе ЖКХ и испугались перспективы передачи управления домом в руки неизвестной частной компании. Затем они отправились искать специалистов и компетентных людей вне дома, после этого – сторонников среди соседей, способных или желающих помочь. Возникла инициативная группа, которая начала распространять информацию среди жильцов и организовывать собрания. Далее жители действовали в рамках процедуры выбора формы управления домом, закрепленной в Жилищном кодексе.

Рассмотрим факторы, влияющие на переход к ситуативной активности.

Способствует активизации в первую очередь появление единомышленников и помощников среди соседей, создание команды. Вот как высказывается одна пенсионерка о начале процесса.

“Я, конечно, до этого много читала в газетах, ну и сначала неправильно поступила – обратилась к одному, другому: как наш дом будет переходить, какими путями? И к жильцам подходила – все просто ждут, что кто-то должен взять (и не только в наших домах) и повести за собой. Вот у нас взяли наши мужчины, которые сильные, вот они и стали таким коллективом, и пригласили меня быть замом”.

Продолжают трое пенсионеров из инициативной группы этого же дома.

“Мы проходили по каждой квартире дома, прошли по всем жильцам дома, поговорили и взяли данные, вплоть до телефона, у каждого собственника дома! Мы искали того, кто мог бы стать уполномоченным, и вот нашли его”.

Уполномоченный, предприниматель по роду деятельности, подтверждает.

“Я вообще тогда не был в курсе. А вот приходят ко мне эти трое, представились, уговаривали. Я согласился, потому что мне стыдно смотреть на наш дом неухоженный, и хотелось бы просто своим товарищам по несчастью чем-нибудь помочь. Финансовая сторона не играла роли, хотелось начать, чтобы было не стыдно пригласить кого-нибудь в гости. Одно из моих условий было, чтобы инициативная группа мне помогала, потому что мне по роду деятельности иногда приходится уезжать, и мне спокойно – люди знают, что делать. Они меня уговорили”.

Жители рассказывают, что они как будто “другими глазами” стали смотреть на своих соседей. Они знают теперь друг друга по имени-отчеству, появилось взаимное уважение.

Большое значение имеют первые – даже самые незначительные – положительные результаты активизации, будь то удачное собрание или приятное общение, расширение круга знакомств. Вот как описывают активисты первый в доме воскресник и первые результаты ремонта.

“Мы переживали, что друг не придут. А когда все вышли, в 9 часов люди стали друг за дружкой выходить – и дети, и взрослые, и старики... И вот, бабушка сказала, что такое впечатление, как будто проснулись люди после двадцатилетнего бодуна. И когда они все вышли на воскресник и взялись за работу около дома, с такой инициативой, с таким азартом, с таким желанием изменить все! Минимум – 80% наших жителей. Мы считали, не вышли только те, кто работал. Так нам понравилось”.

“Когда увидела, как стал выглядеть подъезд, это было такое счастье: наконец-то не стыдно в гости звать!”

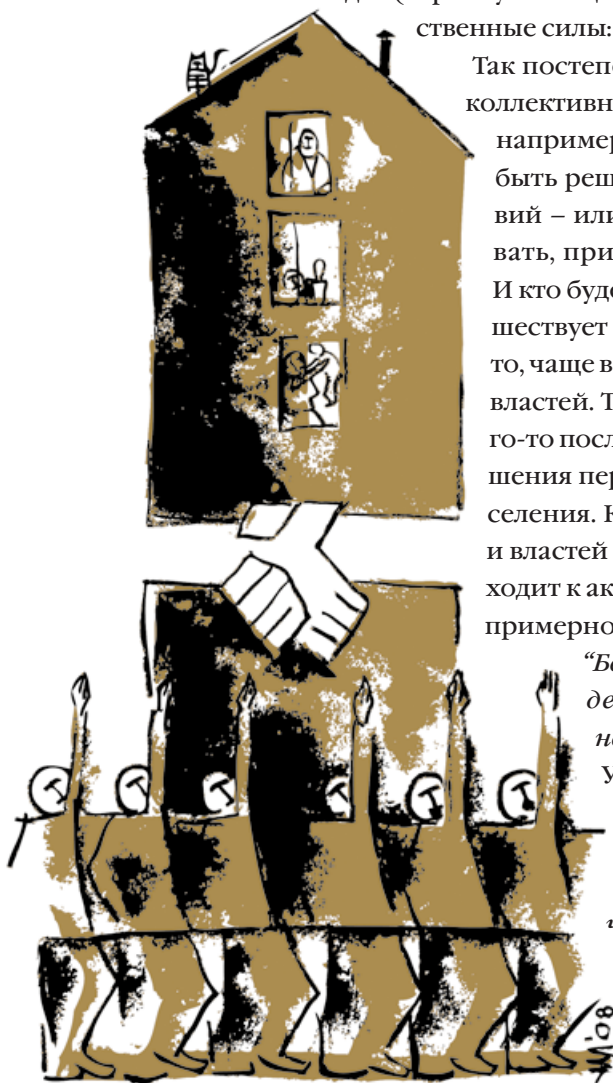
Оказывают влияние положительные примеры – в других домах и даже городах (через публикации в газетах и Интернете). Они вселяют уверенность в собственные силы: если другие смогли, то и я могу хотя бы попробовать.

Так постепенно меняется восприятие ситуации: человек осознает коллективную проблему (ухудшение технического состояния дома, например), она его беспокоит, он понимает, что проблема может быть решена (это не “природный катаклизм”, а результат действий – или скорее бездействия – людей), надо начинать действовать, причем действовать сообща, поскольку проблема общая. И кто будет действовать, если не я? Этим переменам обычно предшествует период выжидания, когда люди ждут действий от кого-то, чаще всего – от жилищно-коммунальных контор либо местных властей. Терпение лопается у одних раньше, у других позже: у кого-то после нескольких “отписок” из ЖЭКа, у кого-то – после обрушения первого балкона или прихода судебных приставов для выселения. Когда становится ясно, что помощи не будет, а от ЖЭКа и властей ждать приходится только неприятностей, человек переходит к активным действиям. Здесь логика жилищных активистов примерно одинаковая.

“Беда нашего народа в том, что все ждут, что кто-то придет и поведет людей за собой. Мы решили никого не ждать”.

У человека меняется взгляд на окружающих, на ситуацию и на самого себя.

“Люди заняты своими проблемами, но я думаю, это со временем пройдет... Сложно перестроиться, большую часть жизни мы прожили при советской власти, а там немного было смещение ценностей, а вот переход на новые рельсы... Ну, даже самого себя приходится ломать, но при всем этом мы меняемся, и даже в лучшую сторону. Хотя пока это незаметно”.

“Приходится ломать себя” – о чем это говорит, если не о сломе прежнего “фрейма”?

Но есть и факторы, которые мешают переходу к “ситуативной” активности. Часть из них сознательно формируется различными контр-акторами.

В качестве контр-акторов выступают органы местной власти, которые не желают отказываться от контроля над денежными потоками в сфере ЖКХ. В Астрахани противодействие мэрии было особенно сильно на первоначальном этапе, с марта 2005 года (момент вступления Жилищного кодекса в силу) до конца 2006 года, когда стало очевидно, что волну переходов домов на непосредственное самоуправление уже не остановить. Об этом рассказала уполномоченная одного из первых домов, перешедших в самоуправление.

“Очень долго препятствовала городская администрация: то одного документа нет, то другого. Все не хотела нас внести в реестр домов, перешедших на НУ. Пришлось биться, мы несколько месяцев проходили по всем кабинетам. Помог наш депутат. Через него мы обратились в прокуратуру. И прокуратура осудила городскую администрацию за препятствование исполнению Жилищного кодекса. Но и то они продолжали нам ставить палки в колеса...”

Другой контр-актор – частные управляющие компании или бывшие ЖЭКи, тесно взаимодействующие с мэрией. Активистка приводит пример навязывания ЖЭКом своих услуг.

“Как они узнали, что создана инициативная группа, – из ЖЭКа позвонили, пригласили на собрание. Им нужно было, чтоб мы с ними заключили договор на обслуживание, и нас пугали, что если мы этого не сделаем, мы уйдем по конкурсу на управляющую компанию. Они нам принесли листы для голосования, хотели, чтобы мы выбрали их. Нас успокаивали – ну как, мол, вы с нами были, так все и остается. Но мы стали читать, интересоваться, разбирались, и тогда мы поняли, что ЖЭК нас просто фактически немножко обманывает. Он лукавит, как бы сказать, да. Лукавит, потому что мы могли, собственно говоря, и сами, как мы сейчас, этими деньгами распоряжаться, или мы фактически отдаем деньги, и потом будем ходить и за эти деньги с них каждый раз требовать: а вы нам вот это сделайте, а вы вот нам это, а вот у нас там течет. А еще, ко всему прочему, еще нет вероятности, что они это сделают, потому что мы уже созвонились, вот там у нас есть пример из другого дома. Пригласили сюда уполномоченного. Так она в течение восьми месяцев с ними мучилась. Она все нам рассказала, как у них происходит с ЖЭКом, и мы поняли, что ничего из этого хорошего не выйдет. Просто на чужих ошибках с ЖЭКом – мы решили не повторять этих ошибок”.

В отличие от многих других городов, где жилищное движение слабое, в Астрахани ЖЭКам действовать сложнее из-за обширной сети жилищных активистов и из-за плохого технического состояния домов. А жильцам легче противостоять агитации ЖЭКов и угадать в услужливом поведении не заботу о них, а материальную заинтересованность и значит – желание оставить все как было.

Жилищный кодекс также воспринимается жителями как препятствие на пути самоуправления – из-за его противоречивости, неточности формулировок, оставляющей большое пространство для интерпретаций.

“Господ, которые составили этот Жилищный кодекс, я бы их оштрафовала за этот труд. Сколько вреда-то нанес! Почему каждая строчка может читаться и так, и так?” (из интервью с председателем ТСЖ в Перми).

“В Жилищном кодексе с этим разнообразием как разобраться, как со всем этим справиться? Но депутаты сами этим не занимаются, а законы составляют. Если бы они этим занимались, в нашем кругу, они бы другие законы составляли!”

Конкретный пример привел астраханский активист.

“Принят Думой кодекс, на основании этого у нас городская организация издала постановление, в котором помимо всего сказано, что районная администрация должна передать образовавшемуся правлению техническую документацию. В этом постановлении четко написано о районной администрации, и мы дошли до уровня передачи нам документации: нам нужна документация, мы понимаем, что для организации осушения подвала нам необходимо посмотреть кое-что, по техпаспорту. Мы обратились официально, они ответили – обращайтесь в ЖЭК. Мы туда написали три письма, но нам не дают. После этого обратились в администрацию, а нам сказали, что там нету документации – получается замкнутый круг!”

Наконец, огромной проблемой оказывается капитальный ремонт и риски, проистекающие из новой жилищной политики, которая обязывает собственников квартир осуществлять такой ремонт за свой счет. Люди боятся брать дом на самоуправление без проведения капитального ремонта и считают, что отказ государства от ответственности за то, что капремонт не был сделан вовремя, – очередной обман населения. Вот несколько наглядных цитат.

“Государство сначала довело дом до ветхого состояния, затем передает нам развалюху на самоуправление, да еще говорит: ремонтируйте ее за свой счет и несите ответственность за нее!”

“Это непорядочно, мы взяли на управление этот дом, администрация, которая передает нам этот дом, должна передать нам его в нормальном состоянии. 35 лет дому нашему – ни разу капитальный ремонт не был сделан”.

Однако поскольку все вышеупомянутые препоны чинятся внешними акторами, они могут не только препятствовать активизации жителей, но и служить стимулом для коллективной борьбы, спланировать жителей против внешних оппонентов. По мере того как усиливается давление на “начинающих” активистов, они приходят к осознанию столкновения интересов: с одной стороны, интересы своего дома и его жителей, с другой – интересы властей и жилищных фирм.

“Цель у них одна – зарабатывать деньги”.

“Кровью и потом выбиваем деньги, а родной ЖЭК, мэрия, правительство? От них нет ничего!”

Так среди активистов укрепляется уверенность, что они действуют в интересах дома, и они проникаются чувством своей правоты. Наконец, под воздействием сопротивления властей рушатся иллюзии о “заботе” государства, и люди начинают брать ситуацию под свой контроль.

“Конечно, мы сначала пытались сделать капремонт за счет бюджетных денег, но пришли к выводу, что пока будем ждать, дом окончательно придет в упадок, и взялись за это сами”.

“Обидно, конечно... но что делать? Не ждать же сложа руки, пока дом развалится!”

“По плану предстоит еще борьба за выбивание денег из бюджета хотя бы на капремонт крыши”.

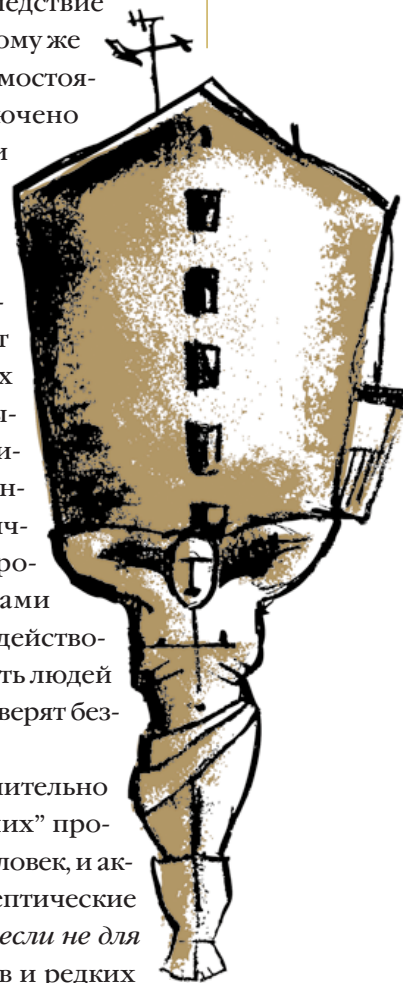
Несмотря на реформу, ЖЭКи не собираются перестраивать принципы своей работы. В одном случае жители дома выбрали НУ, но решили нанять в качестве обслуживающей организации бывший ЖЭК (который был преобразован в ООО) – при условии, что будет подписан предложенный ими договор обслуживания и открыт специальный субсчет для их дома. ЖЭК согласился только через год после начала переговоров. Однако спустя месяц жители констатировали, что в работе ЖЭКа ничего не изменилось, договор не соблюдается, а субсчет на дом еще не открыт. Жители собираются идти до конца.

“Мы будем отстаивать свою точку зрения в свете новых договорных отношений. Ни на йоту от них не отступим. Мы начали новую жизнь, и вы тоже перестраивайтесь!”

Когда препятствия рассматриваются как проявление враждебных жителям сил, действующих своекорыстно, “незаконно” и “несправедливо”, они скорее склоняют людей к борьбе. Когда же они рассматриваются как следствие деятельности “знающих”, “компетентных”, “заботящихся” и к тому же “всемогущих” субъектов, это ведет к отказу от активности и самостоятельного управления домом. Поэтому чем больше людей включено в коллективные действия, чем больше у них сторонников среди авторитетных людей, чем больше доверия между жителями – тем меньше шансов у внешних акторов остановить процесс.

Для российского общества характерен низкий уровень доверия между людьми – за исключением специфического доверия внутри групп “своих” [Хлопин. 2007]. Отсюда проистекает недоверие к людям, которые пытаются действовать в интересах всех жителей, – такой альтруизм у некоторых просто не укладывается в голове и вызывает подозрения. Тем более, если активисты все делают на добровольной основе. Скептически настроенные соседи начинают искать “подводные камни”, источники личной выгоды активистов. Если при этом власть или ЖЭК распространяют информацию о мошенниках или другими способами пытаются внести раздор между жителями, скептики начинают действовать еще более активно. Поразительно, как трудно бывает убедить людей в добропорядочности их собственных соседей и как легко люди верят бездействующим чиновникам.

Однако нужно признать, что в Астрахани эта проблема значительно менее актуальна, чем в других российских городах. “Внутренних” противников самоуправления было очень мало – всего несколько человек, и активно они ничему не препятствовали. На собраниях звучали скептические высказывания (“все равно обманут”, “зачем они это делают, если не для того, что заработать деньги для себя?”), но дальше выкриков и редких

отказов платить по новой системе дело не шло. Это говорит о том, что в домах, уже два года живущих в условиях самоуправления, процесс активизации зашел довольно далеко и установился климат доверия.

Фрейм “ситуативной” активности: основные характеристики

В результате описанного выше процесса часть жителей становятся “ситуативными” активистами. Мы подразумеваем под этим термином шаткое состояние активности, не ставшей еще для человека “образом жизни”. Ситуативные активисты дистанцируются от “обывательского” фрейма, однако альтернативный фрейм в их сознании еще не укреплен. В Астрахани “ситуативных” активистов оказалось особенно много в доме, который всего лишь несколько месяцев назад перешел на непосредственное управление, а также в доме, где уполномоченный создал свою обслуживающую фирму и поставил обслуживание дома на профессиональную основу.

“Ситуативные” активисты определяют ситуацию как позволяющую решить проблему (управление домом) при условии, что “мы” (активные жильцы) будем ее решать.

- “Ситуативные” активисты испытывают страх перед последствиями своей активизации: *“А вдруг не получится?”*; *“А вдруг будет еще хуже?”*; *“Очень сильно боялись”*; *“Буквально не спали ночью от переживаний”*.
- Они ощущают неуверенность в собственных силах и испытывают сомнения в правильности своего выбора: *“Как нам поднять капремонт?”*; *“Разве мы потянем?”*
- “Ситуативные” активисты испытывают соблазн передоверить свои полномочия (и груз ответственности) третьему лицу (государству, управляющей компании, лидеру или инициативной группе). Этот соблазн тем более силен, что капремонт дома (основная забота самоуправляющихся домов) считается обязанностью государства, которое передало дом на самоуправление в ненадлежащем состоянии.
- Они испытывают удовольствие и радость от того, что расширили круг знакомств (*“Оказывается, очень много интересных и способных людей у нас в доме”*), что дом выглядит лучше (*“Пока есть силы, мы будем этим заниматься... потому что так приятно видеть, как дом сейчас выглядит, не стыдно принимать гостей”*), а также от того, что происходит вовлечение соседей в решение общих проблем, что формируется сообщество жителей (*“Вышли все на субботник, и такое ощущение, что впервые увидели друг друга!”*).
- Они начинают чувствовать себя достаточно компетентными, чтобы адекватно распорядиться своими полномочиями: *“Оказывается, я не только домохозяйка без опыта работы, я вникла во все эти дела, я сумела...”*

От фрейма “ситуативной” активности к фрейму долгосрочной активности

Укрепление нового – “активистского” – фрейма зависит от того, как долго человек остается активистом, как часто он взаимодействует с другими участниками процесса, насколько он убежден в полезности своих усилий и насколько

ко плотно он включен в общую деятельность. В обследованных нами четырех домах этот процесс проходил по-разному.

Применительно к дому, который перешел на непосредственное управление только в марте 2007 года, говорить об институционализации и переходе к фрейму долгосрочной активности пока рано. Спустя несколько месяцев после перехода деятельность активистов еще держалась на энтузиазме.

В остальных трех домах в той или иной степени наблюдался процесс институционализации, который проявлялся главным образом в консолидации “костяка” активистов и регулярном функционировании коллективного органа управления и принятия решений.

В наименьшей степени институционализация развита в доме, где самоуправление на практике осуществляется двумя людьми – мужем и женой – при поддержке жителей. В данном случае избранный “уполномоченный” дома (главное лицо в непосредственном управлении) организовал собственную фирму и взял на обслуживание еще четыре соседних дома. Таким образом, коллективный орган самоуправления свелся в этом случае к двум профессионалам, которые взяли на себя решение всех проблем. Опрос жильцов показал, что они довольны главным образом тем, что дом обслуживает “свой человек, а не чужой дядя”. Однако жильцы почти не чувствуют себя причастными к управлению. Их участие в управлении сводится главным образом к контролю над деятельностью уполномоченного и его супруги-бухгалтера, которых соседи воспринимают как новый вариант ЖЭКа.

Намного более развита институционализация в доме – “ветеране” движения, который находится в самоуправлении с конца 2005 года. Коллективный орган управления состоит из шести старших по подъездам, уполномоченной и бухгалтера. Старшие по подъездам вместе с уполномоченной по дому решают текущие вопросы, стараются “сглаживать” локальные конфликты. Главные решения, касающиеся всего дома, принимаются на общем домовом собрании, которое проводится раз в год. Но фактически люди встречаются гораздо чаще. Обход квартир показал, что уровень информированности и включенности большинства жильцов в процесс самоуправления весьма высок. На ежегодном общем собрании, состоявшемся 11 августа 2007 года, несколько часов, до поздней ночи, около сотни человек (в доме 98 квартир) разбирали отчет уполномоченной о проделанной работе и финансовый отчет ревизионной комиссии. Не обошлось без трений и конфликтов, но в результате были согласованы дополнительные правила функционирования самоуправления: чаще собираться, регулярно обнародовать финансовые отчеты. Главным показателем устойчивости сообщества является тот факт, что собираемость платежей здесь достигла почти 100% (деньги за жилищные услуги собирают наличными старшие по подъездам). Результат – осязаемое улучшение состояния дома, а также повышение уровня сознания не только активистов, но и остальных жителей – они “подтягиваются”, начинают сами заботиться о подъезде, дворе.

Вместе с тем складывается впечатление, что уполномоченная дома берет слишком много на себя и подавляет инициативу снизу. Однако не факт, что эта инициатива проявляется реально, а не только на словах.

Наконец, наибольшее внимание уделяется установлению правил самоуправления в четвертом доме, где члены инициативной группы после долгих обсуждений выбрали такую форму организации НУ, как общественный совет дома. Это неформальный (незарегистрированный) коллективный орган, в который входят представители от всех подъездов (больше 20 человек). Все члены избраны на собраниях подъездов и на общем собрании жильцов дома. Примечательно, что входят в совет не только собственники. *“Ведь квартиросъемщики тоже живут в доме, они же могут участвовать в его управлении”*, – объясняют члены инициативной группы. Члены совета собираются часто – чуть ли не еженедельно, и у каждого есть своя специализация и сфера ответственности. Кроме того, активисты целенаправленно пытаются включить как можно больше жильцов в процесс самоуправления. Здесь люди ориентированы на следование “букве закона” и пытаются заставить нанятую ими обслуживающую фирму (ЖЭК) действовать строго в рамках договорных отношений. Их собрания походят на военный совет: они долго обсуждают каждый шаг, чтобы не совершить ошибку и поступить максимально эффективно.

Как же видят ситуацию жилищные активисты? На наш взгляд, они прежде всего обращают внимание на три аспекта:

- формирование соседского сообщества, основанного на доверительных отношениях и соучастии в общем деле;
- восстановление дома;
- борьба за признание своих прав внешними акторами.

28–30 сентября 2007 года в Астрахани прошел Всероссийский конгресс жилищного движения России. В мероприятии приняли участие около 300 представителей самоуправляемых домов из 37 регионов. Принимающей стороной выступил Союз жителей Астрахани, объединяющий более 700 домов, перешедших в непосредственное управление.

ДЕКЛАРАЦИЯ КОНГРЕССА РОССИЙСКОГО ЖИЛИЩНОГО ДВИЖЕНИЯ

“Жилищное самоуправление – народный ответ на произвол чиновников и управляющих компаний!”

Мы, председатели ТСЖ и ЖСК, уполномоченные домов с Непосредственным Управлением, лидеры движений домкомов и активисты ТОСов, из разных регионов России, состоящие в разных политических и жилищных организациях, объединяемся в российское движение “СОЮЗ ЖИТЕЛЕЙ”, чтобы совместно отстаивать наши законные интересы и конституционные права на жилище, на землю, на благоприятную окружающую среду.

Мы считаем, что жилищное самоуправление – самая перспективная форма народовластия, сначала на уровне дома, далее на уровне района и города, а в будущем мы уверены, что и на уровне страны <...> Мы инициативные люди, сплоченные коллективы жителей, способные на деле отстаивать свои права. Мы прошли через первоначальную борьбу и знаем, как побеждать. Мы – наглядный пример того, что самоуправление – это возможно!

Не дайте собой манипулировать, возьмите инициативу на себя. Не верьте чужому дяде, верьте только в себя и собственные силы и способности жителей вашего дома! Возьмите дом на самоуправление, возьмите власть хотя бы в своем доме и присоединитесь к нам. Мы будем помогать друг другу, и все вместе мы создадим сильное движение.

Мы за ТСЖ и Непосредственное Управление, при условии, что они действительно созданы снизу по инициативе самих жителей.

В первую очередь, конечно, активисты занимаются тем, что восстанавливают свои дома – едва ли не половину времени в интервью занимают разговоры о трубах, стояках, крыше, подъездах и т. п. Однако результат оправдывает усилия – состояние всех домов после перехода на самоуправление улучшилось. Это отмечают жители, и этим очень гордятся сами активисты.

Однако внимание уделяется не только техническим аспектам. Все участники интервью указали на значимость улучшения социального климата для успеха общего дела. Поэтому они тратят много сил и энергии на смягчение конфликтов между жителями, пытаются убеждать, находить компромисс: *“С людьми надо работать, не ругаться”*. Активисты целенаправленно стремятся к тому, чтобы установить доверительные отношения с жителями, а также между самими жителями. Поэтому, например, они акцентируют внимание на том, что у них *“все прозрачно”, “все документально оформлено”*: *“Любой может прийти и проверить, сколько было собрано, сколько потрачено и на что”*. Они много общаются, коллективно обсуждают проблемы дома. Вознаграждением за этот труд они считают благодарность людей и проявление встречной инициативы (*“стали говорить спасибо”, “стали уже сами что-то делать, проявлять инициативу”*).

О третьем аспекте восприятия ситуации – взаимоотношениях с внешними агентами – мы уже говорили: это “война” с мэрией за получение бюджетных денег для капремонта, конфликты с ЖЭКом или коммунальными службами и т. п. Всем этим тоже занимаются активисты, которые уже стали “завзятыми”, “застряли” в активистской жизни. Для них уже не стоит вопрос, надо ли мне это или нет, – их активистский фрейм уже достаточно укрепился.

Рассмотрим некоторые характеристики фрейма долгосрочных активистов, которые мы извлекли из интервью и бесед с ними.

- Долгосрочные активисты противопоставляют себя – как группу – остальным; при этом возможна ностальгия по прежней, спокойной и простой, жизни обывателя. *“На основную массу жителей мы не возлагаем особенных надежд, мы выбрали в совет самых активных и способных и доведем дело до конца”*; *“Те, которые регулярно приходят на собрания, – они уже вроде бы активисты”*.
- Активистская деятельность становится частью определения своего “я”: они говорят о себе как об “активистах”, заявляют, что *“тяжело, конечно, но без этого было бы уже скучно”*.
- Они часто употребляют местоимение “мы”: “мы можем”, “мы должны”. *“В общественный совет дома входят представители от всех подъездов. Мы собираемся часто, каждый раз, когда необходимо, но каждое решение мы обязательно принимаем все вместе”*; *“Удивительно, но мы смогли самостоятельно содержать наш дом и мы начали его восстанавливать”*.
- Долгосрочные активисты идентифицируют себя с коллективом жильцов. *“Дом у нас – это уже одна большая семья”*; *“Мы уже знаем наших людей, знаем все их разборки”*.
- Они ценят взаимопомощь и солидарность, часто с радостью отмечают, что *“соседи, мужья помогают, поддерживают”*.
- Долгосрочные активисты меньше боятся ответственности, чем “ситуативные”. Они ведут себя более уверенно, проникаются сознанием собственного

права на что-то влиять. “Это налагает на нас обязательства – конечно, мы должны ответственно относиться друг к другу”.

- Они выходят за пределы частных интересов (ограниченных рамками семьи) и живут общими интересами жителей дома. “Свой дом – это уже как своя квартира”; “Мы вынуждены объединяться, и каждый должен заботиться о доме в целом, об общих местах”; “Мы привыкли, что все общее и не наше, теперь поняли, что общее – это наше”.

На этапе перехода к фрейму долгосрочной активности противодействие со стороны третьих лиц и внутренних противников теряет в силе воздействия, но не нивелируется совсем. Человек меньше обращает на него внимания, чувствует себя увереннее. Большую роль играет наличие поддержки, ощущение принадлежности к сплоченному коллективу или активистской сети.

Тем не менее обывательский фрейм остается привлекательным и удерживает в себе большинство жителей. Он более привычен и “нормален”, более “общественно признан”, тогда как активистский фрейм остается достаточно маргинальным. Если в Астрахани уже достигнута критическая масса, при которой житель может вполне комфортно себя чувствовать в роли активиста, то в целом по стране такая ситуация нетипична.

Что может обеспечить устойчивость активистского фрейма? На основе исследования в Астрахани можно выделить следующие условия.

- *Продолжительность* – долгосрочное участие человека в процессе самоуправления.
- *Доверие* – ощущение активистом доверия к себе со стороны жильцов, его доверие к жильцам.
- *Ratification (утверждение)* – ощущение активистом благодарности или признания со стороны жильцов.
- *Регулярность и постоянство взаимоотношений* с другими активными жителями дома – частое общение с ними, тесные межличностные связи.
- *Участие в коллективной разработке правил самоорганизации и самоуправления.*
- *Наличие коллективного органа управления* (совет дома, домком, объединение старших по дому и т. д.), который отличается от инициативной группы тем, что это уже не временный и не формальный коллектив; *эффективное и демократичное* (высокая степень прозрачности и открытости) *функционирование этого органа.*
- *Наглядные положительные результаты деятельности* – моральное удовлетворение от того, что дом лучше выглядит.
- *Достижение критической массы* – противники самоуправления остаются в меньшинстве и в изоляции.
- *Налаживание контактов с активистской сетью* за пределами дома.
- *Улучшение социального климата* в доме (снижение остроты противоречий между обывателями и активистами) – приносит чувство комфорта в среду обитания и активистской деятельности. Здесь большую роль играют поведенческие стратегии самих активистов: насколько они стремятся убеждать соседей, сглаживать внутренние конфликты.
- *Соучастие* – причастность каждого жителя к самоуправлению, вовлеченность в конкретную деятельность и внесение своего вклада.

- *Повышение статуса* – превращение домохозяек или ничем не примечательных жителей в активистов с определенным авторитетом.
- *Эмоциональный заряд* – сильные положительные эмоции от активистской деятельности (например, чувство радости при виде массового участия жителей в субботнике).
- *Борьба с препятствиями*, создаваемыми властью, коммунальными службами, ЖЭКом и т. п. Спротивление сплачивает участников, стимулирует их активность, затрудняет уход из активистской деятельности: трудно покинуть поле борьбы, оставить других без поддержки.

Очевидно, что сочетание всех этих элементов в реальной жизни встречается крайне редко или даже вовсе не встречается (иначе в стране было бы уже мощное и массовое жилищное движение). Однако часть из них, в разных комбинациях, всегда в той или иной степени присутствует у того или иного сообщества активистов.

Самыми значимыми условиями институционализации активистского фрейма мы считаем два: наличие коллективного органа управления и формирование коллектива с высокой степенью солидарности.

На наш взгляд, залог успешности и устойчивости активистских практик – в прочности и обширности горизонтальных связей между соседями и в формировании сообщества жильцов. В исследованных нами домах в Астрахани такое сообщество сложилось, а горизонтальные связи были неплохо развиты. Этому способствовали совместные действия жителей по восстановлению домов, объединение усилий перед лицом внешних “враждебных сил”, а также целенаправленная деятельность активистов по развитию доверия. Для производства, и особенно для воспроизводства этой культуры, как это установлено теорией коллективных действий, нужно, чтобы фрейм-деятельность активистского сообщества включала в себя и “культурный фрейминг”, то есть целенаправленные действия по продвижению культуры доверия, причем таким образом, чтобы она могла быть понятной и привлекательной для других, чтобы она нашла общественный “отклик” и вошла в резонанс с установками целевой аудитории.

В итоге отметим, что астраханское “поле” дало нам прекрасную возможность осмыслить процесс становления активистов и фрейм-трансформации. Здесь сосредоточено множество условий, благоприятствующих активизации жителей. Расширяя перспективу, скажем, что теория фрейма была нами тестирована еще на других полях, и она нам кажется очень плодотворной для понимания и объяснения трудностей и возможностей превращения обывателей в активных граждан – особенно в таком обществе, как российское. ■

Литература

- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИСПАН, Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Хлотин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма. Полития. 1997. № 3. С. 5–26
- McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.) Comparative Perspectives on Social Movements. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.
- Rhys H. William. The Cultural Contexts of Collective Actions: Constraints, Opportunities and the Symbolic Life of Social Movements, in D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi, The Blackwell Companion to Social Movements. Blackwell Publishing, 2004. P. 91-115.

Е. Васильева

Октябрьская революция: актуальный образ исторического события

Историческое событие – всегда открытая проблема, незавершенный социальный конструкт, “обрастающий” новыми смыслами в текущем времени. Особенно это актуально в ситуации меняющегося, трансформирующегося общества, когда обостряется интерес к знаковым событиям прошлого, а зачастую – происходит их переинтерпретация и переоценка. В такие периоды вопрос “как все это было на самом деле?” в публичных, а часто даже в академических дискуссиях отступает на второй план перед вопросом “что все это значит для сегодняшнего дня?”

Пожалуй, один из наиболее выразительных примеров актуального события российской истории, отдаленного от настоящего на многие десятилетия, – это Октябрьская революция. В канун ее 90-летия – в октябре 2007 года – Фонд “Общественное мнение” задал россиянам ряд вопросов об этом событии¹.

Что осталось в памяти россиян?

По прошествии десятилетий картина любого исторического события в массовом сознании может существенно трансформироваться. Число участников и очевидцев произошедшего естественным образом сокращается, непосредственные свидетельства покрываются музейной пылью. Появляются интерпретации и переинтерпретации, учебные и научные тексты разного качества и разной идеологической направленности. Немаловажную роль играет появление художественной литературы и художественных фильмов, где частичная реконструкция исторических событий щедро приправлена вымыслом. Все это приводит к возникновению новых смысловых конструктов, состоящих частично из запомнившихся деталей реальных событий, частично – из мифов и фольклора и т. д.

В конкретном случае – случае Октябрьской революции – смысловые трансформации были особенно интенсивными, потому что это событие на протяже-

¹ Общероссийский опрос населения от 27–28 октября 2007 года (44 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов).

нии десятилетий было не просто историческим фактом, а символом и “точкой отсчета” в выстраивании социально-исторической идентичности режима и советского жизнеустройства в целом. Интерпретация событий 1917 года всегда была чрезвычайно идеологически насыщенной и часто выполняла латентную функцию легитимации советского строя. Конечно, всегда существовали, а во время перестройки получили широкое распространение, альтернативные толкования обсуждаемых событий. Но и они, в свою очередь, часто несли в себе идеологический – антисоветский – “заряд”.

Очевидно, что конструирование исторического события “Октябрьская революция” (или октябрьский переворот) будет незавершенным процессом до тех пор, пока не закрыт вопрос о национальной и государственной идентичности России. Тем больший интерес для социолога представляет “срез” этого процесса в умах людей, то есть мозаика из того, что прочно запечатлено в памяти еще с советских времен, и того, что было привнесено более поздними дискуссиями, а также того, что рождается в повседневном опыте каждого человека и в его личной истории.

Поэтому ряд вопросов Фонда “Общественное мнение” был направлен на то, чтобы выявить, как именно, в каких “образах” события 1917 года живут в памяти наших сограждан, какие детали и имена прежде всего приходят в головы людей в связи с ними.

Назвать год, когда произошла Октябрьская революция, смогли 80% опрошенных россиян. Остальные респонденты указали год неверно (4%) или затруднились ответить на вопрос (16%).

Верную дату, что вполне естественно, чаще прочих указывали респонденты среднего (36–54 года) и старшего возраста (90 и 87% соответственно), лица с высшим образованием, а также сторонники КПРФ (89 и 88%).

Более существенные затруднения вызвала у россиян просьба вспомнить участников событий 1917 года и назвать тех из них, к кому они относятся положительно, с симпатией. Половина респондентов (52%) не смогли ответить на этот вопрос. Наиболее популярным и часто упоминаемым участником революционных событий оказался, как и следовало ожидать, В. Ленин – его назвали 27% опрошенных. С большим отрывом за ним следуют Ф. Дзержинский (8%), И. Сталин (5%), Л. Троцкий (4%) и С. Киров (2%). Остальных участников революционных событий назвали не более 1% респондентов. Среди этих участников – М. Калинин, Н. Крупская, Я. Свердлов, Н. Бухарин, А. Керенский, Г. Зиновьев и другие.

В этом же ряду были названы известные деятели последовавшей за Октябрьским переворотом Гражданской войны (В. Чапаев, С. Буденный, А. Колчак, Н. Махно). Кроме конкретных имен респондентами упоминались также коллективные субъекты: “большевики”, “революционеры”, “коммунисты”, “красные”, “белогвардейцы”.

Структура ответов на данный вопрос свидетельствует, во-первых, о том, что Октябрьская революция и Гражданская война воспринимаются как целостный комплекс исторических событий и персонажей. Во-вторых, бросается в глаза большая известность деятелей

Интерпретация событий Октябрьской революции всегда несла в себе идеологический “заряд” той или иной направленности – советской или антисоветской, что, безусловно, сильно сказалось на образе этого исторического события в массовом сознании

большевистской партии и командиров Красной армии в сравнении с представителями Временного правительства России (из них был назван только А. Керенский) и белыми офицерами (из них респонденты вспоминали только А. Колчак и совсем редко – А. Деникина). Такую асимметрию никак нельзя назвать неожиданной: десятилетиями советская власть через школьные учебники, литературу, кино формировала в народном сознании определенный образ революции. Сыграл свою роль и возросший на ниве официальной идеологии фольклор: очевидно, что адмирал Колчак не может тягаться в популярности с персонажами анекдотов “про Василия Иваныча и Петьку”. Получается, что даже при смене оценок и эмоционального отношения к событиям революции и Гражданской войны круг запомнившихся людям персонажей остался неизменным: при всех исторических переистолкованиях и “открытиях” постсоветского времени участники событий 1917 года, не входившие в число победителей и не превознесенные в свое время советским режимом, остались народу неизвестными.

“Октябрьская революция”: многообразие ассоциаций

Опрошенные россияне по-разному реагировали на просьбу сказать, что именно прежде всего приходит им в голову при упоминании слов “Октябрьская революция” (вопрос задавался в открытой форме). Прежде всего обращает на себя внимание неодинаковая степень эмоциональности ответов. Одни участники опроса старались вспомнить факты и описать возникающие у них визуальные ассоциации. Другие – те, кто принял предмет обсуждения ближе к сердцу, – описывали свои чувства, давали эмоциональную оценку событиям революции и Гражданской войны.

Так, среди “картинок”, встающих перед глазами россиян при словах “Октябрьская революция”, – хрестоматийные “залп Авроры”, “штурм Зимнего”, “Ленин на броневике” (упоминали в сумме 15% опрошенных). У значительной части респондентов (10%) со словами “Октябрьская революция” ассоциируется прежде всего “красивый, дружный праздник” – 7 ноября: “красные звезды, парад”, “красные флаги”; “демонстрации”.

Эмоционально окрашенные суждения оказались сильно поляризованы – от резко отрицательных до однозначно положительных. Среди негативных ассоциаций – война и кровопролитие (“начало Гражданской войны”, “боль, кровь, война”, “братоубийство” – 6%); хаос, разруха и голод (“бардак, неразбериха”, “беспредел”, “разорение России”, “холод, голод” – 4%). Некоторые участники опроса прямо высказывали негативное отношение к этому событию (“кошмар”, “крупнейшая историческая ошибка”, “беда”, “лучше бы ее не было” – 5%).

Те же, у кого упоминание Октябрьской революции вызывает положительные ассоциации, говорили об освобождении народа, борьбе за справедливость, равенство, демократию (“народ пришел к власти”, “равенство и дружба, братство народов”, “свобода личности”, “социальная справедливость” – 5%); некоторые выражали общее одобрение произошедшему (“было трудно жить, а по-

том легче и весело, человек человеку был друг”, “восхищение”, “все было правильно”, “молодцы ребята” – 2%). В ответах части опрошенных звучала ностальгия по советскому прошлому: “при коммунистах была для всех работа, а сейчас бомжуют”, “люди одинаково жили”, “нормальная, стабильная жизнь” (3%). Ряд респондентов даже считают, что сегодня нужна еще одна революция: “ее сейчас надо совершать, чтобы богатеев разогнать”, “повторить ее надо” (1%).

Похоже, что первые ассоциации россиян со словами “Октябрьская революция” – это всплывшие в памяти картинки и рассказы из школьных учебников, элементы дискурса советских СМИ (“равенство и дружба, братство народов”) и антисоветской литературы (“крупнейшая историческая ошибка”). Обращает на себя внимание широкий спектр возникающих эмоций и оценок: от однозначного одобрения до полного неприятия.

Последствия революции для жизни страны

Отвечая на вопрос о соотношении позитивных и негативных последствий Октябрьской революции для России, респонденты также разделились на два лагеря: 40% считают, что преобладали позитивные последствия, 29% – что негативные (31% опрошенных затруднились с ответом).

Оценки последствий событий 1917 года существенно различаются в зависимости от возраста, дохода, местожительства и политических взглядов россиян. Так, респонденты старшего возраста (55 лет и старше) чаще говорят о преобладании положительных последствий Октябрьской революции (53% против 25%, усматривающих перевес отрицательных), среди молодежи же разделяющих первую и вторую точки зрения поровну – по 29%. Очевидно, именно людям в возрасте свойственна ностальгия по советскому прошлому, когда “все дешево было”; “...было бесплатное образование, лечение” и т. д., что и сказывается на их оценках последствий октябрьских событий (график 1).

Среди респондентов с низким доходом (не более 2500 рублей на члена семьи в месяц) половина (49%) говорят, что революция принесла стране больше положительного, и только пятая часть (20%) – что больше отрицательного. Среди же лиц с относительно высоким доходом (более 4500 рублей на члена семьи) преобладают, хотя и незначительно, сторонники второй точки

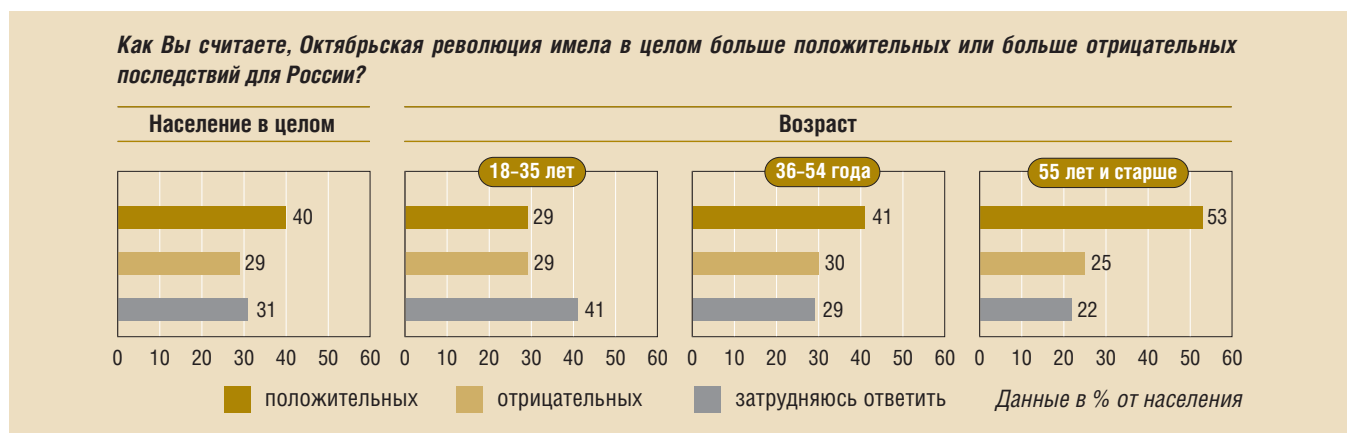

График 1

Как Вы считаете, Октябрьская революция имела в целом больше положительных или больше отрицательных последствий для России?

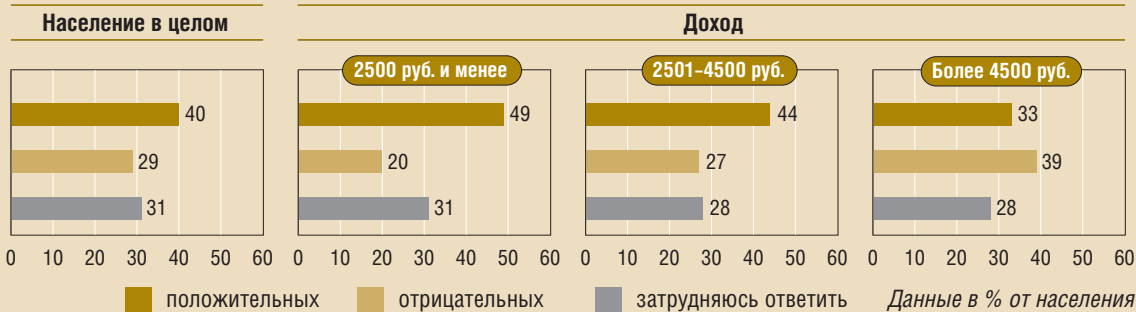

График 2

Как Вы считаете, Октябрьская революция имела в целом больше положительных или больше отрицательных последствий для России?

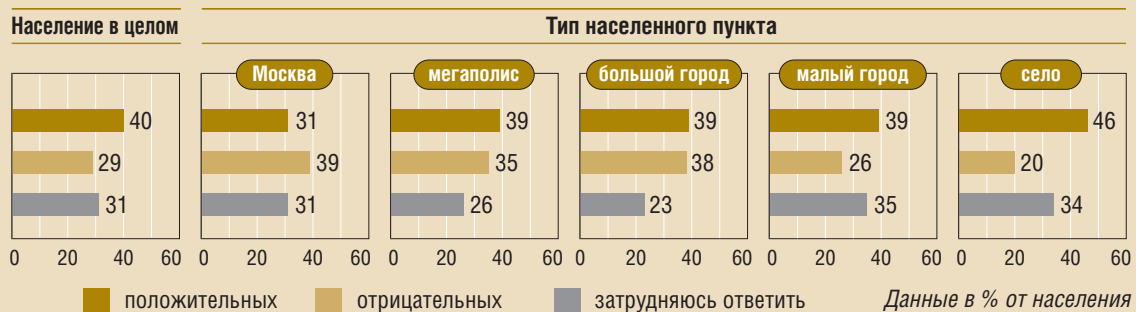

График 3

зрения: 39% против 33% разделяющих первую. Эту зависимость также несложно понять: видимо, чем ниже доход человека, тем сильнее его желание “богатеев разогнать” и одобрение к тем, кто когда-то добился “социальной справедливости” (график 2).

Вероятно, схожие компенсаторные механизмы лежат в основе того, что сельчане чаще говорят о преобладании положительных последствий революции, чем горожане. Так, в Москве наблюдается небольшой перевес доли тех, кто считает эти последствия по преимуществу отрицательными (39% против 31% оценивающих их как в основном положительные). В мегаполисах и больших городах мнения разделились примерно поровну; в малых городах несколько больше тех, кто усматривает в последствиях революции больше позитивного (39% против 26% видящих в них главным образом негатив). Среди сельчан же перевес сторонников этой точки зрения – более чем двукратный: 46% против 20% соответственно. Возможно, это связано с озвученными самими респондентами представлениями, что в 1917 году “крестьяне взяли свое, что им принадлежало”, “завоевали землю” (график 3).

Наконец, следует сказать о том, как оценка последствий произошедшего в 1917 году зависит от политических предпочтений россиян. Примечательно, что в любой из рассматриваемых электоральных групп (электораты “Единой России”, КПРФ, ЛДПР, “Справедливой России”) доля оценивающих эти послед-

Как Вы считаете, Октябрьская революция имела в целом больше положительных или больше отрицательных последствий для России?

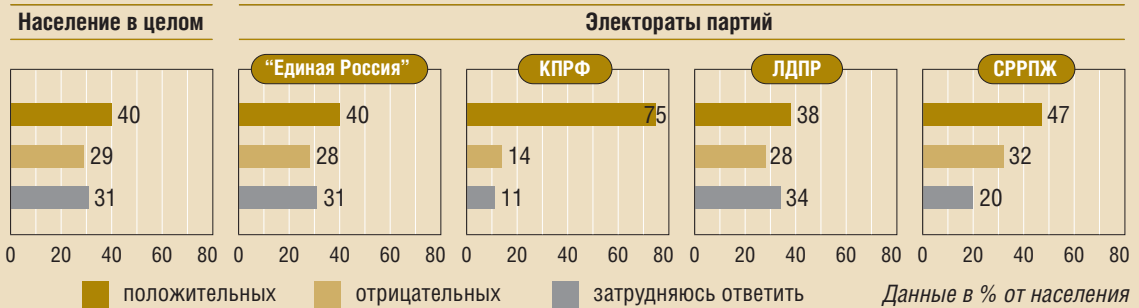

График 4

ствия как по преимуществу положительные превышает долю характеризующих их как главным образом негативные, но лишь среди сторонников КПРФ это перевес в разы – 75% против 14% (график 4).

Отвечая на открытый вопрос, каковы, по их мнению, были **положительные последствия** событий 1917 года, респонденты говорили об устранении социального неравенства, угнетения и эксплуатации людей (“все получили равные права”, “наступило равенство людей”, “было покончено с рабством” – 8%); о том, что народ получил свободу (3%); упоминались конкретные права и свободы: “людям дали право на труд”, “женское равноправие”, “появилась свобода слова” (1%). Часть респондентов считают, что в 1917 году в стране было установлено народовластие: “к власти пришел народ” (2%).

Положительным следствием революции многие считают становление нового государственного строя и создание СССР (“Советский Союз”, “зарождение социалистического государства...” – 4%).

Значительная часть участников опроса одобрительно высказывалась о жизни в советское время: о социальной защите, заботе о населении (“всем стало доступно бесплатное образование”, “была бесплатная медицина”, “жилье предоставляли бесплатно” – 8%); о качестве жизни при советской власти (“70 лет люди жили нормально”, “жизнь для народа стала лучше” – 5%). Часть респондентов указали на успехи советской экономики (“движение вперед: из аграрной страны Россия стала индустриальной державой”, “электрификация всей страны” – 4%), развитие науки и техники (“дала толчок для научных открытий”, “первыми полетели в космос” – 1%). По мнению некоторых, “Россия шагнула вперед, стала развиваться, из отсталой страны превратилась в могучую державу” (2%).

Отвечая на открытый вопрос об **отрицательных последствиях** революции, участники опроса прежде всего говорили об ограничении прав и свобод человека, терроре, репрессиях (“1937 год был потом”, “аресты”, “геноцид”, “ежовщина”, “красный террор”, “нарушение всех прав и свобод”, “тюрьмы, ГУЛАГ” – 9%); кровопролитии, массовой гибели людей (“гибель огромной массы людей”, “много резни”, “все на свете превратили в кровь” – 8%). Некоторые говорили также

о тоталитаризме и культе личности (“диктатор у власти”, “тоталитаризм”, “культ Сталина”, “сталинизм” – 1%).

Многими назывались такие последствия, как “голод, разруха, болезни” (6%); раскулачивание, коллективизация, общий урон, нанесенный сельскому хозяйству (“отобрали землю у людей, раскулачили”, “всех согнали в колхозы”, “развалили сельское хозяйство” – 5%); а также войны (“брат против брата воевал”, “Гражданская война”, “довела до Второй мировой войны” – 4%).

Часть респондентов вспомнили об уничтожении и изгнании российской интеллигенции (“интеллигенцию загубили, всех умных людей”, “много хороших умов ушло за границу”, “погибло много талантливых людей” – 3%); некоторые отмечали разрушение традиционной культуры (“культуру всю уничтожили”, “сделали из народа серую массу” – 2%); “уничтожение монастырей, церквей”, “безбожие, атеизм” (2%).

Были и те, кто говорил о крушении великой Российской империи и последовавшем упадке страны (“загубили Россию”, “Россия не стала богатой страной, какой могла бы стать, если бы не этот переворот”, “Россия из одной из самых передовых и богатых стран в мире превратилась в нищую страну” – 3%).

Как видим, налицо сильная поляризация оценок последствий революции в самых разных сферах. Так, в сфере прав и свобод человека одни респонденты видят наступление “равенства людей”, другие же, наоборот, – “нарушение всех прав и свобод”.

В области экономики одни отмечают “движение вперед: из аграрной страны Россия стала индустриальной державой”, другие же видят ситуацию совершенно иначе: “развалили сельское хозяйство”, “всех согнали в колхозы”. Одни радуются научным достижениям СССР и тому, что мы “первыми полетели в космос”, другие говорят о том, что “интеллигенцию загубили”, “сделали из народа серую массу”. Наконец, восторг одних по поводу того, что Россия “стала ведущей державой”, резко контрастирует со скорбью других: “развалили Российскую империю”.

Невозможно не привести здесь две абсолютно симметричные и противоположные по оценочному “заряду” фразы: “Россия шагнула вперед, стала развиваться, из отсталой страны превратилась в могучую державу” и “Россия из одной из самых передовых и богатых стран в мире превратилась в нищую страну”. Сложно поверить, что авторы этих суждений говорят о последствиях одного и того же события в истории одной и той же страны. И это – ярчайшее подтверждение тому, что вопрос о самоопределении страны, требующий целостного осмысления событий истории и современности, открыт и, более того, обладает большим дискуссионным потенциалом.

На пересечении личной истории и истории страны

Переломные моменты истории – это не только вехи на пути развития страны, нации, но и конкретные уникальные жизненные обстоятельства отдельных людей, семей, живших в то или иное время. Но чем более отдалено во времени событие и чем более оно идеологически “нагружено”, тем слабее в общем хоре голосов слышны отдельные “истории из жизни”.

Среди ответов на открытый вопрос о том, что прежде всего приходит людям в голову, когда они слышат слова “Октябрьская революция”, довольно редко звучали воспоминания и ассоциации, связанные с личной историей респондентов и с историей их семей: “дедушку и дядю расстреляли белогвардейцы”, “детство”, “как отцы воевали”, “мы родились в то время”, “у меня отец был революционер, его вспоминаю” (1%). При этом в выборке достаточно много молодых людей, чьи деды или даже родители – то есть родственники во втором и третьем поколении – наверняка жили в 1917 году. Получается, что у большей части этих людей ассоциации с событиями революции, полученные из СМИ, учебников и фильмов, ярче и прочнее, чем та информация, которую они могли получать и наверняка получали от родственников, бывших очевидцами этих драматических событий.

Мы задали респондентам вопросы о том, как они оценивают непосредственные и долгосрочные последствия событий 1917 года в жизни своей семьи. Оказалось, что 28% россиян ничего не знают о своих предках, живших в 1917 году. Такое же число респондентов считают, что Октябрьская революция принесла их предкам в тот исторический момент больше вреда, чем пользы. Несколько реже участники опроса говорили о пользе революции для своих предков (24%). Каждый пятый (20%) затруднился ответить на этот вопрос.

Что касается оценки более отдаленных последствий революции для жизни семей респондентов, то есть последствий, влияющих и на сегодняшнюю жизнь россиян, то соотношение оценок другое: 32% опрошенных считают, что было больше позитивных последствий, и 22% – что больше негативных. 46% участников опроса не смогли оценить отдаленные последствия революции для своих семей.

Склонность к более позитивному оцениванию “отложенных” последствий Октябрьской революции по сравнению с последствиями, наступившими немедленно, легко понять, вспомнив ответы респондентов на другие вопросы. Как правило, непосредственным продолжением революции люди видят Гражданскую войну, когда “брат против брата воевал”, а в ней, конечно, сложно найти позитивные стороны. В то же время среди отдаленных последствий событий 1917 года – весь советский образ жизни, о котором многие россияне вспоминают тепло, ностальгически.

Что касается личного опыта респондентов, связанного с Октябрьской революцией, то для многих это прежде всего опыт празднования 7 ноября. Выше уже шла речь о том, что у каждого десятого россиянина слова “Октябрьская революция” ассоциируются с “красным днем календаря”: “гуляли, отдыхали”,

У большей части наших сограждан, принадлежащих к старшей возрастной группе, ассоциации с событиями революции, полученные из СМИ, учебников и фильмов, ярче и прочнее, чем та информация, которую они могли и наверняка получали от своих родственников, бывших очевидцами этих драматических событий

“демонстрация, мы ощущали праздник, ждали его”, “красные звезды, парад”, “красные флаги”. Кстати, 48% россиян считают 7 ноября особым, важным, значимым днем (не считают чуть меньше – 42%). Примечательно, что это ощути-мо больше, чем доля россиян, полагающих, что Октябрьская революция при-несла стране больше позитивных последствий. Это не только иллюстрирует тезис, что образ события прошлого вбирает в себя и более современные смыс-

лы, но также показывает, что более поздние практики, по-видимому, могут отчасти формировать и эмоциональное отношение к событию. Так, даже у человека, прекрасно осведомленного о тяжелых последствиях переворота 1917 года, при упоминании слов “Октябрьская революция” могут возникать приятные ассоциации: выходной день, флаги, цветы и пр.

* * *

По эмоциональности и сильной поляризации ответов на вопросы об Октябрьской революции видно, что и по прошествии 90 лет многие россияне неравнодушны к этим событиям. Для одних они означают рождение мощной советской державы – государства социальной справедливости и власти народа, для других же – гибель великой Российской империи, крах культуры, попрание всех прав и свобод.

На протяжении десятилетий события 1917 года были “точкой отсчета” в выстраивании социально-исторической идентичности советского режима и советского образа жизни. Набравшие силу в перестроечное время альтернативные истолкования событий были в не меньшей степени обусловлены актуальной социально-политической ситуацией. Интерпретация революционных событий всегда несла в себе идеологический “заряд” той или иной направленности – советской или антисоветской. Это, конечно, сильно сказалось на образе Октябрьской революции в массовом сознании. Во-первых, он чрезвычайно богат смыслами и ассоциациями совершенно разной, часто полярной направленности и эмоциональной окраски. Во-вторых, это тот случай, когда история страны, державы “заслоняет” собой истории отдельных людей и семей. В-третьих, велик вклад в этот образ явлений гораздо более поздних, нежели сами события 1917 года. Так, ни ГУЛАГ, ни первый полет в космос нельзя назвать непосредственными следствиями Октябрьского переворота, но они тем не менее ассоциируются с ним, как и многие другие черты и практики советского времени.

Наконец, следует отметить, что значимость темы Октябрьской революции для россиян, а также тесная связь интерпретаций этого события с проблемами самоопределения нашей страны и с существующей социально-политической обстановкой делают эту тему своего рода “лакмусовой бумажкой”, по которой можно судить о настроениях и мнениях россиян. Поэтому обращение к нашим согражданам с подобными вопросами в будущем и отслеживание возможной динамики представляется не только весьма интересным, но и продуктивным. ■

У каждого десятого россиянина слова “Октябрьская революция” ассоциируются с “красным днем календаря”

В. Полякова

Представления россиян о глобализации

Тема глобализации часто присутствует в СМИ; но, согласно результатам опроса¹, сегодня этот термин неизвестен более чем половине россиян: 46% респондентов заявили, что слышат его впервые, и еще 11% затруднились сказать, знакомо ли им это понятие. Знают или хотя бы слышали слово “глобализация” 44% респондентов². Этот показатель заметно выше среди людей с высшим образованием (79%) и москвичей (66%). Отметим, что с 2001 года доля тех, кому в той или иной мере знакомо данное понятие, увеличилась всего на 5 п.п. – с 39 до 44%³.

Что такое “глобализация”?

Какие же представления о глобализации существуют в обыденном сознании? Как люди относятся к самому этому процессу, на каких его аспектах акцентируют внимание? Общее представление об этом можно получить из ответов респондентов на открытый вопрос, как они понимают слово “глобализация”.

Чаще всего респонденты связывали обсуждаемое понятие с процессом объединения, слияния, синхронизации развития в масштабах всего мира: *“происходят изменения одинаковые во всем мире”, “процесс объединения стран, государств в единую коалицию”, “стирание граней между государствами”, “это укрупнение, объединение”*. Подобные ответы дали 16% опрошенных (или более трети тех, кому знакомо понятие). Некоторые (2%) указывали, что глобализация – это формирование мирового рынка, *“единого экономического пространства”*: *“разделение производства между странами мира”, “экономические проблемы становятся едиными во всем мире”*.

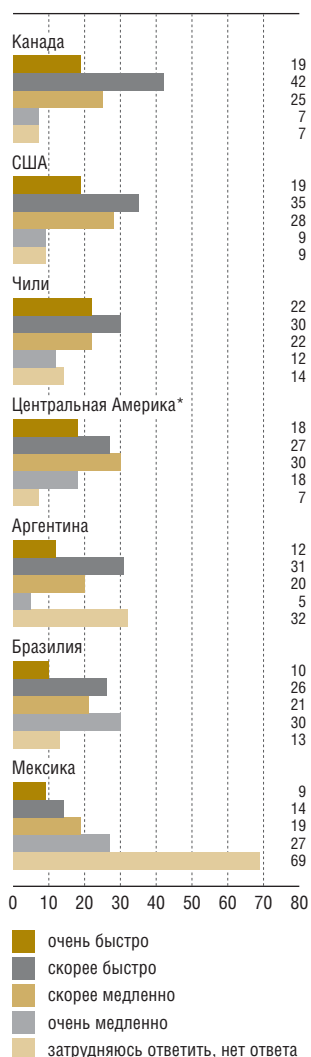
Часть участников опроса понимают глобализацию не просто как процесс объединения, но как экспансию, господство отдельных стран над остальным миром, стремление сильных, развитых государств подчинить себе слабые (3%): *“навязывание определенных позиций развитых стран неразвитым”, “централизованная власть нескольких государств”, “когда крупные страны подавляют мелкие страны”*.

¹ Общероссийский опрос населения от 9–10 июня 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Дальнейшие вопросы задавались только этой группе респондентов.

³ Общероссийский опрос населения от 27–28 июля 2001 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Как Вы считаете, экономическая глобализация в целом, включая торговлю и инвестиции, развивается очень быстро, скорее быстро, скорее медленно или очень медленно?

* Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама
 GlobeScan по заказу BBC World Service. Международный опрос проходил с 31 октября 2007 г. по 25 января 2008 г. 34 528 городских жителей в 34 странах мира. Данные в % от опрошенных
http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb08/BBCecon_Feb08_rpt.pdf

Такая же доля респондентов (3%) говорит о глобализации как об объединении – судя по тону ответов, добровольному – для решения каких-либо общемировых проблем: “*весь народ должен объединяться для решения глобальных проблем*”, “*объединение стран в решении экономических и политических проблем*”, “*все важные мировые проблемы решаются сообща*”, “*решение глобальных проблем: как сохранить планету, чем и как накормить население*”. Еще 1% считают, что глобализация означает движение людей к лучшему: “*улучшение всего, во всех сферах*”, “*движение за равноправие*”, “*все страны объединятся, хотя бы помотать бедным*”, “*борьба за правду*”.

Часть опрошенных демонстрировали еще более “приблизительные” представления о глобализации. Одни говорили о глобальном потеплении и экологических проблемах в целом (“*в связи с техническим прогрессом нарушается экология Земли*”, “*парниковый эффект в связи с развитием современных технологий*”, “*глобальное потепление, изменение климата во всем мире*”, “*изучение таяния ледников, глобальное потепление*” – 1%). Другие – о технологическом прогрессе и других изменениях (“*это глобальная перестройка в обществе*”, “*развитие систем связи, транспорта, коммуникации*”, “*переход на более высокий уровень технологического развития, который приводит как к положительному, так и к отрицательному влиянию на мир в целом*” – 1%). Отдельные участники опроса (менее 1%) вообще вспоминали о движении антиглобалистов: “*молодежное движение антиглобалистов*”, “*часть людей, которые идут против чего-то*”, “*это люди, которые против всяких объединений*”, “*глобалисты мешают саммиту*”.

Таким образом, в обыденных определениях глобализации выделяются три линии: во-первых, объединение человечества, трактуемое тем или иным образом, во-вторых – экспансия и в-третьих – проблемы и тенденции, с которыми в той или иной степени сталкивается все человечество. При этом первая линия доминирует в общественном сознании.

В оценках глобализации осведомленные о ней россияне разделились примерно поровну: 20% (9% по выборке в целом) относятся к этому явлению положительно, 18% (8% по выборке) – отрицательно. Остальные либо заявили о своем безразличии, либо затруднились определить свое отношение.

Данный аспект проблемы, наряду с прочими, обсуждался на фокус-группах⁴. Оказалось, когда речь идет о глобализации в области экономики, то позитивные и негативные отзывы примерно уравнивают друг друга, но когда встает вопрос о глобализации в сфере культуры – преобладают отрицательные оценки.

В контексте обсуждения экономической глобализации участники говорили о роли транснациональных корпораций. Респонденты фокусировали внимание на разных сторонах этого вопроса. Одни подчеркивали, что у крупных корпораций больше возможностей для оптимизации производства и их обороты значительно выше, чем у среднего и малого бизнеса.

“Развитие в плане экономики вот дает... Ну смотрите, я говорил об этом: маленькое предприятие, я на примере маленького предприятия, которое вырабатывает определенную продукцию, да? И огромный синдикат. У кого – естественно, у огромного синдиката больше и возможностей для

⁴ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 5 июня 2007 года.

развития, для качественного выпуска той или иной продукции, понимаете, чем у маленького предприятия” (ДФГ, Москва).

“Плюс экономическая выгода, потому что, естественно, транснациональная корпорация – она эффективнее произведет продукт, с меньшими затратами, поэтому наиболее эффективна” (ДФГ, Самара).

Другая часть дискуссионтов делала акцент на том, что ТНК монополизуют рынок и тем самым не дают развиваться среднему и малому бизнесу. В результате, по их мнению, фирмы разоряются и люди теряют рабочие места.

“1-й участник: Монополия диктует цены. Это уже плохо.

Модератор: Ну и что, подумаешь, ну не будет среднего бизнеса, а чего такого-то, и что?

2-й участник: А не будет среднего бизнеса – миллионы и миллионы людей же разорятся” (ДФГ, Москва).

“Большие фирмы с крупными оборотами – они могут поставлять свою продукцию вначале там по дешевым ценам. У них много денег на рекламу. Поэтому... экономика, крупные фирмы сжигают мелкие. Вот во Франции уничтожаются сыры какие-то со столетней историей, редкие, потому что не выдерживают конкуренцию...” (ДФГ, Новосибирск).

Кроме того, в условиях глобализации на рынке появляются иностранные компании, которые, по мнению некоторых респондентов, вытесняют отечественного производителя.

“«Марс» там, «Сникерс», который, как говорится, есть нельзя, но дешево и, как говорится, большим потоком. Ну, вот фильмы опять же те же американские крутят. Давят все наше, отечественное” (ДФГ, Новосибирск).

Засилье иностранных корпораций, по мнению респондентов, способствует усугублению неравенства между богатыми и бедными странами: *“богатые становятся еще богаче, бедные еще беднее” (ДФГ, Самара).*

Впрочем, стоит отметить, что когда участники дискуссий заговаривают об упадке отечественного производителя, они очень быстро забывают о глобализации и возлагают ответственность за все происходящее не столько на иностранные фирмы, сколько на российские власти, которые, по их мнению, не уделяют должного внимания развитию и поддержке собственного производства.

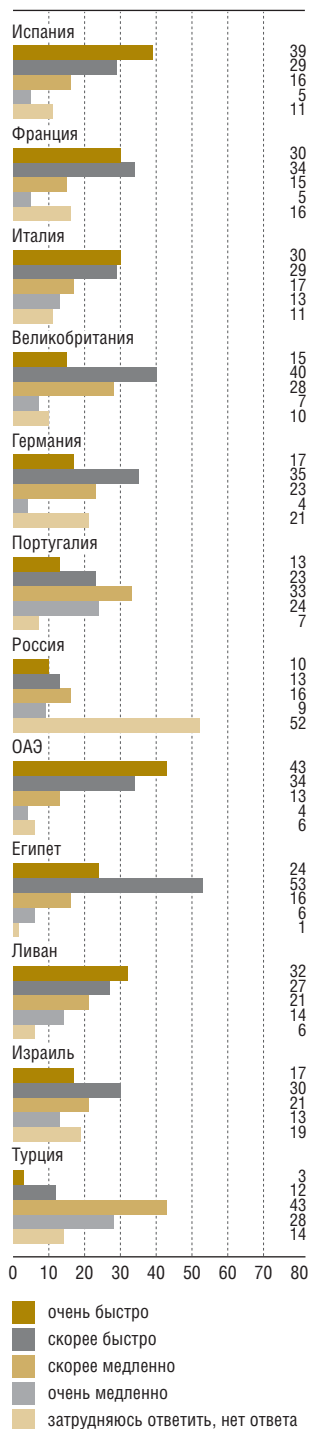
“С продуктами вот сейчас у нас тоже: свое подавляют производство, и сельское хозяйство, и промышленность всю, а пытаются на время, пока заместить западными продуктами, товарами там...” (ДФГ, Новосибирск).

“Подумать, все взвесить, не так прям стремиться, правильно, уничтожить свое все производство и брать это мясо польское. Это же тоже было” (ДФГ, Москва).

Теперь рассмотрим подробнее отношение респондентов к культурной глобализации. В обыденном сознании это явление интерпретируется в первую очередь как нивелирование культурных различий и соответственно вызывает резко отрицательную реакцию.

Как Вы считаете, экономическая глобализация в целом, включая торговлю и инвестиции, развивается очень быстро, скорее быстро, скорее медленно или очень медленно?

GlobeScan по заказу BBC World Service. Международный опрос проходил с 31 октября 2007 г. по 25 января 2008 г. 34 528 городских жителей в 34 странах мира. Данные в % от опрошенных
http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb08/BBCecon_Feb08_rpt.pdf

“1-й участник: Ни в коем случае. Глобализация – это одинаковость всего во всей... Глобализация – это «Макдональдс», то есть распространение одних стандартов на весь мир. Вот что понимается под глобализацией.

2-я участница: Большие народы съедают маленькие народы, утрачивается самобытность. Все начинают под одну дудку плясать. И в итоге вот всеобщая глобализация получается.

3-я участница: Утрата культуры, религии. Космополитизм. То есть человек без корней, без общества” (ДФГ, Новосибирск).

“В Москве вот перестроили все под Запад, национальное. Раньше помните, какие дома были? Вот в Вильнюсе – там еще сохранилось, свои постройки, да, свое национальное, а в Москве...” (ДФГ, Москва).

В таких условиях, по мнению респондентов, разрушается традиционный уклад, социум лишается ценностных ориентиров, и получают распространение дивантные формы поведения (алкоголизм, наркомания и пр.).

“Какие-то традиции, которые вот, может быть, были испокон веков у этого народа, и вот эта глобализация – может быть, она их совсем изживет, как бы может быть хуже для народа” (ДФГ, Москва).

“Подавление культуры, растление, спаивание и наркомания – вот главный удар-то по молодежи направлен” (ДФГ, Новосибирск).

Иногда глобализация ассоциируется с заимствованием чуждых отечественным традициям моделей социальной коммуникации.

“1-я участница: Мы теряем свою, наверно, вот душевность, простоту... куда-то все бежим, вот родственные связи нарушаются, мы забываем о родных и близких.

Модератор: А как это связано с глобализацией, почему Вы считаете, что это связано с глобализацией?

1-я участница: Ну, я считаю, что мы стремимся к тому, как, в общем, в большом мире надо, вот так и нам. Сосед соседа знал, всегда могли обратиться – а сейчас сосед соседа не знает...

2-я участница: Потом в системе обучения... может пострадать система обучения, есть и плюсы, и минусы. Вот сейчас стало очень тяжело сдавать, мы привыкли к другому обучению, более лучшему, более понятному. И так же образование: ученик общался с преподавателем, а сейчас – с компьютером. Но ведь преподаватель – но правда ведь?.. А как компьютер – все, пишешь экзамен – и все компьютер проверяет” (ДФГ, Москва).

Некоторые участники дискуссии, впрочем, рассматривают культурную глобализацию не как экспансию извне, а как диалог, обмен опытом, который способствует обогащению обеих сторон.

“Модератор: Что позитивного дает человечеству глобализация?”

1-й участник: Повышение уровня развития нашего.

2-й участник: Да. Чему-то научимся у других.

3-й участник: И у нас научатся” (ДФГ, Москва).

Обсуждая влияние глобализации на повседневную жизнь, респонденты причисляют к ее полезным последствиям, во-первых, распространение научных изобретений.

“Ну, я считаю, еще в науке и в медицине может быть что-то. Ну, какие-то, может быть, изобретения, которые надо использовать, ну, на-

столько их распространять, что... Внедрение быстрее происходит” (ДФГ, Москва).

“Нет, ну идет, технологии идут, машины новые, станки там – никуда от этого-то не денешься. То есть новые технологии, новые станки, новые навыки” (ДФГ, Новосибирск).

Во-вторых, индивиду облегчается доступ к необходимым услугам, вещам или информации – независимо от того, где он находится.

“1-я участница: Ну, в плане, допустим, перемещения какого-то более свободного, наверное.

Модератор: В смысле путешествия, да?

1-я участница: Да, да. Даже не в смысле путешествия... А в смысле даже полететь, в плане вот и лечения того же самого где-то там, оказывается, лучше, допустим, в Израиле для лечения, для человека, чем, допустим...

2-й участник: Наверное, прежде всего это передача информации в свободный доступ, да” (ДФГ, Москва).

Что касается истоков глобализации, то в ходе обсуждения этого сюжета на фокус-группах выявились две точки зрения:

- глобализация была всегда или, по крайней мере, существует с глубокой древности;
- глобализация возникла относительно недавно, в XX веке.

Согласно первой позиции, корни глобализации – в территориальной экспансии. По существу, приверженцы данной точки зрения вообще не разводят эти понятия.

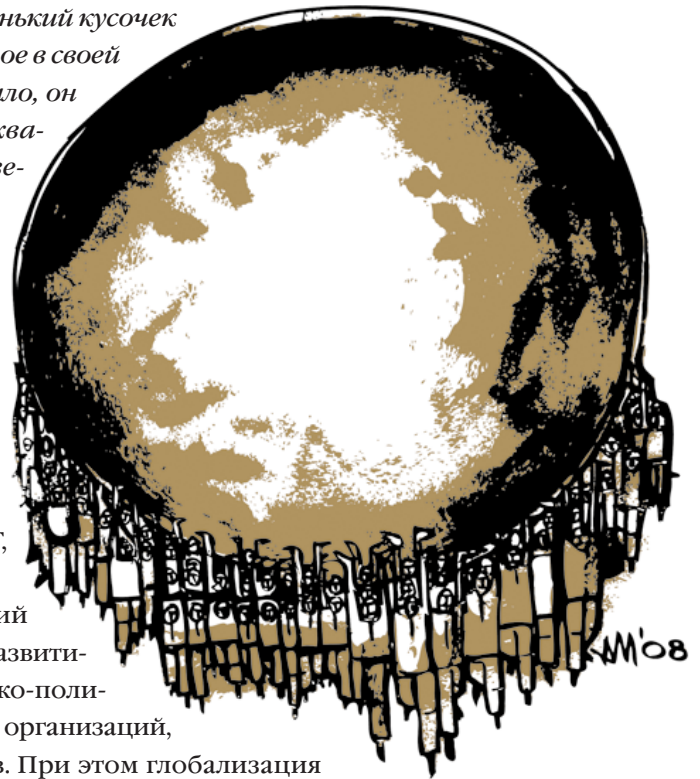
“Участник: Русь сама по себе развивалась, завоевывала новые территории, кусочек за кусочком завоевывала себе. И точно так же и все страны стремились к тому, чтобы иметь территорию, да? Израилю в 47-м году дали маленький кусочек, ООН в 47-м году дало маленький кусочек земли... Народу, который пережил очень страшное в своей истории. Но даже этому народу – ему было мало, он завоевал еще, он стремился к тому, чтобы захватить еще. Я думаю, что это свойственно человечеству.

Модератор: И точно так же глобализация?

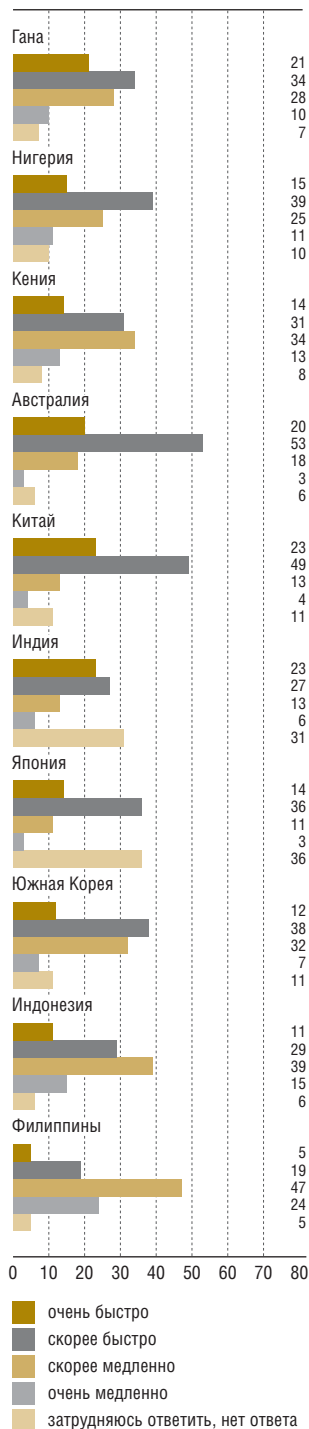
Участник: И так же, да” (ДФГ, Москва).

“Нет, я так скажу, что возникло где-то тысячу лет назад, потому что, когда первые крестовые походы были, они глобально уже наезжали на этих самых, на мусульман. Вот тогда и возникла глобализация. Потому что их надо было кормить, этих всех крестоносцев, и тогда уже кто-то что-то, и тогда начали ... и возникать” (ДФГ, Новосибирск).

Рассматривающие глобализацию как специфический для XX века феномен связывают ее возникновение с развитием технологий, формированием мирового экономико-политического пространства, появлением международных организаций, устанавливающих общие правила для своих членов. При этом глобализация

Как Вы считаете, экономическая глобализация в целом, включая торговлю и инвестиции, развивается очень быстро, скорее быстро, скорее медленно или очень медленно?

GlobeScan по заказу BBC World Service. Международный опрос проходил с 31 октября 2007 г. по 25 января 2008 г. 34 528 городских жителей в 34 странах мира. Данные в % от опрошенных
http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb08/BBCecon_Feb08_rpt.pdf

ассоциируется уже не с территориальной экспансией, а с распространением в мире определенного порядка.

“Страны Антанты – они скооперировались, они, видимо, обменивались и капиталами, и техникой, и людьми. Это связано с войной, с политикой в первую очередь, не столько с развитием экономики, может быть. Да с тех пор, когда наверное, я думаю, когда кооперация, промышленная кооперация – она же возникла уже, я думаю, очень давно. То есть в одной стране делают одни вещи, привозятся в другие комплектующие, там сборка в одном, в другом месте производится, привозится в третьи страны. А это, по-моему, с начала XX века уже, все эти явления” (ДФГ, Самара).
“По-моему, в 46-м году. Но вы понимаете, всегда были эти тенденции, это действительно, но действительно какие-то шаги глобализации, по-моему, начались с, ну, преобразования Лиги наций в ООН... попытка создания мировой экономики” (ДФГ, Москва).

“Глобализация, мне кажется, началась после 1945 года, после войны, и лидером то есть являются Соединенные Штаты Америки. Тут включает в себя план Маршалла, начинается с его плана Маршалла, когда помощь Европе и, ну, и так далее. С этого момента, мне кажется” (ДФГ, Самара).

Некоторые видят ведущий фактор глобализации в научно-техническом прогрессе.

“Может быть, просто научно-технический прогресс – он способствовал развитию экономики, и так как экономика стала развиваться более масштабно...” (ДФГ, Москва).

Более пятой части участников массового опроса (или половина респондентов, знакомых с этим термином!) считают, что глобализацию проводят определенные силы в своих интересах. Доля сторонников альтернативной точки зрения – тех, кто признает глобализацию естественным процессом, развивающимся независимо от чьей-либо воли, – более чем вдвое ниже; она составляет 8%.

Проиллюстрируем эти позиции высказываниями участников новосибирской фокус-группы.

“Вот Америка – это самый главный агрессор, который стремится завоевать весь мир. Ну, и как бы глобализация и американизация – для меня это одно и то же практически”.

“Это объективный процесс, который происходит независимо от нашего мнения. Это процесс, который происходит у человечества. Оно вот так все в кучу складывается, что, извините меня, мы от этого никуда не денемся. Как бы ни хотели” (ДФГ).

Респондентов, знакомых с термином “глобализация”, спросили, кому, по их мнению, этот процесс выгоден и кому невыгоден (вопросы задавались в открытой форме). К числу извлекающих выгоду опрошенные чаще всего относили власти и олигархов (по 4% респондентов), богатые страны в целом (3%), США (3%), Запад (2%). К числу проигрывающих от глобализации – население, рядовых граждан (6%) и слаборазвитые страны (4%).

Любопытно, что по 2% опрошенных, отвечая на эти открытые вопросы, упомянули Россию – и как страну, которой глобализация выгодна, и как страну, которая от нее проигрывает.

Россия и глобализация: есть контакт?

Сегодня 27% респондентов, которые знают или слышали термин “глобализация”, считают, что Россия вовлечена в этот процесс (13% полагают, что в значительной мере, и столько же – что в незначительной). По мнению 6% опрошенных, наша страна в этот процесс не включена; 11% затруднились высказать какое-либо суждение.

Проявления вовлеченности России в глобализацию участники опроса видят в активном присутствии нашей страны на мировом рынке, тесных внешнеэкономических связях, в подготовке к вступлению в ВТО⁵: “продаем газ по своим ценам всему миру”, “мы стали главной энергетической державой”, “рыночные отношения, утверждение на рынке, стремление к вступлению в ВТО”, “многие иностранные компании имеют долю в российском производстве”, “приток западного капитала в Россию” (6%; ответы на открытый вопрос).

Такая же доля участников массового опроса говорят о политической активности России на международной арене – в частности, об участии в “большой восьмерке”, сотрудничестве с Евросоюзом и другими международными организациями (“восьмерка” – со всего мира самые сильные государства решают вопросы, важные для всего мира, и наша Россия в том числе”, “присоединение к Европе”, “Евросоюз – участие в решениях Евросоюза” – 3%; ответы на открытый вопрос), о сотрудничестве с другими странами вообще (“взаимоотношения с другими странами, совместные проекты по развитию” – 2%), об участии в международных встречах, форумах (1%)

При этом некоторые опрошенные подчеркивали, что значение России в мире растет: “наша страна влияет на ход событий в мире”, “становится сильнее”, “от России много что зависит”, “больше стали говорить о России как о державе” (1%; ответы на открытый вопрос).

В процессе обсуждения экономико-политических проявлений участия России в глобализации на фокус-группах были выражены весьма скептические оценки текущей ситуации. Преобладает мнение, что Россия принимает не активное, а пассивное участие в глобализации. Во-первых, наша страна пока не является членом ряда международных организаций, куда она, по мнению участников фокус-групп, стремится войти. Во-вторых, сегодня Россия, как отмечали респонденты, на международной арене выступает не как производитель, а всего лишь как поставщик сырья.

“Естественно, мы нефть куда продаем, в какие страны? Естественно, мы продаем всему миру, так же газ и все остальное. Дело в том, что развитие, в данный момент развитие, предположим, в России, да, предприятий... У нас фактически предприятия сейчас не развиты, и мы, естественно, включены, мы 99,9 товара ввозим оттуда, у нас производства не работают” (ДФГ, Москва).

⁵ Респондентов, заявивших о вовлеченности России в процесс глобализации, попросили пояснить, в чем, по их мнению, эта вовлеченность проявляется (вопрос задавался в открытой форме).

Рассматривающие глобализацию как специфический для XX века феномен связывают ее возникновение с развитием технологий, формированием мирового экономико-политического пространства, появлением международных организаций, устанавливающих общие правила для своих членов

“Наши энергоресурсы – их валюта” (ДФГ, Самара).

У некоторых такая ситуация вызывает настороженность.

“Им нужны только наши вот газ и нефть, вот дело нужное. А так, чтобы мы развивались, абсолютно <не нужно>...” (ДФГ, Москва).

Участники массового опроса также обращали внимание на эту проблему, описывая включенность России в глобализацию: *“ее опутали, наша страна – объект алчного внимания”, “как сырьевой придаток”, “зависит от мнения других стран”, “политика России строится по тем направлениям, которые ей диктуют извне”* (1%; ответы на открытый вопрос).

Часть опрошенных усматривают проявление включенности России в глобализацию в том, что наша страна участвует в решении экологических и других глобальных проблем, в борьбе с терроризмом (2%), а также в улучшении состояния собственной экономики (*“мы выплатили долги и стали лучше жить”, “пытаются повысить уровень образования, доступ к информации”, “в огромном темпе роста промышленности, технологий”, “строительство плотин, сельское хозяйство стало развиваться, так как получают новую технику”*) и уровня жизни (1%). Последний момент упоминался и на фокус-группах.

“Ну, больше у людей возможностей, например, появилось. Если в бытовом плане смотреть, я не знаю, можно купить любую технику бытовую, и мягкую мебель купить любую, и продукты питания. Можно съездить куда-то отдохнуть за границу” (ДФГ, Новосибирск).

Участникам опроса, заявившим о вовлеченности России в процесс глобализации, были заданы и открытые вопросы о том, каковы позитивные и негативные следствия этого для нашей страны.

Одни отмечают, что глобализация способствует экономическому развитию страны и росту благосостояния населения.

“Внедрение мировых стандартов в экономике и промышленности”, “меньше будет фальсифицированной продукции”, “может, богаче будем жить”, “повышение уровня экономики в стране – соответственно, увеличение доходов населения” (4%, ответы на открытый вопрос).

Другие в этом контексте говорили об укреплении экономических связей, обмене информацией – в частности, научно-технического характера.

“Доступ к современному оборудованию, ведению дел”, “общаемся с другими странами, обучаемся чему-то новому”, “развитие прогрессивных технологий”, “Россия становится развитым государством, используя прогрессивные технологии” (4%, ответы на открытый вопрос).

При этом говорится о пользе международного сотрудничества для развития страны: *“в современном мире нельзя жить в изоляции, нужно обязательно сотрудничать”, “дружба со странами, которая выгодна для России”* (3%). По мнению отдельных респондентов, участие в глобализации повышает авторитет России в мире (1%). Кроме того, наша страна, по словам участников опроса, выигрывает от совместных с другими действий по решению экологических и других конкретных международных проблем.

“Естественно, в сфере госбезопасности – это сплоченные действия против террора”, “мир на пороге ядерной войны – надо всем странам объединиться против возможной катастрофы”, “не будет загрязнения природы, чище в стране будет” (1%; ответы на открытый вопрос).

Помимо плюсов респонденты указывают и на минусы глобализации. Нередко выражается опасение по поводу возможного усиления политической зависимости от Запада (*“нами пытаются управлять, манипулируют”, “начнут совать нос в наши дела на законных основаниях”, “остальные страны будут выдвигать свои требования в ущерб России”* – 3%), эксплуатации ресурсов России и ухудшения состояния отечественной экономики (*“вывоз ресурсов из России грабительский, другие страны рассматривают Россию как сырьевую страну”, “будет ухудшаться положение малого и среднего бизнеса”, “будут давить другие страны в торговле”* – 3%).

По поводу негативных экономических и политических последствий глобализации высказывались и участники фокус-групп, говорившие, в частности, что нашей стране следовало бы придерживаться выжидательной стратегии и не проявлять чрезмерной активности в глобализационных процессах.

“Я считаю, выгоднее подтянуть Россию, пока она еще не окрепла... надо с осторожностью подходить к этому вопросу, потому что у нас большие <природные ресурсы>... У них нет запасов ни металла, ни нефти, ни газа такого. Пока только у нас. И в связи с этим они заинтересованы. Но они нас приглашают на таких условиях, которые нас не устраивают, Россию” (ДФГ, Самара).

“Нужно свою промышленность подымать уже всю, разруха у нас сплошная, вот... Торговлю надо повышать, развивать, это все выгодно. А это [глобализация] еще, как говорится, не знаем, как эта сказка про бычков – то ли выгодно, то ли еще хуже будет. Так что надо: пускай они там чисто между собой ковыряются, а мы со стороны посмотрим” (ДФГ, Москва).

Помимо этого, некоторые участники массового опроса говорят о негативных последствиях включения России в глобализацию для нашей национально-культурной самобытности (2%), а также об ухудшении жизни простых людей и обстановки внутри страны в целом (*“меньше уделяется внимания внутренним вопросам”, “надо помогать больше себе”, “прогресс технический сильно затормозится”, “расовые движения”, “собственные внутренние положительные силы будут задавлены”* – 1%).

Кто-то винит глобализацию в усугублении экологических проблем в России (*“выхлопные газы от машин, плохая утилизация отходов”, “экология страдает, вырубаются леса”, “это, наверное, загрязнение окружающей среды, не зря “зеленые” митингуют против”* – 1%).

Отдельные респонденты опасаются, что участие в глобализации повлечет обострение отношений с другими странами и новую гонку вооружений (*“не все страны согласны работать с Россией”, “врагов себе наживаем”, “гонка вооружений плохо скажется на положении дел в России”* – около 1%).

В целом, оценивая последствия участия России в глобализации, респонденты разделились: 19% от числа знакомых с термином “глобализация” (или 8% по выборке в целом) усматривают в этом явлении больше пользы, тогда как 17% (или 7% по выборке) – больше вреда. ■

Проявления вовлеченности России в глобализацию участники опроса видят в активном присутствии нашей страны на мировом рынке, тесных внешнеэкономических связях, в подготовке к вступлению в ВТО, а также в политической активности России на международной арене

О. Оберемко

Кого мы называем “Люди-XXI”?

Фонд “Общественное мнение” открыл серию исследований под названием “Люди-XXI”. Проект посвящен изучению поведения и характеристик людей, которые отличаются от остальных тем, что демонстрируют уверенное владение современными средствами коммуникаций, финансовыми продуктами и услугами, способами управления собственным временем и причастность к иным современным практикам.

Изучение данной категории людей представляет особый интерес, так как позволяет оценивать степень и скорость проникновения инноваций в общество и способы адаптации к ним людей¹.

Люди-XXI

Попытка разговора о людях XXI века с опорой на материалы массовых опросов может быть воспринята как серьезная заявка на способность профетически предвидеть либо научно спрогнозировать развитие определенных тенденций, которые уже сегодня проявляются в характере вступившего (вступающего) в активную фазу своего жизненного цикла поколения.

Наши претензии – скромнее. На основе данных репрезентативного национального опроса с выборкой в 34 тысячи человек² мы намерены выделить и охарактеризовать категорию людей, которые *деятельно* идут *сегодня в ногу со временем*. Временные границы *сегодня* мы условно определили первым десятилетием XXI века, что с хронологической точки зрения кажется удобным – большая часть десятилетия прожита. С содержательной точки зрения это тоже удобно, поскольку прошедшие 7–8 лет XXI века в России самыми разными категориями людей воспринимаются как время стабильного устойчивого движения принципиально в одном направлении, а оставшиеся 2–3 года резких перемен в ориентации не сулят – во всяком случае, пока.

Что в обыденном представлении означает *деятельно идти в ногу со временем*, наверное, так или иначе понимает каждый. Едва ли мы отнесем к современным людям тех, кто, например, всячески избегает пользования мобильным телефоном и Интернетом, во всех без исключения случаях предпочитает пластиковой карте наличные деньги, с подозрением относится к идее покупать вещи в кредит, а выезжающих по турпутевке за границу сограждан подозревает в измене Родине.

¹ Адрес страницы проекта: <http://www.fom.ru/projects/3030.html>

² Общероссийский опрос населения от 12–26 сентября 2007 года (1972 населенных пункта, 68 субъектов РФ, 34 038 респондентов).

В обществе потребления, как убедительно говорят его провозвестники и толкователи, потребление становится главной формой социальной активности, посредством которой – помимо удовлетворения элементарных потребностей индивида – обозначается его социальное положение (или претензии на таковое), конструируется его окружение, формируются персональные и социальные аспекты идентичности. Так что наши люди-XXI – это прежде всего потребители, активно применяющие новые повседневные поведенческие практики. Этот подход для Фонда “Общественное мнение” стал уже традиционным³.

Почему мы начинаем разговор с *деятельного* хода в ногу со временем, а не с *современных* ценностей, представлений, чаяний? Ответ прост. Сегодня многие опросы (и положенный в основу этой работы не стал исключением) демонстрируют, что приверженность одним и тем же ценностям, представлениям и чаяниям могут разделять люди, практикующие самое разное повседневное поведение. Иными словами, ценности в настоящее время не являются надежным признаком, позволяющим предсказать склонность к инновационному поведению или ее отсутствие.

В этой ситуации нет ничего ни нового, ни парадоксального. Т. Шанин, например, напоминает, что К. Мангейм, классик поколенческого анализа, говорил о двух вещах: “о «духе поколения», который обнимает практически всех, кто прошел через одни и те же события, и о поколенческих единствах. На базе той же группы в тот же период развиваются разные поколенческие единства, которые ставят себе разные задачи и часто борются между собой. Этому аспекту Мангейм посвятил специальную работу, где показано, что в одних и те же условиях в одном поколении возникло, с одной стороны, красное, а с другой – нацистское движение” [Шанин. 2005. С. 17]. Ту же самую мысль, буквально теми же словами выражает В.А. Ядов применительно к молодому поколению современной России, представляющей собою расколотое общество. Этот раскол на приверженцев русских традиций и прозападников возник со времен Петровских реформ и, как считает В.А. Ядов, не только не преодолен, но скорее усиливается. Гражданская солидарность может возникнуть, большинство разделит некую “национальную идею”, однако “наши молодые если и несут, то разные знамена – от красного до трехцветного вкупе с черным и при фашизоидном значке” [Ядов. 2005].

В этой борьбе, однако, едва ли деятельно участвует значительная часть сегодняшних поколений. В тех сегментах современных обществ, где потребляются прежде всего не вещи, а символы, где потребление становится “тотально идеалистической практикой, которая за известным порогом уже не имеет более ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности”, “все, даже самые противоречивые идеи могут уживаться друг с другом в качестве

В обществе потребления, как говорят его толкователи, потребление становится главной формой социальной активности, посредством которой, помимо удовлетворения элементарных потребностей индивида, обозначается его социальное положение (или претензии на таковое), конструируется его окружение, формируются персональные и социальные аспекты идентичности

³ Например, П. Бавин в работе “В ожидании среднего класса” отталкивался “не от ценностных установок, не от материального положения и не от субъективной оценки респондентами своего места в социальной иерархии, а от их повседневного поведения” [Бавин. 2006. С. 8].

знаков в рамках идеалистической логики потребления" [Бодрийяр. 1995. С. 168, 169]. И это – еще одна модель, объясняющая автономность слова и дела.

В эпоху конца идеологий более надежно отличают идущих в ногу со временем показатели социально-классового статуса. Однако и здесь надежность и точность различения (прогноза) далеки от того уровня, достижение которого почти полвека назад предрекал П.Л. Бергер в своем обращении к будущим социологам.

"Имея информацию по [важнейшим показателям принадлежности к классу], социолог сможет сделать разумные предположения о том, в каком районе города живет индивид, каковы размер и тип его жилища. Он сможет также дать общее описание интерьера и высказать предположения о том, какого рода картины украшают стены его гостиной, какие книги и журналы стоят на полках. Более того, он сможет предположить, какую музыку любит слушать этот индивид и где он ее слушает – на концертах, по радио или на магнитофоне. Социолог может пойти еще дальше и предсказать, членом каких добровольных организаций он является, к какой церкви принадлежит; оценить его словарный запас, в общих чертах описать некоторые правила синтаксиса и другие особенности его речи; сделать предположение о его партийных симпатиях и о взглядах по некоторым злободневным проблемам. Он, вероятно, сможет предположить, какое количество детей произвел на свет данный субъект, а кроме того, имел он в последний раз сексуальные связи с женой при свете или в темноте. Он сможет вывести некоторые вероятностные умозаключения относительно физических и душевных болезней своего субъекта. Как мы уже видели, он сможет указать место человека на статистической шкале жизненных ожиданий. И наконец, если социолог решит верифицировать все свои догадки и обратиться к интересующему его индивиду с просьбой об интервью, то сможет оценить вероятность отказа отвечать на вопросы" [Бергер. 1996. С. 79].

Как и полвека назад, социальный статус не на все сто процентов детерминирует поведение, а делает его более вероятным или менее вероятным.

* * *

Некоторые из попавших в фокус нашего внимания практик (пользование мобильным телефоном, Интернетом) появились совсем недавно; а некоторые имеют длительную историю, но раньше были недоступны широким слоям российского населения. Многие могут легко припомнить чувства удивления и радости, а также опасения, связанные с появлением в доме первого персонального компьютера, первой кредитной карты, первого загранпаспорта. Появление подобных вещей сопровождалось гордостью: и мы *этого* смогли добиться, и у нас *это* есть, и мы можем теперь запросто делать *это*. Само наличие новых возможностей было значимой темой для разговоров, обсуждалось с родственниками, друзьями и знакомыми. И даже участие в подобных разговорах воспринималось как свидетельство собственной современности: мол, шагаем в ногу со временем, не отстаем!

Люди-XXI – просто идут в ногу со временем

Наш объект – люди, которые *дейтельно*, то есть в своей жизненной практике, идут в ногу со временем, а значит, на этом пути ориентированы на настоящее и одновременно – скорее на будущее, чем на прошлое. Об этих людях можно

сказать, что они представляют, репрезентируют *сегодня* и *ближайшее завтра* российского общества. Мы дали им имя “люди-XXI”. Столь расплывчатое, неопределенное имя выбрано неслучайно – главным образом именно потому, что оно не наполнено конкретным содержанием, в отличие от других возможных имен провозвестников будущего.

Люди-XXI – не авангард и не элиты

Если авангардом называть тех членов общества, которые имеют определенное представление о том, куда они ведут остальных, то люди-XXI – никакой не авангард. Чтобы пускаться в поиски авангарда, надо иметь четкое представление о вероятностном направлении хода истории – о вероятностном будущем общества и его *движущих силах*, хотя бы в среднесрочной перспективе. Надежные сценарные прогнозы по отдельным параметрам в отрыве от широкого контекста строить можно, но они не дают целостной картины: чем точнее прогноз, тем беднее контекст и сам прогноз бессодержательнее. Поиск авангарда по данным двух-трех опросов – дело малоперспективное.

Нас также не интересовали элиты. Во-первых, ввиду их малочисленности. Во-вторых, ввиду их недоступности для массового опроса – трудно отказаться от привычного инструмента исследования, да и зачем отбирать хлеб у элитологов. А в-третьих, в современном динамичном обществе никакая компактная элита, или элитарная когорта, своими житейскими практиками не определяет будущее страны надолго, если она не успевает трансформировать привычные практики и освоить новые. Чересчур большая устойчивость перед внешними изменениями габитуса неизбежно должна привести либо к приходу элиты с иным, более адекватным габитусом, либо к существенному снижению эффективности ведомого элитами социального организма. В любом случае сегодня исследования элит мало помогают увидеть или наметить контуры будущего общества в целом, а не отдельных слоев и групп.

Люди-XXI – не средний и не срединный класс

Гораздо ближе к интуитивно схватываемому, но не поддающемуся вербализации объекту исследования понятие “средний класс”⁴. Минимум – по двум основаниям. Во-первых, средний класс не должен сводиться к элите, а, как в развитых странах, должен быть достаточно многочисленным, чтобы включать в себя хотя бы простое большинство населения. Во-вторых, средний класс ассоциируется с представлением о прекрасном (не очень далеком и в меру жестоким) будущем. Однако более чем десятилетние попытки отыскать его в российском обществе приносят лишь относительный успех. Когда критерии отнесения эмпирически наличных россиян к среднему классу неоправданно завышаются (из-за прямого переноса западных жизненных стандартов на российскую почву), этот слой становится столь малочисленным, что его трудно отличить от элитных слоев. Когда критерии отнесения занижаются, приходится говорить не о среднем,

Ценности в настоящее время не являются надежным признаком, позволяющим предсказывать склонность к инновационному поведению или ее отсутствие

⁴ Именно с этим понятием П. Бавин соотносит категорию россиян, которую мы менее обязывающе называем “люди-XXI” [Бавин. 2006].

а о массовом *срединном* (модальном) классе, который по своему социально-экономическому статусу гораздо ближе к низшим слоям, чем западноевропейский средний класс⁵. В нем проще узреть оплот устоявшегося социального порядка, чем угадать потенциал для инновационного развития.

А ведь на средний класс именно эти надежды и возлагаются: оплот стабильности – но и питательная социальная среда для инновационного развития; обладание желанным средним достатком, культурная оснащенность – и готовность при случае взлететь повыше за счет активного трудового участия в общественном производстве. Буквально воплощение знаменитого лозунга О. Конта “Порядок и прогресс”, требовавшего движения вперед с охранением устойчивости и преемственности социального порядка.

Это, старорежимным языком говоря, мелкобуржуазное представление об идеальном обществе и идеальном мелком (новом) буржуа – “буржуазном” специалисте высокой квалификации – органично пришло на смену идеалам коммунизма и пролетариата: слоя, из которого было положено рекрутировать элиту, призванную, согласно существовавшему замыслу, обеспечивать динамичную устойчивость всему советскому обществу.

Западный средний класс как теоретический конструкт несет в себе два важнейших параметра “центральности”: по своему социально-экономическому статусу он является одновременно и (1) средним арифметическим, так как одинаково удален от высших и от низших классов, примерно равных по численности, и (2) модальным, так как это самый массовый класс, превосходящий по численности остальные.

Термин “средний класс” слишком укоренен в теоретическом контексте иных хронотопов, наполнен слишком определенным содержанием и поэтому не подходит для наших целей. В собранных данных мы не стремимся обнаружить людей с заранее теоретически заданным или предсказанным набором характеристик. Нам важно описать тех, кто в своих повседневных практиках идет в ногу со временем – актуальным временем *российского* общества, независимо от их социально-экономического статуса.

Люди-XXI – не (совсем) поколение

Идея выделить людей, идущих в ногу со временем, чревата их отождествлением с молодым поколением, которое, как считается, быстрее и легче адаптируется к новой жизни. Однако поколение (когорты) – понятие слишком расплывчатое, чтобы его можно было механически использовать в работе с эмпирическими данными. Это показали и книга о поколенческом анализе, составленная Ю. Левадой и Т. Шаниным [Отцы и дети... 2005], и дискуссия вокруг этой книги. В любом поколении есть и те, кто разделяет ценности прошлых поколений, и те, кто чуток к ценностной повестке дня. Дело не в датах, а в социокультурной специфике, связанной с определенными, ставшими очень значимыми для формирования мировоззрения историческими событиями. В частности, Т. Шанин, вслед за К. Мангеймом [Мангейм. 1994; Мангейм. 1998], определяет поколение “как слой

⁵ См. например: “Примечательно, что к среднему классу относят группы не со средними доходами, а с доходами выше среднего уровня, ибо считается, что доходы наиболее обеспеченных слоев в статистике не отражаются” [Радаев. 2005. С. 402].

людей, сходство мышления которых определяется в большой мере схожестью жизненного опыта <...>, который влияет на личный характер и понимание действительности” [Шанин. 2005. С. 8]. “«Дух поколения» кристаллизуется в период особенно высокой пластичности сознания членов, то есть в возрасте 15–25 лет”, определяется теми “главными событиями, которые сформировали мышление” поколения, так что “можно говорить о поколении определенной войны, поколения определенного кризиса и т. д., если эти события определили их видение и мышление” [Schwartz. 1982; Schuman, Scott. 1989; Schuman, Corning. 2000].

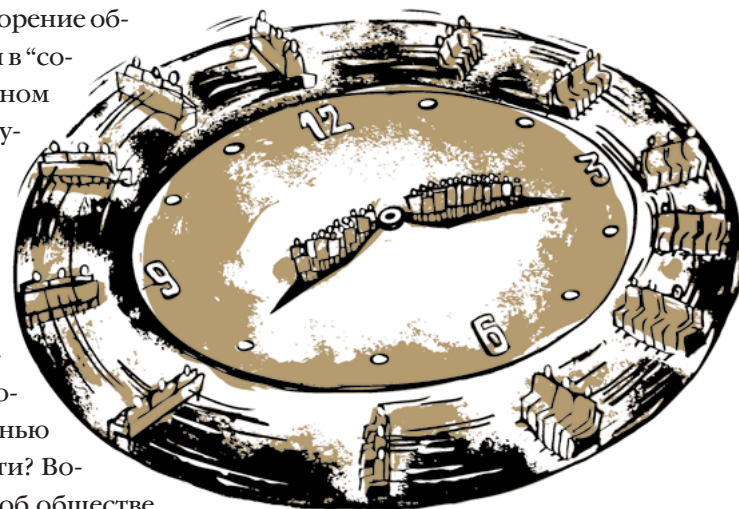
В приведенных цитатах пластичность сознания жестко связывается с определенным возрастом – с молодостью. Подобная жесткая привязка возможна, если способность человека к постоянной социализации и ресоциализации находится на периферии внимания. В ситуации социокультурной изменчивости трансформирующихся обществ сохранение пластичности (или избегание кристаллизации) сознания дает адаптивные преимущества в ситуации социокультурной изменчивости. Социокультурный подход тоньше поколенческого, поскольку он непременно обнаружит, что к одному “поколению” относятся люди разных возрастных когорт.

* * *

В поколенческой риторике есть еще один момент, который заслуживает упоминания в данном контексте, – прагматический. Говоря о поколении, многие социологи, начиная с О. Конта, имели в виду не столько арифметическое большинство рожденных в период между конкретными датами, сколько “активные поколенческие группы”, которые оказываются для истории общества “ключевыми”, задают “тон”, играют огромную роль в культурной и политической истории страны [Мангейм. 1994; Мангейм. 1998; Левада. 2005; Ядов. 2005]. При этом отмечается, что задавать тон может лишь группа, вдохновленная общей большой идеей [Ядов. 2005].

В нашем случае категория люди-XXI выделяется не по общей идее, а по набору поведенческих практик. Они в большей степени, чем другие, ориентированы на настоящее и на ближайшее будущее, а потому, как уже сказано, репрезентируют ближайшее завтра российского общества. Однако неясно, будут ли они репрезентировать послезавтра. Шансы на это появятся только в том случае, если их повседневные практики кристаллизуются в устойчивые паттерны взаимодействия, направленные на удовлетворение общественно значимых потребностей, и превратятся в “социальные факты”, то есть укоренятся в коллективном (общественном) сознании. Если эти условия не будут выполнены, вся инновационная активность “поколения” не оставит заметного следа.

Какое значимое событие объединяет наших людей-XXI? Мы исходим из того, что это – первое массовое “поколение” (состоящее из представителей разных возрастных когорт), которое объективно и (интер)субъективно живет в обществе потребления. Как это утверждение соотносится с жизнью значительной доли населения за чертой бедности? В-первых, мы говорим не об обществе изобилия, а об обществе

потребления. Во-вторых, приведем цитату, в которой А. Приепа дает вполне удовлетворяющий нас ответ на этот вопрос.

“Почему сегодня стоит говорить о потреблении, о консюмеризме, сметь утверждать, что в России складывается потребительское общество? Сегодня, когда чуть ли не аксиомой стало мнение о бесконечном экономическом кризисе? – Потому что, несмотря на любые кризисы, Россия под собственной тяжестью “проваливается” в потребление. Сегодня, когда 20 процентов населения планеты способно удовлетворить потребности остальных 80 в товарах и услугах, даже сравнительно неразвитые в промышленном отношении страны оказываются захвачены цивилизацией потребления. Потому что суть потребительского общества не в том, *могу ли я купить рекламируемый товар, а хочу ли я этого*. Потому что сегодня потребление расположено не в *кошельке, а в голове*” [Приепа. 2000].

Если согласиться с этим и другими подобными по смыслу (диагнозу) утверждениями, тогда интерес к группе активных потребителей станет более понятным. Эти своего рода инноваторы в потреблении идут в ногу со временем и тем самым

определяют стилевые особенности жизни в краткосрочной перспективе.

Нравится нам это или нет, мы живем не в эпоху великих строек, а в эпоху потребления. Разумеется, это отнюдь не означает, что в сегодняшней России (и в других обществах потребления) ничего не производится, производство есть, оно растет и, надеемся, будет расти и дальше, надеемся, что прежде всего – в России. При всем при том фокус общественного внимания сместился с производства на потребление. Объективно производство вещей и услуг своей важности не теряет, однако в общественном восприятии оно превратилось в рутинное, рабочее, непраздничное, негероическое условие существования массового общества. Фокус внимания сместился на потребление, и именно в нем *теперь* принято видеть производство индивидом/ами и само-го/их себя, и своего социального окружения.

Вместе с тем, хотя в могучих, формирующих общественное сознание дискурсах настоятельно предлагается

праздновать такое “производящее потребление”, гордое имя *поколение* люди-XXI смогут обрести лишь при одном условии: если современники и последующие “поколения” распознают и признают, что культурное влияние их активности вышло за пределы горизонта здесь и сейчас и распространилось на более отдаленное завтра.

Люди-XXI – пользователи инновационных практик

Люди-XXI – это не прогноз и не угадывание будущего. Это – описание стилевых характеристик людей, которые уже есть; описание на основе данных репрезентативного национального опроса. Мы будем считать людьми-XXI тех, кто (независимо от их социально-экономического статуса и мировоззрения) активно использует *инновационные практики индивидуального потребления*, которые в российском обществе (а не в каком-то другом) рубежа XX–XXI столетий могут расцениваться широкими слоями населения как *присущие современному чело-*

В ситуации социокультурной изменчивости трансформирующихся обществ сохранение пластичности (или избегание кристаллизации) сознания дает адаптивные преимущества в ситуации социокультурной изменчивости. Социокультурный подход тоньше поколенческого, поскольку он непременно обнаружит, что к одному “поколению” относятся люди разных возрастных когорт

веку, идущему в ногу со временем. К ним мы относим 17 практик, связанных с разными видами коммуникации и заботой о себе (см. табл. 1). Эти виды коммуникации включают потоки финансов, товаров, информации и транспорт.

За время разработки концепции людей-XXI в недрах ФОМа в большей степени изменялось ее осмысление, чем эмпирическое наполнение. Поначалу потребительская активность связывалась с тенденцией к формированию среднего класса, а вовлеченность в активную жизнь интерпретировалась как совокупность признаков:

- причастность к новым технологиям,
- подкрепленное активными действиями стремление расширить жизненный горизонт,
- установка на рациональное использование своего времени,
- активное финансовое поведение,
- забота о здоровье и внешнем виде [Бавин. 2006. С. 8].

Позднее люди-XXI стали определяться как “активные пользователи современных практик”, отнесенных к пяти группам (табл. 1).

Эти практики делают более доступным и эффективным (а) перемещение вещей, знаний и себя, (б) управление пространством и временем, (в) заботу о себе.

Если мы соглашаемся с тем, что значительная часть россиян вступили в эпоху общества потребления, то *отождествление с людьми-XXI продвинутых потребителей, которые заботятся о себе и используют постоянно открывающиеся инновационные возможности для организации своего вещного и информационного пространства, является не слишком большой натяжкой.*

Когда инновации становятся достаточно массовыми, среди пользователей оказываются такие, кто не слишком забегает вперед, но и не слишком отстает. Специалист в области коммуникаций Эверет Роджерс когда-то заметил, что к инновациям разные люди относятся по-разному: кто-то принимает их быстрее, кому-то для этого требуется более длительное время. После специальных исследований вопроса Роджерс предложил теорию, согласно которой распространение любой инновации проходит несколько стадий, в ходе которых новшество принимается разными типами акторов [Rogers. 1995; Брайант, Томпсон. 2004].

Первыми инновации воспринимают те, кто наименее зависим от локального социального контекста и готов быстро испытывать все новое. Вхождение

Табл. 1

1) новые технологии	пользование мобильным телефоном, пользование компьютером; вождение автомобиля❖
2) активное финансовое поведение	покупка товаров в кредит; получение кредитов в банке; обращение с иностранной валютой; использование пластиковой карточки при расчетах; вложение средств в акции и другие виды ценных бумаг
3) стремление к расширению горизонта	получение дополнительного образования; пользование Интернетом, электронной почтой; поездки за границу; покупка туристического и / или спортивного снаряжения
4) рационализация использования времени	доставка товаров на дом; полеты на самолетах; пользование услугами домработниц и нянь
5) забота о себе, своем здоровье	пользование услугами косметических салонов; занятия в фитнес-центре, спортивном клубе
❖ Разъяснение по поводу отнесения этой практики к инновационным приводится ниже.	

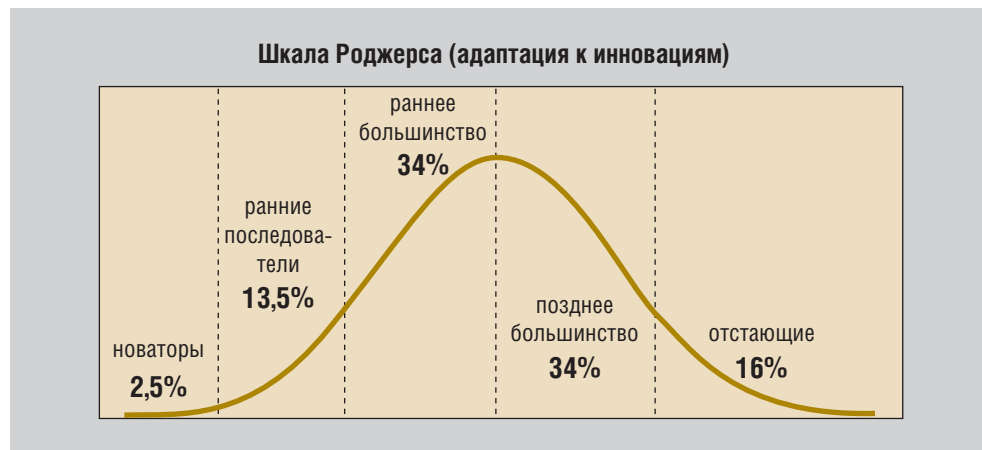

Рис. 1. Группы потребителей по отношению к новому продукту

в широкие сети коммуникации позволяет им отслеживать и первыми использовать новинки. Их Роджерс назвал *новаторами*. Следующими инновации воспринимает *ранние последователи*, которые сильнее, чем новаторы, привязаны к локальным сообществам. В них они играют роль лидеров мнений, и готовность принимать новшества укрепляет их авторитет. Представители *раннего большинства* первыми быть не любят и не спешат принимать новшества; им Роджерс приписывает функцию легитимации инновации в сообществе. Далее на арене появляется *позднее большинство*, которое не склонно изменять своим привычкам и принимает инновации часто в силу экономической необходимости либо в силу давления ингруппы (группы, членами которой они являются). *Отстающие* – наиболее консервативные представители общества, которые даже под давлением обстоятельств могут предпочесть сохранить привычный уклад неизменным. Примерные количественные параметры выделенных групп указаны на рис. 1.

Ясно, что на рис. 1 нас больше интересуют представители групп, обозначенных в левой части. Однако чисто технически в массовом опросе затруднительно с высокой надежностью зафиксировать различия между предложенными Э. Роджерсом категориями акторов. Поэтому, чтобы не опираться на субъективную оценку респондентами того, с какой скоростью они принимают те или иные инновации, и не строить на столь ненадежном фундаменте классификацию по базовому для исследования признаку, мы избрали другой путь и взяли за основу не скорость принятия / освоения практик, а количество уже освоенных практик.

Таким образом, если респондент сообщал, что в последние 2–3 года ему доводилось иметь опыт б любых практик из предложенного списка (табл. 1), его автоматически включали в группу люди-ХХІ.

Где тут инновации?

Больше половины практик из списка могут показаться не слишком инновационными. Собственно новых практик совсем мало: компьютер, Интернет, пластиковые карты, мобильный телефон. Всеми остальными практиками весь “цивилизованный мир” давно пользуется; пользуются ими издавна, еще с советских времен и “цивилизованные россияне”, потому что в масштабе всей Земли многие практики были изобретены давно.

Вот здесь и кроется тонкость, поскольку инновация по определению не есть открытие чего-то нового, скорее наоборот: инновацией называют такие изменения в технологии (любой, в том числе и социальной), которые делаются на основе уже известных знаний. Именно этим *инновация* отличается от *открытия*⁶. Шумпетер предлагал считать инновацией всякое существенное изменение, касающееся уже известного продукта, процесса или организационной формы [Bunnell, Сое. 2001. Р. 570; Schumpeter. 1975].

Инновацию связывают с такими понятиями, как предпринимательство (антрепренерство) и творчество [Bunnell, Сое. 2001]; в быстро изменяющемся мире эти качества являются необходимыми компонентами индивидуального и коллективного успеха [Drucker. 1993; OECD. 1998]. Эти характеристики упоминаются и в научных, и в официальных, и в публично-воспитательных дискурсах.

Э. Роджерс к инновациям также относил процесс принятия / внедрения некоторых изменений / новшеств в определенный социальный контекст [Rogers. 1995]. При таком понимании любое изменение конкретного социального контекста будет инновацией, независимо от того, насколько внедренные / принятые продукты, процессы или организационные формы новы для других контекстов. То есть внедрение велосипеда в новый контекст – инновация, как и расширение числа автомобилистов в стране, где до недавнего времени автомобиль был скорее роскошью, чем средством передвижения.

Практики продвинутых потребителей

В итоге в массиве в 34 тысячи человек доля людей-XXI составила 14%. Если сравнивать с классификацией Роджерса, мы увидим, что эта цифра примерно соответствует совокупности новаторов и ранних последователей – 16%.

До всякого анализа очевидно, что освоение новых практик “требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития” [Бавин. 2006]. Одну-две практики можно освоить и на оппортунистических началах, но освоение сразу нескольких требует мобилизации определенных материальных и интеллектуальных ресурсов.

Теперь поясним, какая логика закладывалась при составлении списка столь различных по своей социальной значимости повседневных практик.

Двигаем деньги и вещи

Начнем с финансовых практик. Первые три практики – *покупка товаров в кредит, пользование кредитами и пластиковыми картами* – связаны с освоением наименее специализированных финансовых инструментов, делающих потребление более легким, удобным и безопасным. То же удобство потребления обеспечивает услуга по доставке товаров на дом.

Если все так легко и удобно, почему далеко не все опрошенные этими инструментами пользуются? Среди обычных людей лишь от 4 до 27%, а среди наших *продвинутых потребителей* – от 47 до 60% (см. табл. 2).

Во-первых, эти практики предполагают не привычный, непосредственный обмен денег на товары, а опосредованный: клиент имеет дело не с живыми

⁶ См., например: [Shaw Solo. 1951. Р. 417].

Табл. 2. Обычные люди и люди-XXI: различия в распространенности практик

Группы и ранги практик по распространенности	Практики	“Обычные” люди, %	Люди-XXI, %	Кратное превышение распространенности практик среди людей-XXI	В среднем по выборке, %
I, II	пользоваться мобильным телефоном	61,0	98,3	1,6	66 [❖]
	покупать товары в кредит	27,2	60,4	2,2	32
III–VI	брать кредит в банке	16,4	51,6	3,1	28
	водить автомобиль	15,7	60,4	3,8	22
	работать за компьютером	18,3	87,2	4,8	21
	пользоваться Интернетом, вести переписку по электронной почте	11,0	77,0	7,0	20
VII–XV	пользоваться услугой доставки товаров на дом	3,6	30,9	8,6	11
	получать дополнительное образование, повышать квалификацию	4,0	40,6	10,1	10
	приобретать спортивные товары, туристическое снаряжение	5,0	51,3	10,3	10
	пользоваться услугами косметических салонов	3,1	33,7	10,9	9
	расплачиваться за товары и / или услуги при помощи пластиков	4,0	46,7	11,7	7
	иметь дело с иностранной валютой	3,4	52,7	15,3	7
	ездить за границу	2,1	32,9	16,0	6
	заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе	1,5	27,1	17,9	6
	летать самолетами	1,9	34,1	18,4	5
XVI–XVII	вкладывать деньги в акции, ценные бумаги	0,3	5,6	20,0	1
	пользоваться услугами домработницы, помощницы по хозяйству	0,3	3,7	13,5	1
	Количество используемых практик на 1 чел.	1,8	7,9		

❖ По данным компании ACM Consulting, доля активных абонентов в РФ по итогам III квартала 2007 года достигла уровня 63,0% (см.: <http://marketing.rbc.ru/news/index/2008/01/15/31778945.shtml>).

деньгами и товарами, а с их субститутами. Поэтому для пользования такими услугами необходимо доверие институтам, в данном случае – коммерческим. Только доверие позволяет принять кусочек пластика за живые, привычные, наличные деньги и за квитанцией чувственно осязать любовно выбранный товар.

Окончание см. на стр. 61 →

Рейтинги доверия политикам

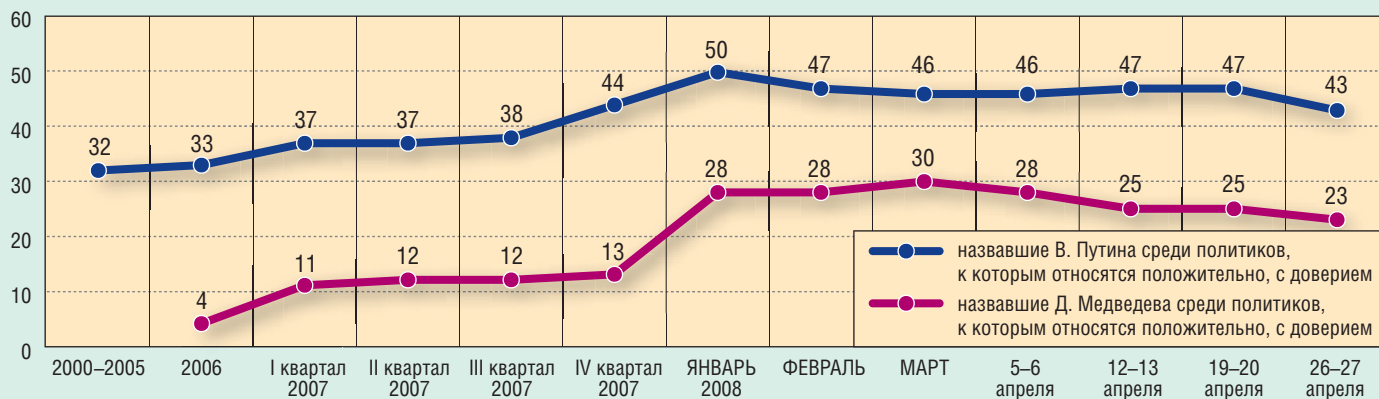
Данные в % от населения

Назовите, пожалуйста, нескольких современных российских политиков, к которым Вы лично относитесь положительно, с доверием. (Респондент сам называет фамилии, любое число ответов)

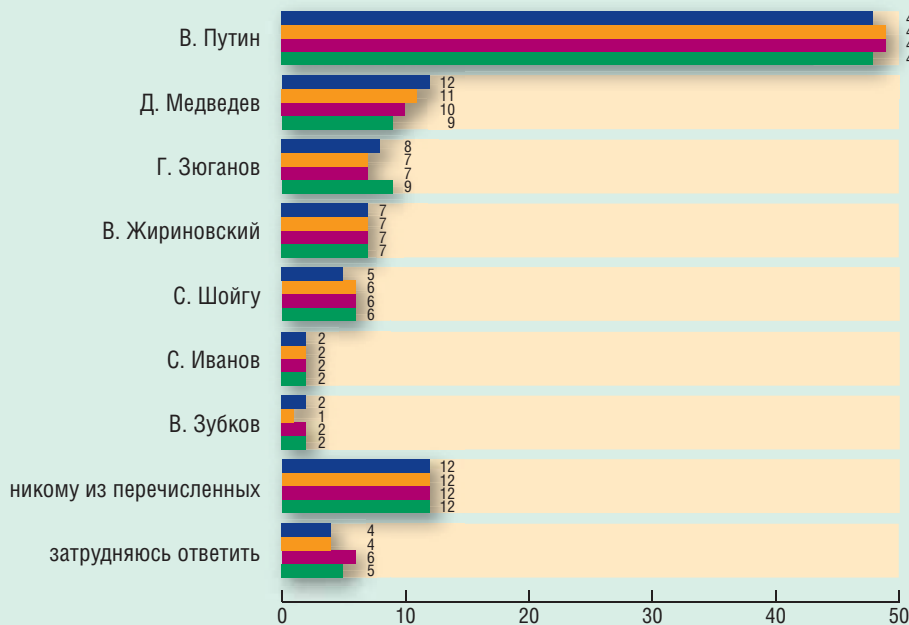

* Политики, набравшие менее 0,5% (Ю. Лужков, Г. Явлинский, А. Тулеев, В. Кресс, С. Лавров и пр.).

Назовите, пожалуйста, нескольких современных российских политиков, к которым Вы лично относитесь положительно, с доверием. (Респондент сам называет фамилии, любое число ответов)

Кому из перечисленных политиков Вы доверяете, симпатизируете больше всего? (Карточка*, один ответ)

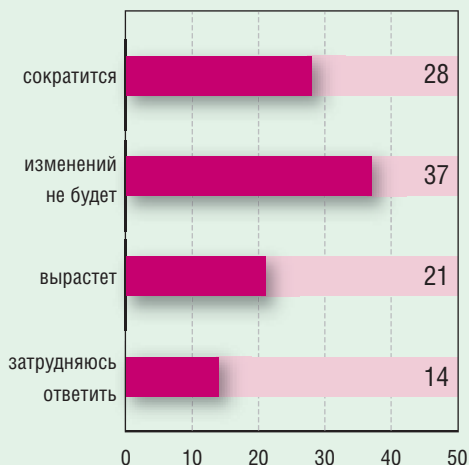

* В карточку включены политики, которых в открытом вопросе о доверии назвали как минимум 2% респондентов.

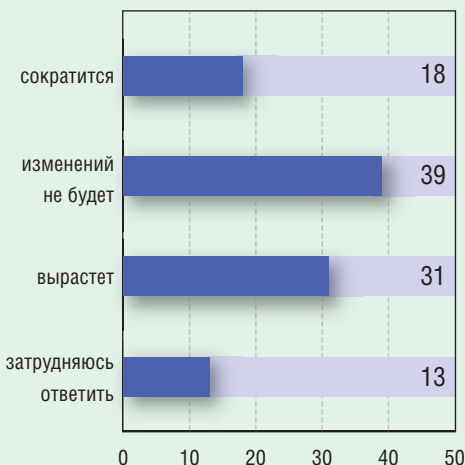
Как изменится Россия в ближайшие 3-4 года?

Данные в % от населения

На Ваш взгляд, в ближайшие три-четыре года безработица в нашей стране сократится, вырастет или в этом отношении изменений не будет?

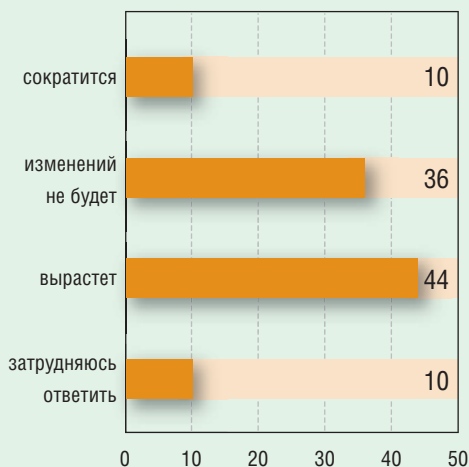
По Вашему мнению, преступность в нашей стране в ближайшие три-четыре года сократится, вырастет или в этом отношении изменений не будет?

Как Вам кажется, коррупция в нашей стране в ближайшие три-четыре года сократится, вырастет или в этом отношении изменений не будет?

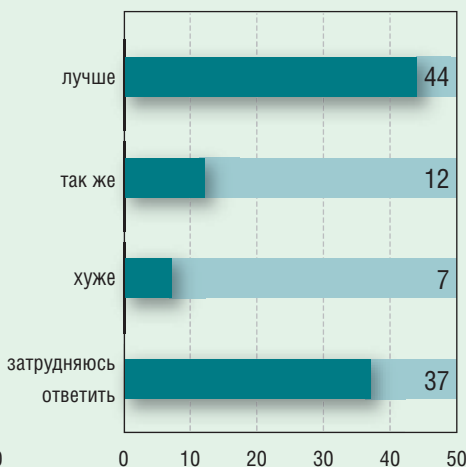
Как Вам кажется, социальное неравенство, разница в доходах между бедными и богатыми в ближайшие три-четыре года в нашей стране сократится, вырастет или в этом отношении изменений не будет?

На Ваш взгляд, ситуация в стране в целом через три-четыре года улучшится, ухудшится или не изменится?

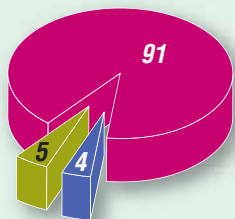
А через 30-40 лет россияне, по Вашему мнению, будут жить лучше, хуже или так же, как сейчас?

Помогает ли знание законов в повседневной жизни?

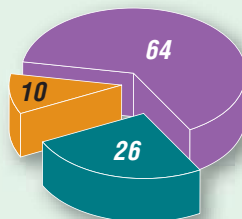
Данные в % от населения

Как Вы полагаете, обычному человеку, не юристу по специальности, в повседневной жизни нужно или не нужно знать законы?

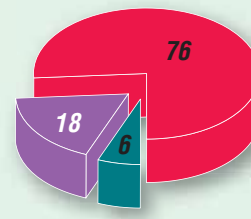
- нужно
- не нужно
- затрудняюсь ответить

Как Вам кажется, большинство окружающих Вас людей знают российские законы хорошо или плохо?

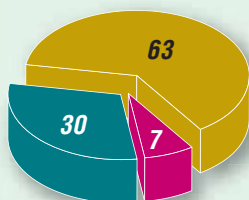
- хорошо
- плохо
- затрудняюсь ответить

А Вы лично знаете российские законы хорошо или плохо?

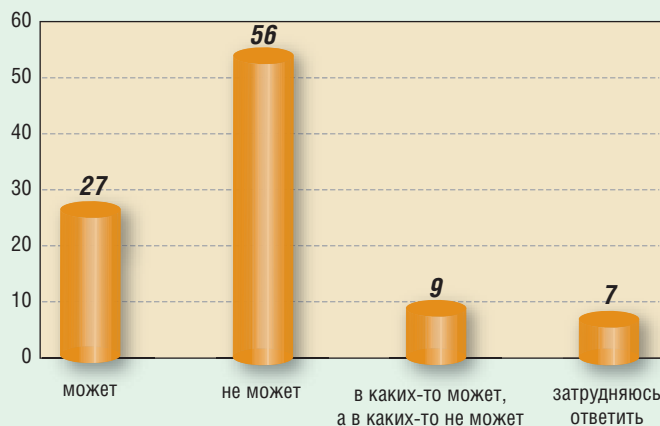
- хорошо
- плохо
- затрудняюсь ответить

Скажите, пожалуйста, в повседневной жизни Вам достаточно или недостаточно того знания законов, которое у Вас есть?

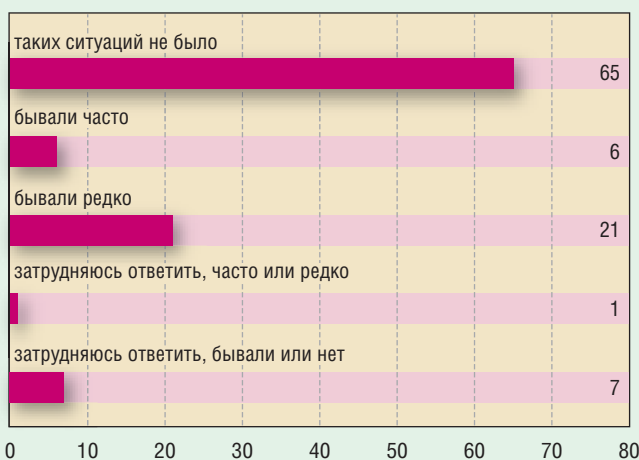

- достаточно
- недостаточно
- затрудняюсь ответить

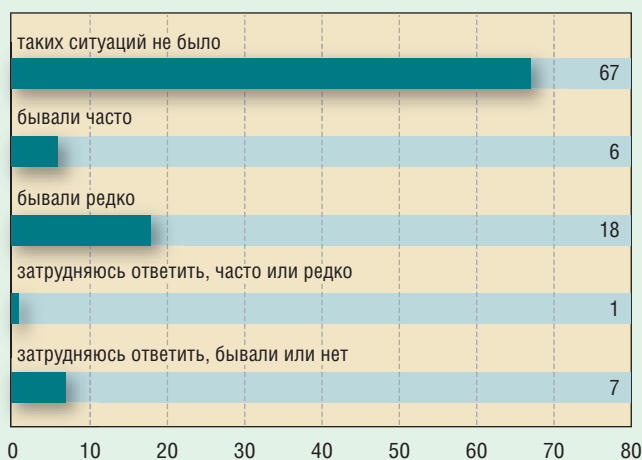
Как Вы считаете, может или не может обычный человек, не получая специального образования, сам разобраться в российских законах?

Скажите, пожалуйста, в Вашей жизни бывали ситуации, когда незнание законов нанесло Вам вред, или таких ситуаций не было? И если бывали, то часто или редко?

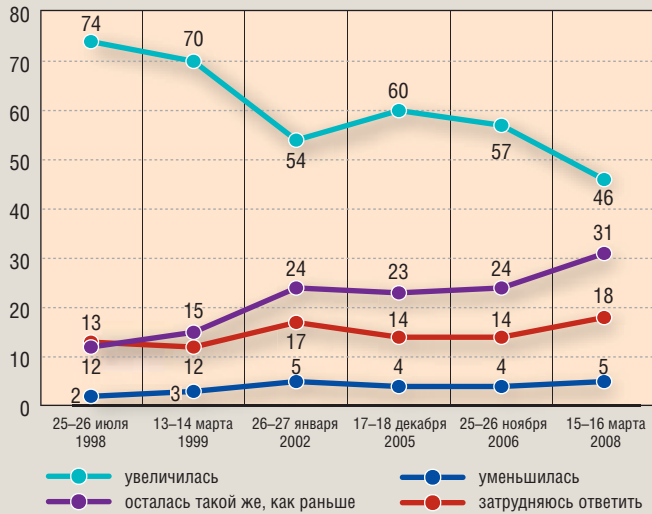
Скажите, пожалуйста, в Вашей жизни бывали ситуации, когда знание законов помогало Вам защитить свои интересы, или таких ситуаций не было? И если бывали, то часто или редко?

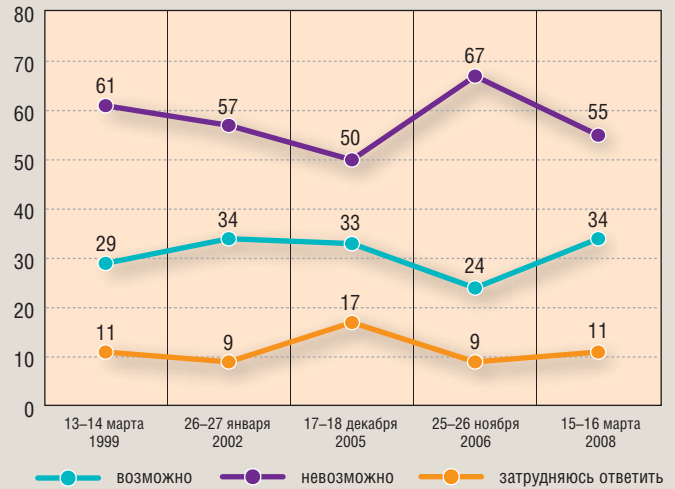
Уровень коррупции в России и перспективы борьбы с ней

Данные в % от населения

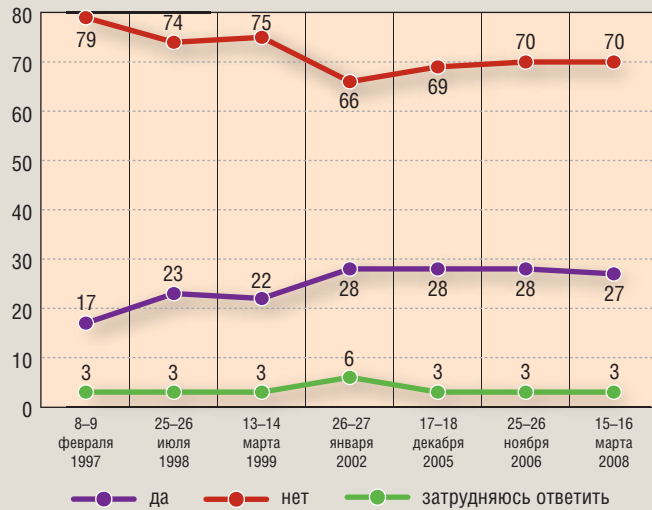
Как Вы считаете, коррупция среди должностных лиц за последние год-два увеличилась, уменьшилась или осталась такой же, как раньше?

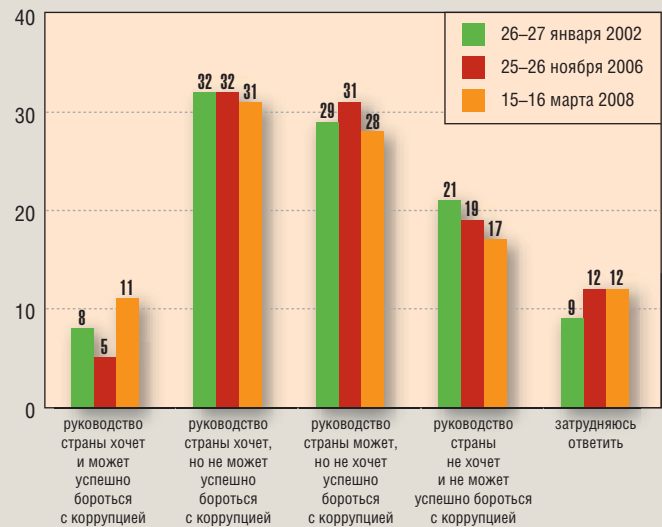
По Вашему мнению, возможно или невозможно искоренить коррупцию в России?

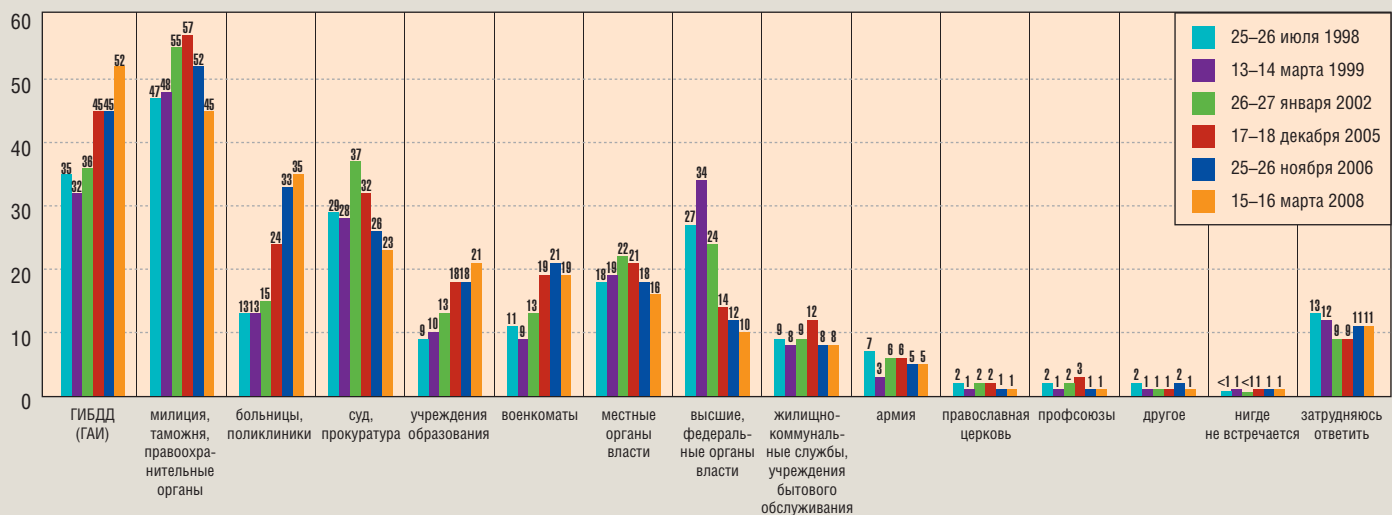
Сталкивались ли Вы лично за последние год-два с тем, что какой-нибудь государственный служащий (должностное лицо) просил или ожидал от Вас неофициальной платы, услугу за свою работу?

С каким из приведенных ниже суждений о борьбе с коррупцией Вы согласны? (Карточка, один ответ)

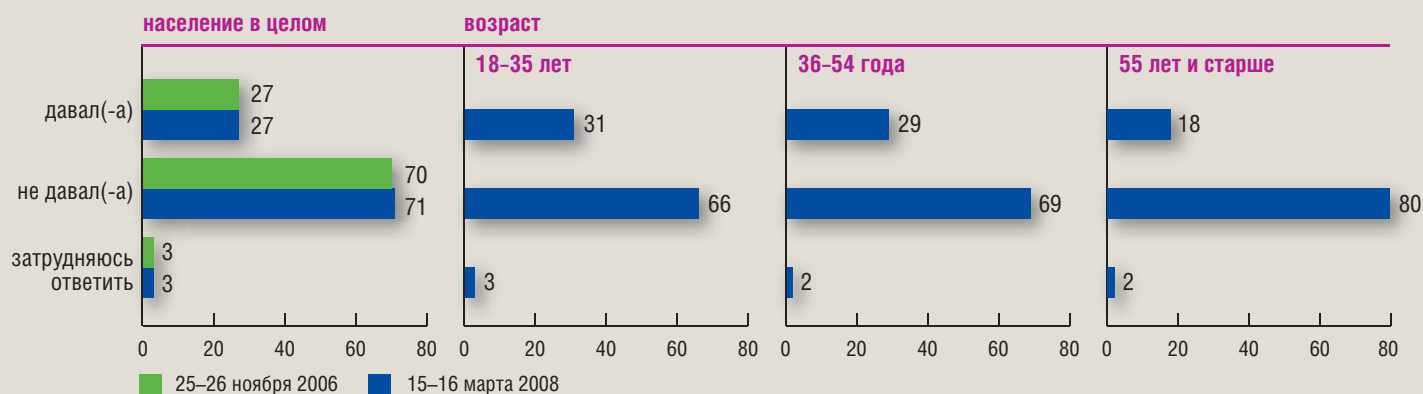
По Вашему мнению, среди должностных лиц каких служб, организаций, учреждений чаще встречается коррупция? (Карточка, не более трех ответов)

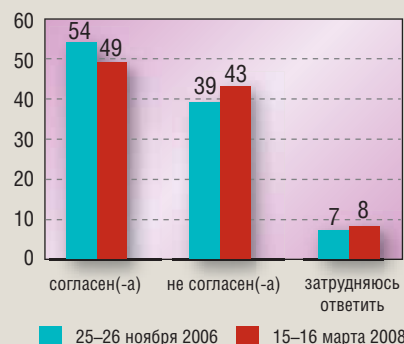
Взятки в повседневной жизни: опыт и отношение

Данные в % от населения

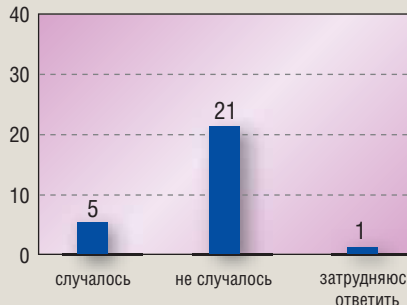
Вы когда-нибудь давали взятку должностному лицу или никогда не давали?

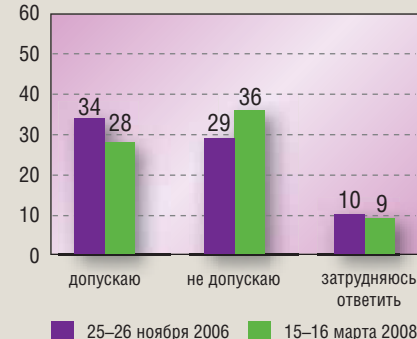
Вы согласны или не согласны с мнением, что почти каждый человек будет брать взятки, если ему будут их давать?

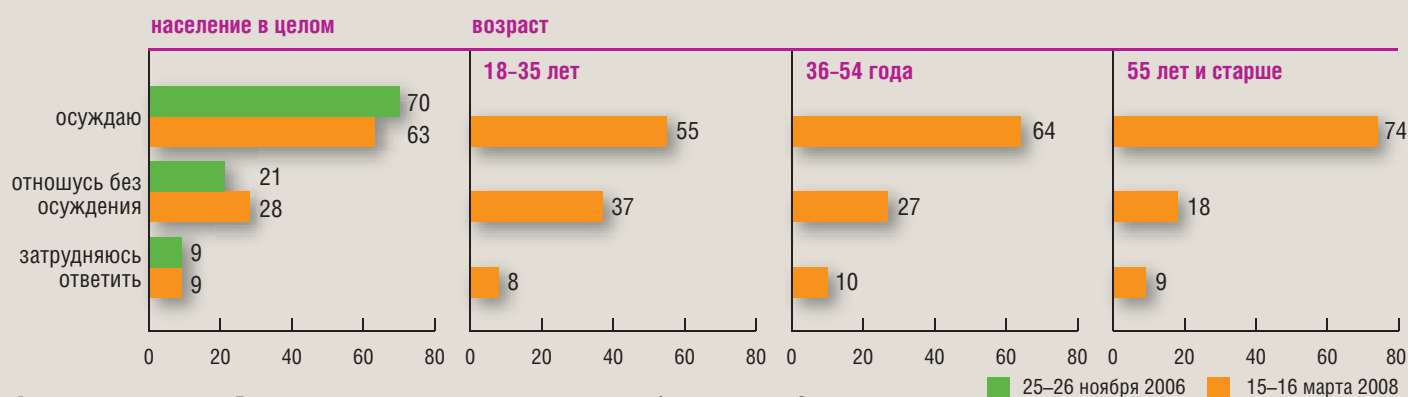
Случалось ли с Вами так, что Вы пытались дать взятку должностному лицу, а должностное лицо от взятки наотрез отказалось? Или такого никогда не случилось? (Ответы заявивших, что они когда-либо давали взятку должностному лицу, – 27% от всех опрошенных)

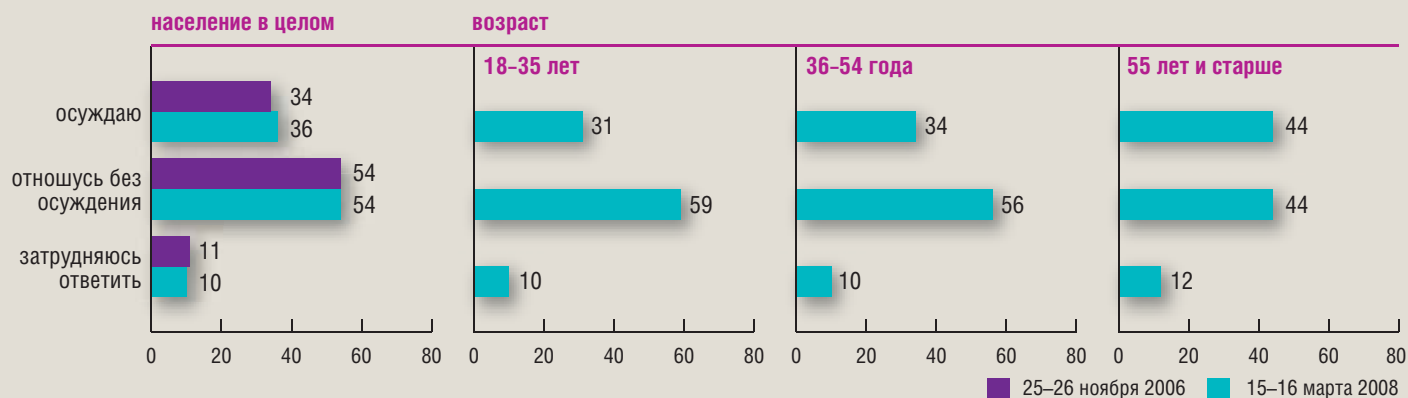
Вы допускаете или исключаете, что в какой-либо ситуации дадите взятку должностному лицу? (Ответы всех респондентов, кроме заявивших, что они когда-либо давали взятку должностному лицу, – 73% от всех опрошенных)

Вы лично осуждаете тех, кто берет взятки, или относитесь к ним без осуждения?

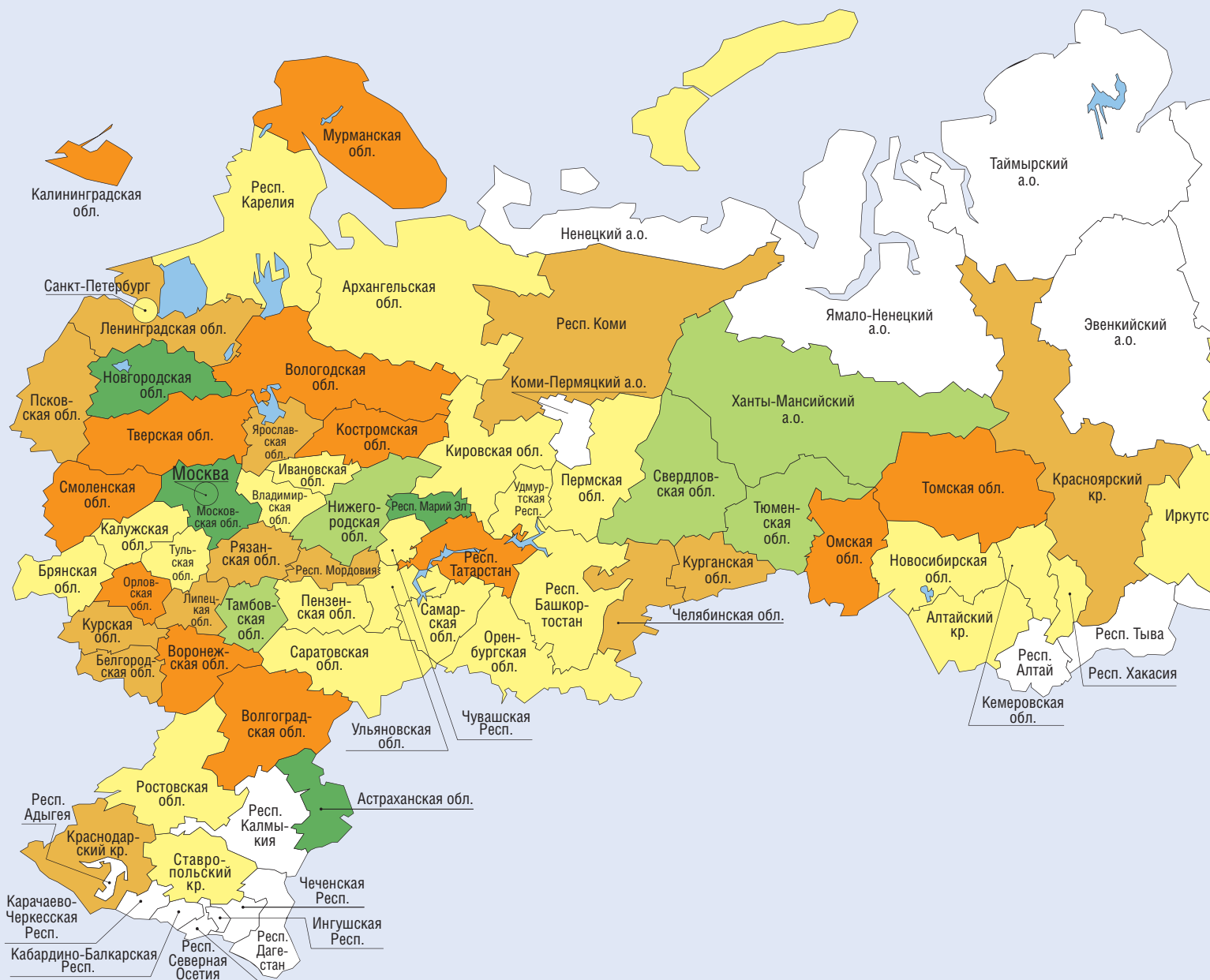
А тех, кто дает взятки, Вы лично осуждаете или относитесь к ним без осуждения?

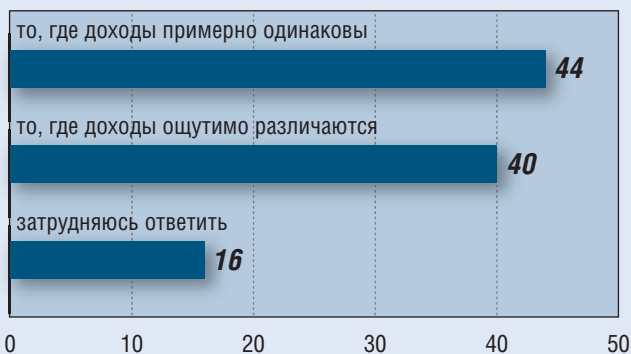
На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 15-16 марта 2008 года. Выборка: 1500 человек

Отношение к неравенству доходов

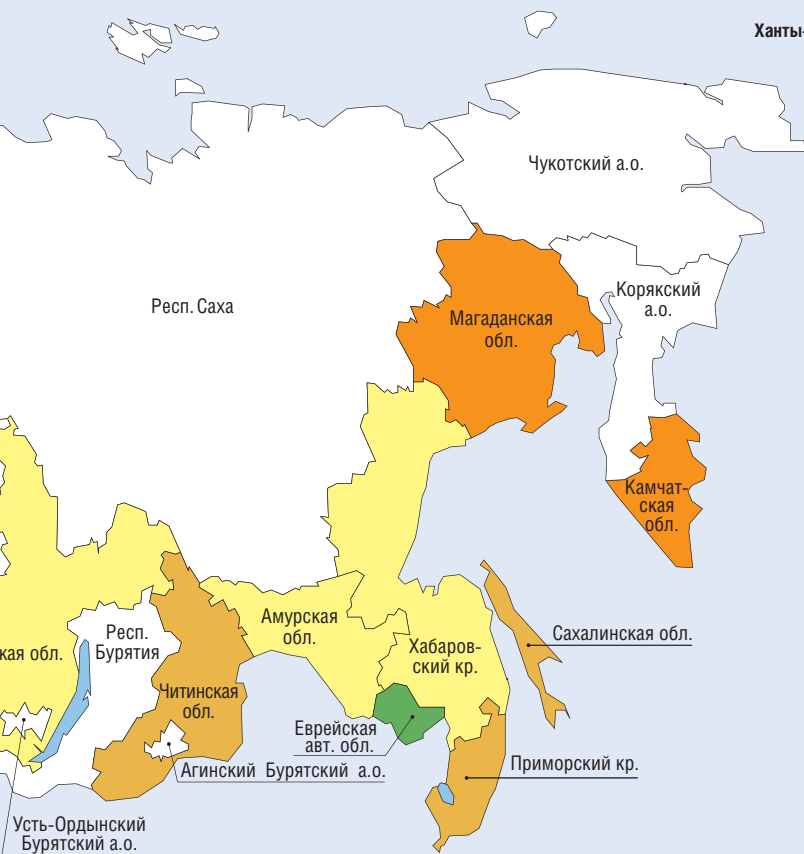
Те, кто считает, что справедливее то общество, в котором доходы существенно различаются в зависимости от квалификации и предприимчивости человека

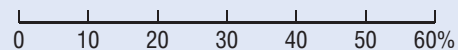
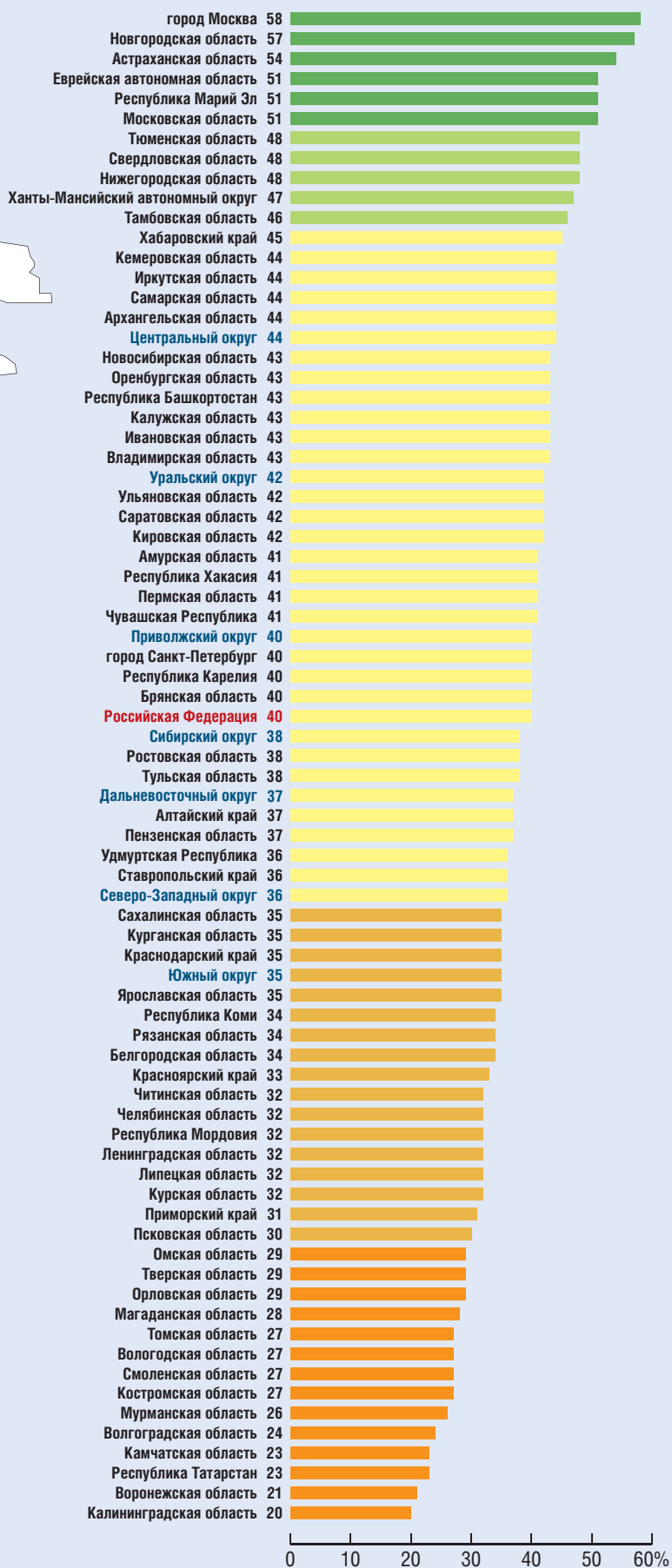
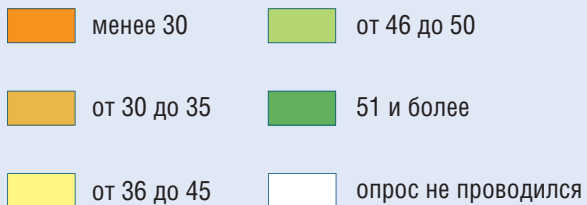
Какое общество, на Ваш взгляд, более справедливо: то, в котором доходы граждан примерно одинаковы, или то, в котором они существенно различаются в зависимости от квалификации и предприимчивости человека?

Опрос 25 октября – 11 ноября 2007 года. Выборка: 34 000 человек

Доля от числа опрошенных, %

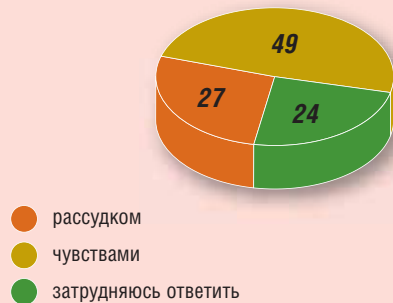

Основания брака: баланс эмоций и рациональных соображений

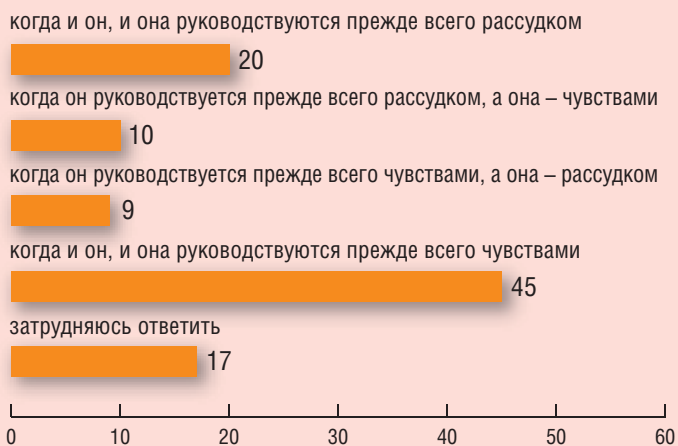
Данные в % от населения

Люди по-разному принимают решение о вступлении в брак. Одни руководствуются прежде всего рассудком и пытаются как можно тщательней просчитать, оценить последствия этого шага. Другие руководствуются прежде всего чувствами, эмоциями, желанием быть вместе с любимым человеком.

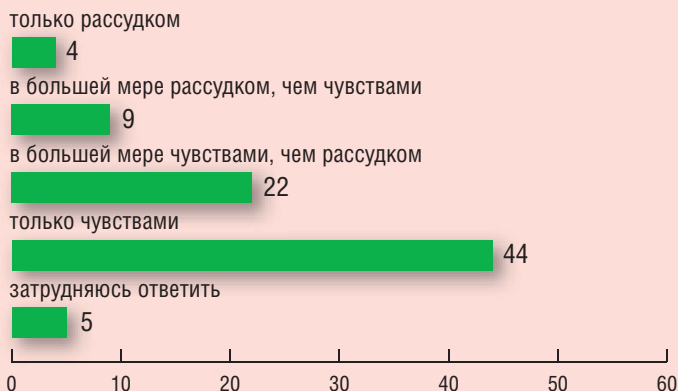
Если говорить в целом, то, по Вашему мнению, при вступлении в брак лучше руководствоваться в первую очередь рассудком или чувствами?

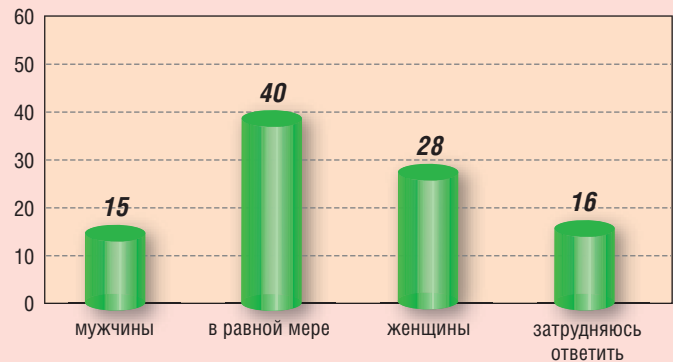
Как Вы считаете, какие браки обычно бывают прочнее – те, в которые молодожены вступают, руководствуясь скорее рассудком или скорее чувствами? (Карточка, один ответ)

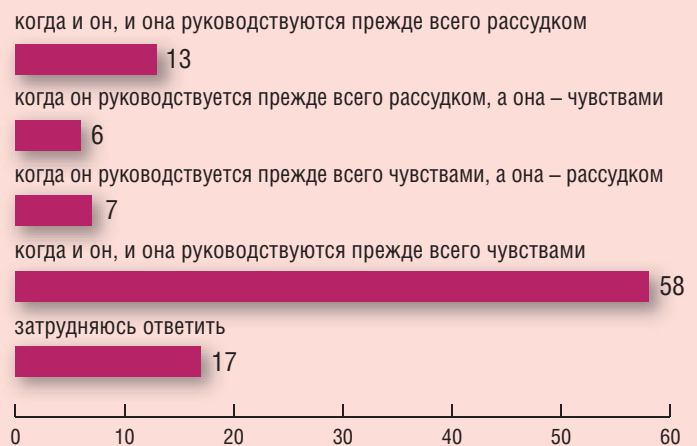
Если это не секрет, скажите, пожалуйста, когда Вы женились (выходили замуж), Вы в большей мере руководствовались рассудком или чувствами? Или только рассудком? Или только чувствами? (Ответы всех респондентов, кроме заявивших, что они никогда не были женаты (замужем), – 16% от всех опрошенных)

Как Вам кажется, кто при вступлении в брак чаще руководствуется рассудком – мужчины или женщины? Или и мужчинам, и женщинам это свойственно в равной мере?

Как Вы считаете, какие браки обычно бывают счастливее – те, в которые молодожены вступают, руководствуясь скорее рассудком или скорее чувствами? (Карточка, один ответ)

Как Вы лично относитесь к бракам по расчету – положительно или отрицательно?

→ *Окончание статьи.*

Если читателю покажется, что мы говорим о вещах малозначительных, об опасениях малокультурных людей, то можно вспомнить, как трудно уже в XXI веке идет, например, внедрение зарплатных пластиковых карт, которые, помимо прочего, избавляют человека от необходимости стоять в очереди в кассу. Однако зачастую зарплатным пластиковым картам не доверяют, в том числе и люди с высшим образованием, работающие в государственных учреждениях. Недоверие – один из факторов, препятствующих широкому внедрению инноваций – и полезных, и вредных.

Когда нет ценностных препятствий (вроде представлений, согласно которым приличному человеку негоже жить в долг, то есть в кредит), именно доверие к банковским институтам и уверенность в себе снимают страх перед кредитованием (особенно с залогом). Аналогичным образом доверие необходимо и при пользовании услугой доставки товара на дом, поскольку у клиента, расплатившегося за товар, взамен остается лишь листочек бумаги. Размышления о том, привезут или не привезут оплаченный товар, могут беспокоить тем сильнее, чем выше субъективная значимость потраченной на покупку суммы.

Во-вторых, пользование финансовыми инструментами предполагает определенный уровень самодисциплины, абстрактного мышления и определенный запас усвоенного знания. Запас знаний необходим не только для доверия – хотя, заметим, полное неведение доверию не способствует. Знания нужны и для освоения процедур пользования финансовыми инструментами, а элементарный самоконтроль необходим для того, чтобы без “горячего” стимулирования соблюдать холодные, анонимные, общие правила: например, регулярно и вовремя погашать кредит. В противном случае “карьера аккуратного заемщика” быстро завершится, толком не начавшись, и легкость, удобство и безопасность приобретений могут оказаться недоступными, или еще хуже – обернуться потерями.

Подводя итог этим двум пунктам, можно сказать, что наш продвинутый потребитель должен быть не просто социально адаптирован, но достаточно успешно и разносторонне социализирован, чтобы адекватно справиться с теми институционально закрепленными ожиданиями, которые сопутствуют пользованию финансовыми инструментами.

В-третьих, от “передового” потребителя требуется открытость новшествам и готовность находить оптимальные методы их освоения. Только из-за постоянных процедурных изменений и сопутствующих технических инноваций пользование финансовыми инструментами всегда является *инновационной средой*, как правило, требующей даже от простого пользователя некоторой активности и чувствительности к новизне – желания и умения сориентироваться, провести небольшое исследование, найти нужную информацию и принять решение. Таким образом, появление индивидуального спроса даже на неспециализированные финансовые услуги, помимо доверия, интеллектуальной и волевой оснащенности, требует готовности вести активный поиск и вступать с социальной средой во взаимоотношения новой конфигурации.

Нравится нам это или нет, мы живем не в эпоху великих строек, а в эпоху потребления. Объективно производство вещей и услуг своей важности не теряет, однако фокус общественного внимания сместился на потребление, и именно в потреблении теперь принято видеть производство индивидом и самого себя, и своего социального окружения

Нечаянно оказывается, что добродетели потребителя чем-то напоминают добродетели научного сотрудника, или шире, представителя свободных профессий, для которых собственная жизнь – это малое, частное, но весьма социализированное *предприятие*.

Пользование валютой относится к тем практикам, новизна которых для основной массы российских граждан связана с открытием страны остальному миру и отменой советской нормы, определяющей уголовную ответственность за несанкционированное хранение валюты и операции с ней. Из тех, кто освоил эту практику – а это 10,3% россиян, – у большей части операции с валютой не связаны с зарубежными поездками: только 40% имевших дело с валютой ездили за границу. Следовательно, для остальных 60% валюта выполняет функцию сбережения и / или внутренних расчетов. Обе функции валюты связаны с усложнением картины мира и с необходимостью принимать ответственность за индивидуальные решения.

Поскольку опыт *вложения денег в акции и ценные бумаги* (как и *найма работников для ведения домашнего хозяйства*) имели не более 1% населения (3–5% продвинутых потребителей), можно заключить, что сегодня они скорее относятся к элитным практикам, свойственным высшим слоям российского общества.

Двигаем знания

Пользование компьютером, Интернетом, мобильным телефоном, бесспорно, отличает современного человека. Эти практики присутствуют в жизни и на работе, и после работы, а для кого-то и вместо работы. Для многих они стали естественной частью быта, и именно эта естественность делает их удобным инструментом, позволяющим отличить людей-ХХІ.

Здесь можно обратить внимание на то, что *получать дополнительное образование, повышать квалификацию* за три года довелось лишь 9% взрослых россиян. По всей видимости, наша страна еще не вступила в эпоху всеобщего непрерывного обновления багажа знаний: даже среди “продвинутых” только треть систематически повышали образование и квалификацию (табл. 2).

Двигаем себя

Поскольку за последнее время не было внедрено никаких принципиально новых способов перемещения людей в пространстве, включение в перечень практик людей-ХХІ вождения автомобиля и передвижения на самолетах может вызвать недоумение. Ведь еще Остап Бендер провозглашал, что автомобиль не роскошь, а (всего лишь) средство передвижения. Вождение автомобиля можно считать только *относительно* новой практикой с учетом того, что Россия переживает в настоящее время бум автомобилизации, в ходе которого круг автолюбителей стремительно расширяется. Иными словами, стремительно расширяется круг людей, которые *впервые* садятся за руль. Именно это обстоятельство – *впервые* – делает, согласно теории распространения инноваций [Rogers, 1995], практику инновационной.

Практика передвижения самолетом также не нова и в настоящий момент является признаком такой пространственной мобильности, при которой либо

время ценится больше, чем деньги, либо перемещение совершается в такую точку, куда “только самолетом можно долететь”.

Возможность выехать за границу также можно считать новой практикой только в сравнении с советским периодом. Здесь важна возможность получить опыт перемещения из одного социокультурного пространства в другое; подобный опыт способствует расширению кругозора и границ картины мира.

Заботимся о себе

Специфика отнесенных к четвертой группе практик заключается в том, что, если они и ориентированы на удовлетворение элементарных, рутинных потребностей тела, то не прямо, не “любительски”, не за счет средств домашней экономики, а опосредованно – через услуги “профессионалов”, или “экспертов”.

Чтобы удовлетворять эти потребности не самостоятельно, а с помощью рынка услуг, нужно, конечно, иметь определенный материальный достаток. Но не только! Для этого еще нужно что-то *предпочесть*, сделать выбор между тем, чтобы:

- непрофессионально заняться удовлетворением собственной потребности за счет собственного времени, которое можно потратить на профессиональную деятельность или на отдых – на самовосстановление для своей профессиональной деятельности,
- и тем, чтобы:
- воспользоваться услугами профессионала (без кавычек или в кавычках).

В условиях ограниченности материальных ресурсов предпочтение второй вариант может только человек, который

- а) сам включен в профессиональную деятельность,
- б) понимает себя как профессионала,
- в) ценит профессионально выполненную работу выше, чем “кустарную”,
- г) слишком ценит свое время, чтобы потратить его на кустарную работу.

За заботой о себе стоит более или менее осознанная политика расходования свободного времени и вхождения в отношения социальных обменов.

Это можно продемонстрировать на практике приглашения домработницы. Мы предварительно отнесли эту практику не к инновационным, а к элитарным, однако она в любой момент может быть признана и инновационной, если к ней начнут прибегать все более широкие слои населения. Это будет свидетельствовать о том, что целые слои стали изменять паттерны ведения домашнего хозяйства. Для этого нужно иметь не только материальную возможность “держать прислугу”; в этом еще надо видеть смысл, то есть как минимум переосмыслить функции членов семей, которые раньше были связаны с выполнением домашней работы. Оплачивать услуги по ведению хозяйства, воспитанию детей и т. п. имеет смысл только тогда, когда занятость всех членов семьи вне дома оказывается более целесообразной, чем экономия на найме няни, сиделки, домработницы. Расширение круга клиентов, пользующихся такими услугами, свидетельствует о расширении слоя людей, имеющих хорошие позиции на рынке труда. Одновременно это

Нечаянно оказывается, что добродетели потребителя чем-то напоминают добродетели представителя свободных профессий, для которого собственная жизнь — это малое, частное, но весьма социализированное предприятие

свидетельствует и о росте социальной дифференциации: о том, что вместе со слоем людей, нашедших свое профессиональное место в общественном разделении труда, появился слой, готовый извлекать выгоду из хороших шансов на рынке труда своих нанимателей, осуществляя, таким образом, вторичное перераспределение общественного продукта.

Правда, сегодня, согласно данным опроса, не происходит стремительного расширения слоя, прибегающего к чужим услугам для ведения домашнего хозяйства (как и вкладывающего деньги в акции), и эта практика может, действительно, широко распространиться лишь в будущем.

Потребители-XXI: социальная (прото)группа или артефакт?

Какие бы сомнения ни вызывали выбранные отличительные признаки продвинутых потребителей, с их помощью все население разделилось на две неравные по численности, а главное – очень непохожие по потребительскому опыту группы: ср. столбцы 3 и 4 *таблицы 2*. Если на "обычного" россиянина в среднем приходится менее двух инновационных практик, то на одного продвинутого потребителя – почти 8. Фактически можно сказать, что те и другие живут в социотехнических средах, предоставляющих своим обитателям совершенно разные возможности.

По своей распространенности все практики довольно четко делятся на 4 группы.

Пользование мобильным телефоном (ранг I) – это единственная практика, ставшая действительно массовой. В терминологии Э. Роджерса, ее приняли не только новаторы, ранние последователи и раннее большинство, но и значительная часть позднего большинства. Вторая по распространенности (с большим отрывом) практика – покупка товаров в кредит (ранг II) – охватила только треть раннего большинства.

Еще 4 практики – пользование компьютером и Интернетом, кредитование в банке, вождение автомобиля (ранги III–VI) – восприняли лишь новаторы и ранние последователи, то есть здесь имеются значительные резервы.

Большая часть остальных практик (ранги VII–XV) принята главным образом лишь новаторами, причем у каждой такой редкой инновации (от 5 до 11%) имеется собственный, более или менее обособленный круг (ядро) практикующих их. Две практики (ранги XVI–XVII) остаются элитарными даже среди продвинутых потребителей.

Очевидно, что по каким-то признакам люди-XXI резко отличаются от остального населения, по каким-то – различия не столь значительны. Чем менее распространена практика (чем она элитарнее), тем больше разница в ее распространенности между людьми-XXI и остальными. Тем не менее,

поскольку инновационные повседневные практики получили распространение в самых разных слоях, они не являются основой ни для образования определенной субкультуры, ни для образования реальной социальной группы со специфическими, осознанными (*fuer Sich*) групповыми интересами. Так что люди-XXI в разных пропорциях присутствуют и демонстрируют себя во всех социальных слоях.

Данные опроса позволяют описать социальный портрет продвинутого потребителя, человека-ХХІ, черты которого составят его усредненный образ. Однако на эти черты можно смотреть иначе: в них можно видеть специфические социальные среды, социальные подпространства, которые в разной степени дружелюбны или враждебны к распространению инновационных практик. В этом видится вполне практическая направленность начавшегося проекта. ■

Литература

- Бавин П.* В ожидании среднего класса // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 7–13, № 3. С. 7–16.
- Бергер П.* Приглашение в социологию / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
- Брайант Дж., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. 2004. Гл. 7. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможность исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30). С. 7-47.
- Мангейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 572–668.
- Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Шанин Т.* История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3; см. также: <<http://www.rus-crisis.ru/?p=873>>
- Ядов В.А.* К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Bunnell T.G., Coe N.M.* Spaces and Scales of Innovation // Progress in Human Geography. 2001. Vol. 25. No. 4. P. 570.
- Drucker P.* Post-Capitalist Society. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993; OECD. Fostering Entrepreneurship. Paris: OECD, 1998.
- Rogers E.M.* Diffusion of Innovations. N.Y.: Free Press, 1995.
- Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study of Collective Memory // Social Forces. 1982. Vol. 61. № 2. P. 374–402.
- Schuman H., Scott J.* Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 3. P. 359–381.
- Schuman H., Corning A.D.* Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. Jan. P. 913–956.
- Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.: Harper, 1975.
- Shaw Solo C.* Innovation in the Capitalist Process: A Critique of the Schumpeterian Theory // The Quarterly Journal of Economics. 1951. Vol. 65. No. 3.

MAN of the FUTURE

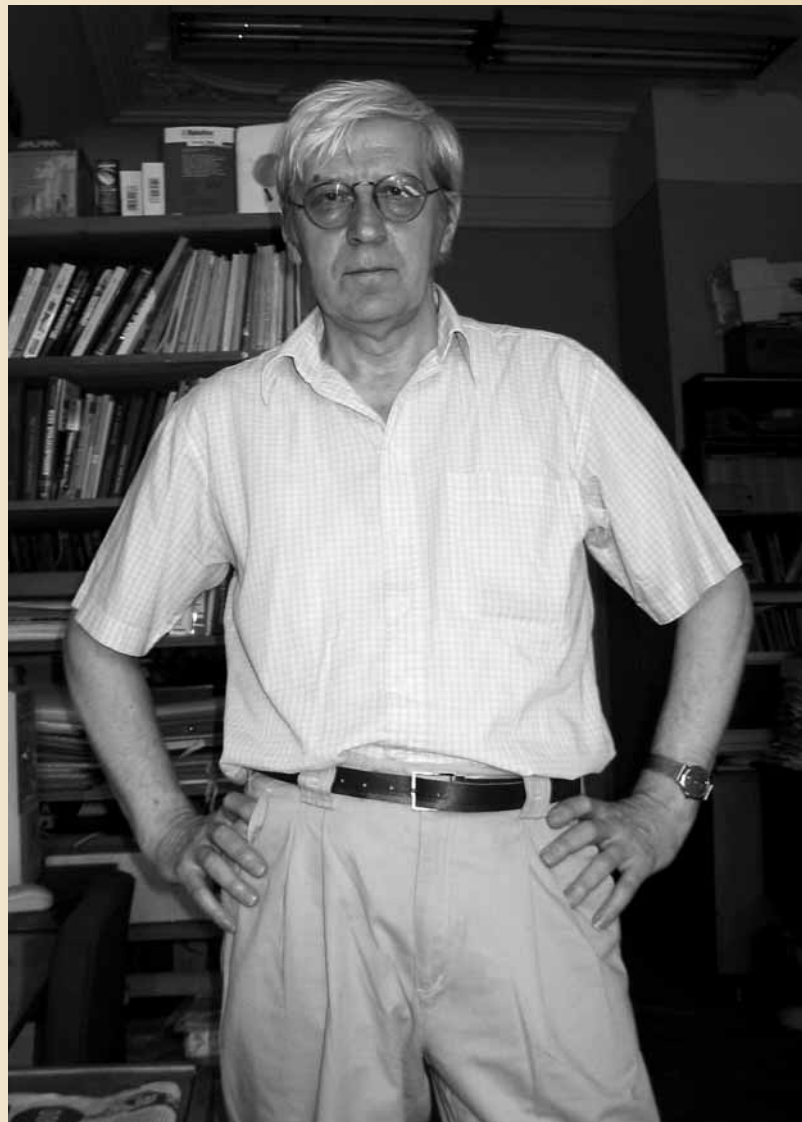
Б. Докторов

Валерий Голофаст. *Независимый ум*

Все повторяется сначала,
И без конца, и без конца
Гондолой бьется у причала
Венецианского дворца.
История, народы, солнце,
радиокрик чужих миров,
И переполненное полнится,
Не выходя из берегов.

В. Голофаст. Начало 60-х. Ленинград

Я благодарю моего коллегу Олега Божкова, много делающего для изучения наследия Валерия Голофаста, брата Валерия – Георгия Голофаста, дочь – Оксану Голофаст и друзей – Марата Бузовского и Владимира Трякина за присланные мне материалы. Мне приятно выразить благодарность Андрею Алексееву и Наталии Мазлумяновой за их отзывы и замечания.

Настоящая работа продолжает ряд моих публикаций в журнале “Социальная реальность”, посвященных становлению советского / российского социологического общества. Я имею в виду статью о жизни и творчестве Ю. Левады [Докторов. 2007] и интервью с представителями разных поколений работающих социологов: Еленой Петренко [“Социологический поворот...” 2007], Михаилом Тарусиным [“Мы формировались...” 2007], Францем Шереги [“У нас был “генетический” иммунитет недоверия...” 2007] и Владимиром Шляпентохом [“Советские социологи лучше американцев...” 2006]. Более обстоятельно эта тема рассматривается в материалах рубрики “Современная история российской социологии” петербургского журнала “Телескоп”. К настоящему времени там опубликовано свыше двадцати интервью, проведенных мною с ведущими российскими социологами. Но наиболее полная коллекция материалов об отечественных социологах представлена на сайте российско-американского проекта “Международная биографическая инициатива”: это свыше сотни различного вида биографических текстов, а также статьи аналитического характера [Проект “Международная биографическая инициатива”].

Изучение биографий социологов рассматривается мною как часть большой работы по исследованию и написанию истории современной, или постхрущевской, российской социологии. В моем понимании история должна не только отражать то, что было сделано за пять десятилетий советскими / российскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих.

Анализ жизни и творчества Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004) позволяет увидеть некоторые существенные детали становления отечественной социологии и в частности – затронуть тему поколений в нашем социологическом сообществе. Я не ставлю перед собою задачу целостного изучения биографии Голофаства; меня прежде всего интересует его путь в социологию. При анализе биографий деятелей культуры стало нормой обращение к периоду их ранней социализации и процессу профессионали-

зации; другими словами, биографической информации присваивается статус историко-культурологической. Сейчас я не говорю о масштабах талантов и роли в истории того ли иного творца, но отмечаю собственно методологию историко-научных поисков, признающую целостность, неразрывность личного и творческого в человеке. В силу молодости современной российской социологии и ввиду ряда других обстоятельств наша наука пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий тех людей, кто стоял у ее истоков, видя в этих жизнеописаниях лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив подобного отношения к изучению биографий социологов, мы не только не ответим на многие принципиальные вопросы истории нашей социологии, но у нас даже не возникнет стремления их сформулировать.

* * *

В очерке о В. Голофастве представляется обоснованным и естественным обращение к общеметодологическим вопросам изучения биографии и использования биографического материала в исторических исследованиях. Геннадий Семенович Батыгин и Валерий Борисович Голофаств одними из первых в современной российской социологии обратили внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и начали систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Для обоих обращение к биографиям было средством познания прошлого. Однако если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаств обращался к прошлому людей, то есть к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии, а второй – историей ряда поколений советских людей.

Кроме того, представляется, что Батыгина прежде всего интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки. В частности, его последние работы касались этих проблемных сфер, и потому биографический под-

ход становился у него одним из методов исследования функционирования социального института. Голофастан более привлекало познание частной жизни людей, в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием. Оба они были лишь в начале своих поисков, и потому трудно сказать, в каком направлении развивалась бы их работа.

Коллективная монография “Социология в России” под редакцией В. Ядова [Социология в России. 1998], книги Г. Батыгина [Российская социология шестидесятых годов... 1999] и Б. Фирсова [Фирсов. 2001] по истории советской социологии, ряд других работ дают возможность составить общее представление о том, как происходило становление постхрущевской социологии и что было сделано по части познания советского общества второй половины прошлого века.

Четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научных исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и в других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, в связи с переездами лабораторий и сменой руководства исчезли архивы, казавшиеся непосвященным собранием старых, потерявших свое значение документов. Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее следует назвать “вопрошающим”: не-

обходим поиск вопросов, которые могли бы задать координаты историко-научных исследований, ориентировать, организовать их. Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-научного плана: каков генезис постхрущевской социологии? Каковы особенности ее возникновения? Мне представляется, что трактовка ее как “возрождения” дореволюционной русской и постреволюционной советской социологии неточна в силу недостаточного учета исторических обстоятельств и “человеческого потенциала”, в частности, особенностей профессиональной подготовки тех, кого мы сейчас называем создателями советской социологии. Полагаю, что вернее было бы говорить о “втором рождении” [Докторов. 2008].

Следующий вопрос можно классифицировать как научно-организационный: в какой мере первым поколениям социологов удалось создать необходимую инфраструктуру для развития науки?

Вопрос третий – научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей?

И, наконец, каковы в действительности теоретико-методологические достижения советской социологии, позиционировавшей себя (внутри страны и для мирового научного сообщества) в качестве главной силы развития марксистской теории общества?

Как бы то ни было, без обращения к биографиям первых поколений советских социологов ответы на эти вопросы не могут быть полными.

Г. С. Батыгин и В. Б. Голофастан одними из первых в современной российской социологии обратили внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и начали систематически разрабатывать методологию изучения биографий

Проблема поколений является сквозной, и степень ее разработанности в значительной мере определит характер ответов на сформулированные выше вопросы. Множество исследовательских направлений обнаруживается уже при первичном анализе проблемы поколений, в частности: выявление их возрастных границ, факторы, детерминировавшие специфику допрофессиональной социализации, общее и специфическое в процессах вхождения в социологию, возможности для карьеры, особенности предметно-объектных и методических задач, оказавшихся в фокусе внимания разных поколений, и т. д.

К первому поколению советских / российских социологов постхрущевского времени отнесена небольшая по численности группа молодых в то время людей, преимущественно имевших базовое философское, экономическое или историческое образование и некоторый опыт работы по полученным специальностям. Большинство из них родились в узком временном промежутке от 1926 до 1931 года, модальный интервал – 1928–1929 годы. Это – эмпирический интервал времени рождения социологов “первого призыва”, его теоретические границы – 12-летний период от 1923 до 1934 года. Свою социологическую деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х годов, практически “с нуля”, *самостоятельно осваивая* современные для того времени теории и методы.

Второе поколение по возрасту и социально-политическим воззрениям близко к первому, но принципиально отлично от него тем, как оно входило в социологию. Годы рождения представителей этого поколения также располагаются в указанном выше 12-летию, но модальная возрастная группа, думается, на несколько лет сдвинута вправо, то есть в область меньших возрастов. Эти люди формировались в той же социально-политической и нравственной атмосфере, что и социологи-шестидесятники первой волны. Однако в силу личных жизненных обстоятельств они пришли в социологию позже, став – и это главное – их первыми *учениками, последователями, единомышленниками*. Это поколение – “шестидесятники второй волны”. Следующее

12-летие (1935–1946) – годы рождения тех, кто образует третье поколение социологов, середина этого временного интервала приходится на 1940–1941 годы. Это – “военное” поколение, еще несколько лет его можно называть “шестидесятлетние”, хотя в нем уже есть и те, кто перешагнул 70-летний рубеж. Лишь самые старшие из этого поколения имеют собственный опыт восприятия событий войны, большинство же узнавало о ней от взрослых. В поколенческом опыте этой группы нет радости переживания Победы, но эти люди хорошо помнят тяготы первых послевоенных лет. Атмосфера “оттепели” осознавалась ими (могу сказать, нами) через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского поколения, публикации “Нового мира”. По характеру мироощущения эту группу можно называть “младшие шестидесятники”.

По возрасту и по типу вхождения в социологию Валерий Голофаст принадлежит к третьему поколению советских / российских социологов. Соединяя то, что мне сообщил о Валерии его младший брат Георгий Борисович, живущий в Днепропетровске, и биографическую информацию, собранную О. Божковым [Божков], о родительской семье и ранних годах жизни Валерия можно рассказать следующее.

Валерий Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором одного из днепропетровских КБ, проектировал первый сварной мост в Днепропетровске, ленинградскую телебашню, крытый стадион в Индонезии. Мать была бухгалтером, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. После окончания седьмого класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Любовь к технике у него началась с увлечения фотографией – отец с войны привез несколько трофейных фото- и кинокамер. Окончив школу, Валерий проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и отучился два курса на вечернем факультете в металлургическом институте.

В 1960 году Голофаст поступил на филологический факультет Ленинградского университета и прожил в Ленинграде отпущенные ему сле-

дующие сорок с небольшим лет, практически все это время работая в социологических структурах Академии наук.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кандидатская диссертация Голофаства была посвящена анализу американской семьи [Голофаств. 1972], а его посмертно изданная книга озаглавлена “Социология семьи” [Голофаств. 2006-а], можно сказать, что различные аспекты развития современной семьи всегда находились в центре его внимания. Но будет много вернее сказать, что как социолога Валерия Голофаства прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение. Если попытаться определить, что располагалось в фокусе его общеметодологических и урбанистических работ, исследований по образу жизни различных групп населения, науковедческих изысканий и статей по методам социологии, то, скорее всего, мы увидим там обыденного человека в повседневном мире.

Один из его коллег и друзей Игорь Травин, вспоминая Голофаства, так сказал о его научных интересах: “У него была такая знаменитая поговорка <...> Он начинал иногда какой-то цикл, период разговора с вводного пассажа – “меня интересует”. <...> При прочих равных условиях у него интерес зачастую был, я бы сказал, шире чисто физических возможностей” [Травин. 2008. С. 9]. Согласившись с Травиным в признании широты интересов Голофаства, я выскажу предположение о природе подобного феномена. Эрудиция Голофаства, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали “любовь к размышлениям”.

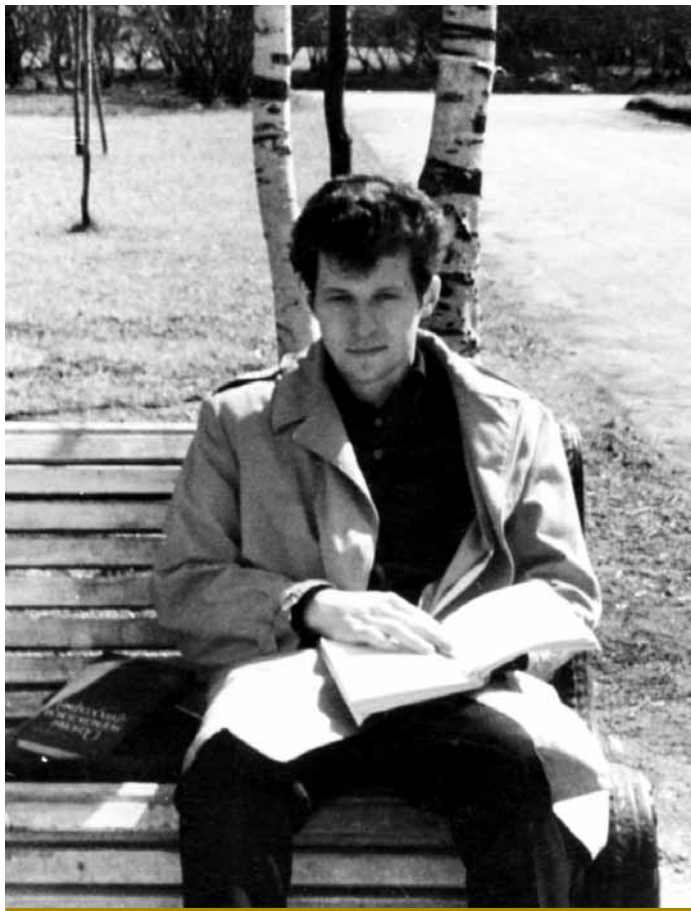
И все это началось рано. К двадцати годам Голофаств написал [Голофаств. 2006-б. С. 260–266]:

Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылазят телескопов щупальцы,
И человек на небо щурится.

И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающе
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,
Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилюю,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваше-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значитсся?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломаются
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающийся с губ моих,
Как ласточку с карниза – стих!
Как сокола с обрыва – стих!
Растите многолапым деревом!
Землею под корнями – дело вам!
Водою под корнями – знания!
И солнце над ветвями – знаменем!

Здесь есть и космос (Юпитер), и нидерландский физик Лоренц, и философ-математик Лейбниц, и лирика – извечные вопросы, которые задает себе молодой человек¹. Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но,

¹ Подборку стихотворений В. Голофаства можно найти на сайте: http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#).

Как социолога Валерия Голофаства прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение

возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным.

О. Божков, который по просьбе семьи В. Голофаства разбирал его архив, отмечает, что в переписке Голофаства видны его напряженные размышления об окружающем социальном мире, в ней – море разнообразных тонких и точных наблюдений. И далее: «Думаю, что людям, с которыми переписывался Валерий, чрезвычайно повезло в жизни – они соприкоснулись с удивительным интеллектом» [Божков. 2006. С. 146–156]. Я – один из тех, кому повезло. Благодаря Божкову у меня есть, если иметь в виду объем, три-четыре печат-

ных листа наших с Голофастом электронных бесед. И это лишь часть переписки – вся она охватывает период с октября 2001 года до декабря 2004 года; последнее письмо пришло от Валерия за две ночи до его смерти...

Приведу лишь короткие фрагменты из писем Голофаства, в которых он предстает и как личность, и как исследователь.

9 февраля 2003 г.

<...> Как ты знаешь, я когда-то, сугубо дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом-то вся прелесть. Истоки – известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники <...> Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрышно выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта <...> восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальны, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог – напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас – в СССР, России и пр. – травилось и травилось весь XX век.

11 июня 2003 г.

Я когда-то <...> был шоссейником. объездил пол-Украины. На шоссе самое трудное – это ехать в группе.

1 января 2004 г.

<...> В общем, я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно, – мой скромный девиз...

10 января 2004 г.

<...> Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чьей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других людей. Но это в воображении так можно развести. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процес-

се (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма – индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX–XX веков. Манера науки – вычленивать общее так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти.

11 января 2004 г.

В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пустое, либо чисто статусное светское раз в год мероприятие. Но я был в высоколбой среде. <...> Я тут как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культуре, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы – те могут еще что-то искать. А все остальное – это наносное, как ветер.

25 января 2004 г.

...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, – я заглянул на сайт выпускников школ – на самом деле самодельный форум – Днепрпетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

16 мая 2004 г.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

30 мая 2004 г.

Мое любимое – даосизм, ранний, поздний – напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы. И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16–17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный!..

8 июня 2004 г.

...Что касается “Анны Карениной”, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. <...> До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам. В “Карениной” потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать....

12 марта 2004 г.

Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотекарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала *Sky and Telescope*, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг. (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптике-любители сделали все – проекты, технологию, первые линии штучного, а затем массового производства. <...> Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой – старой промзоной и США – еще прериями. Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заводе. И посадили в лужу королей часового дела – швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла – англичан. То есть я хочу сказать, что в Америке это была надындивидуальная культурная модель или семейство моделей.

22 сентября 2004 г.

Про праздники – ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это – одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других), что все

теории-схемы-идеологии модернизации всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. <...> Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

26 сентября 2004 г.

Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности – от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично – требует огромной социотехнической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же – выдающийся пример эксплуатации государством военной темы – гигантская машина пропаганды во главе – сверху до низовых организаций – в том числе и по фабрикациям соответствующих текстов. <...> Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...> В культуре (а написание – это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэллэпом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

6 декабря 2004 г.

Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в библиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум вроде.

Привет, В.

Это было последнее письмо, написанное мне Голофастом. Но мой мысленный диалог с ним продолжается.

* * *

Я познакомился с Голофастом году в 1973 или 1974, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах ака-

демической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приводимого ниже фрагмента его письма от 11 июля 2003 года я узнал, что в юности Валерий писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым, лишь после него я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Все произошло случайно: я спросил Валерия, не знал ли он, обучаясь на филологическом

факультете, Сергея Довлатова, и в ответном письме среди прочего прочел: “На филфаке я учился в 1960–65. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам – меня завалили по языку – а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы”.

Может быть, именно эту смену своих жизненных планов, а также состоявшийся уход из технического вуза и начало обучения на филфаке и имел в виду Голофаст, когда за месяц до смерти писал мне: “Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол и уйти

Эрудиция Голофаста, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сблизят его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали “любовь к размышлениям”

совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так делал. Правда, в другом возрасте. Я без пессимизма, учти” (17 ноября 2004 г.).

Ленинград второй половины 1950-х – 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, велась активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, куда входили молодые прозаики и поэты близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин и Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени определивших общий уровень советской поэзии, культуры в целом.

Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и назвал сайт, на котором опубликованы его воспоминания о Валерии и несколько стихотворений Голофаства. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя

одного из типов социологов третьего поколения: “...Стихи, с которыми он пришел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность – то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаства не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. <...> Голофаства я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания – у меня

осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..” [Голофаств. 2006-б].

* * *

О том периоде, когда Голофаств начинал писать стихи, вспоминают друзья его юности. Вот слова его брата: “Стихи начал писать в старших классах, начинал с переводов Шевченко на русский язык. Ходил в литературную студию во Дворце студентов <...>. Под влиянием руководителя студии Валерий отослал стихи на творческий экзамен в Литературный институт имени Горького”.

Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но, возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным

Константин Кузьминский – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. В 1960-х его комната во флигеле во дворе между Красной улицей и бульваром

Профсоюзов была местом литературных чтений, вечеров, выставок живописи и фоторабот, печати самиздата. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, под влиянием которого

в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [Кузьминский; Долинин. 2003].

Раннее обращение Голофаства к поэзии рассматривается его братом и друзьями по литературной студии как отдельный, самостоятельный факт его и их далекого общего прошлого. Мне же представляется, что в этом – ядро, суть понимания многого в его жизни. Для Голофаства – сначала было слово.

Рано возникло у Валерия Голофаства и критическое отношение к окружавшему его социальному устройству. В интервью Дмитрию Шалину (апрель 1990 года) он говорил: “Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий <произошла> где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно <все>. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. То есть для меня никогда не было проблемы и, следовательно, для меня всегда существовал мир общественных правил игры и внутренний мир моего восприятия, моей оценки, который всегда был дистанцирован. Я мог принимать или не принимать политические конвенции, но это не имело значения. В общем, для меня <этот процесс> в моей биографии начался очень рано... Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал <...>, я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир” [Шалин. 2008].

* * *

Мое изучение биографий представителей первых двух поколений советских / российских социологов позволяет заметить, что выбор ими специальности и начало социологической деятельности были прежде всего связаны с их стремлением к познанию и усовершенствованию общества, социальных отношений. Социологи третьего поколения были менее идеологически, граждански “заряжены”, и многие из них пришли в социологию, имея базовую специаль-

Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е годы в социологии всем было сложно публиковаться, но “отягощенному” поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим

ность, далекую от изучения социума. Есть группа ученых, которые пришли в социологию из журналистики, сменив профессию в силу возникшего у них стремления к более глубокому, теоретически фундаментальному пониманию той социальной реальности, которую они анализировали в прессе.

Движение в социологию Голофаства схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, – филология – философия – социология. При чем социология, не “господствовавшая” в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В. Ядовым: “Валерий

Голофаств вошел в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неопределимое значение в сообществе «жестких позитивистов» [Ядов]. Отсутствие устремленности Голофаства к быстрой публикации результатов его исследований Ядов связывал со спецификой “понимающей” социологии и индивидуальными особенностями Валерия. С этим можно согласиться. Действительно, приверженность Голофаства к “понимающей” социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной “сайгонской” культуре, с одной стороны, делали невозможным для него принятие доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой – препятствовали принятию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что – нельзя. Став социологом, Голофаств одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е годы в социологии всем было сложно публиковаться, но “отягощенному” поэтическим опытом Голофаству это было сложнее, чем другим.

* * *

Здесь я должен сделать одно отступление “регионального” характера и пояснить значение использованного выше термина – “сайгонская” культура.

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролировавшихся идеологическими организациями и органами правопорядка. Одним из таких очагов андеграундной культуры было кафе, расположенное в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана “Москва”, но все, знавшие это место, называли его “Сайгоном”. В настоящее время признается, что “Сайгон” и еще несколько небольших кафе были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К “сайгонавтам” относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа “митьков”, Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

“Сайгон” открылся осенью 1964 года, и на протяжении последующих почти двух десятилетий оставался для молодежи центром инакомыслия.

Атмосфера “Сайгона” была близка и ряду ленинградских социологов следующего поколения, которые в 1970-х встречали там хотя и иных людей, но такое же резкое отторжение императивов и норм советского общества. По мнению Бориса Гребенщикова (писавшего о себе: “Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...”), “наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров” [Гребенщиков]. Среди активистов этой группы он называет Елену Здравомыслову, плодотворно и многосторонне работающую сейчас в социологии. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы “Сайгона” и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством общения ленинградских маргиналов, системным протестом против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. “Люди «Сайгона», – пишет она, – создавали для себя гражданское общество. Они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует” [Здравомыслова].

* * *

Философия – это любовь к мудрости, филология – любовь к слову, но поскольку слово и есть мысль, легко понять, что эти науки находятся

Приведу несколько реми-нисценций о “сайгонской” атмосфере – людей, которые знали ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: “Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место,

но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» – салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас – «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив – на расстоянии Литейного – официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы» [Пономарев. 2004].

Виктор Кривулин: “В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его – так было удобнее. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком – и вспоминаю его лицо – он у меня на обыске был...” [Невский до и после...].

Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно инициируют со-творчество, со-размышления читателя

в постоянном взаимодействии, в некоторых случаях – в прямом соприкосновении. Так, согласно М. Гаспарову, история философии – глубоко филологическая дисциплина [Гаспаров. 2001].

Стремление к абстрактному, научному анализу природы этого диалога способно приносить человеку радость, но постоянное ощущение и переживание конфликта между этими науками во многом драматично. В отличие от многих других социологов, задумывающихся лишь о том, что сказать о социуме, Голофаст в равной мере был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. Когда я сказал ему, что объем написанных мною сюжетов по истории американской рекламы и изучению общест-

венного мнения перевалил за миллион знаков, он ответил – “пиши романы” и затем: “А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии” (1 ноября 2004 г.). Мой ответ был: “Боюсь, что этот текст не сможет остаться маленьким.<...> Знаешь, как вода, пока мелко – трудно плыть, а на глубине вода держит... такой кайф... если море теплое... это я к тому, что пиши и высылай, я буду читать”.

Сейчас, перечитывая последние короткие статьи Голофаста [Голофаст. 2006-а], я начинаю понимать, что именно к этому жанру он шел, пробивался, ибо только в нем он в принципе мог в полной мере выразить себя. Что означает “тянет на афоризмы”? По большому счету, это указывает на то, что Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно инициируют со-творчество, со-размышления читателя. Зачем ему нужна была такая форма? Потому что о многом хотелось сказать, хотя бы обозначить, наметить. То не была некая универсалия, вокруг которой все другое естественным образом группировалось бы, располагалось, – то были суждения о многом, своего рода итоги тех циклов разговоров, начинавшихся с вводной “меня интересует”. Дмитрий Шалин, процитировав в своем эссе слова Голофаста о том, что его тянет на афоризмы, заметил: “По Тынянову, фрагмент и афоризм – жанр, наиболее созвучный романтической школе. В Валерии никогда не умирал поэт-романтик, хотя его воображение опосредовано философской рефлексией” [Шалин. 2008].

* * *

На мой рассказ о поиске фактов для моих исторических обобщений и новых гипотез Голофаст отреагировал следующей репликой (10 января 2004 г.): “Ты как ищейка, идущая по следу. Go, go, go...” Работая над этим текстом, мне тоже хотелось “поохотиться” и найти что-либо, позволяющее глубже понять истоки, мотивы работы Голофаста.

О. Божков в своих комментариях обращает внимание на датированные 1960 годом дневни-

ковые записи Голофаства, посвященные Леониду Борисову: «Маленький, сухонький, совершенно седой старичок с неожиданно громким, хотя и старческим уже голосом. Очень энергичный и горячий. Один из последних наших романтиков». Борисов говорил о Паустовском, Ахматовой, Блоке, Скрябине, Эренбурге» [Божков].

Знакомство с биографиями ученых и писателей позволяет утверждать, что в их памяти годами, десятилетиями хранятся факты и наблюдения, интуитивно селектируемые и откладываемые в кладовые сознания. Через много лет каким-то непонятным образом все всплывает, осмысливается заново и вплетается в их творческую жизнь, нередко определяя ее наиболее существенные грани. Возможно, еще в 1960-е годы биографические романы, повести и эссе Борисова чем-то заинтересовали Голофаства, видевшего себя литератором. Но, отказавшись от планов профессионально заняться литературой, он отошел от биографической тематики.

Прошло два десятилетия, и изучение биографий стало для Голофаства одним из доминирующих направлений его социологических исследований. Было бы хорошо, если бы его коллеги, продолжающие эту работу, вспомнили обстоятельства рождения биографического проекта и назвали факторы, определившие его развитие. Однако в любом случае это будут внешние, «проговаривавшиеся» моменты; мне же представляется, что один из интимных, не манифестировавшихся Голофаством мотивов разработки этой

тематики мог лежать в глубинах его сознания с далеких «досоциологических» времен как отклик на книги Борисова. Таким образом, ранний литературный опыт стал не только основой приверженности Голофаства к феноменологической социологии, но нашел отражение и в его биографических исследованиях.

В связи с обсуждением моей работы над биографией Арчибальда Кроссли (одного из «отцов-основателей» опросов общественного мнения в США) и намерением привести в ней письма его дочери, Голофаств заметил: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост-модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» (23 января 2004 г.). Не обратив внимания на два «пост», я сразу ответил: «Да, буду постмодернистом...» И здесь же – от Валерия: «...Пост – это уже давно не ново» (23 января 2004 г.).

Помня о совете Голофаства быть постпостмодернистом, я обозначаю один сюжет, связывающий траектории развития литературы и социологии в СССР, о котором – вполне возможно – размышлял Голофаств, интересовавшийся историей. Речь пойдет об академике Георгии Федоровиче Александрове (1908–1961), с деятельностью которого иногда связывают (а при определенном развитии событий в стране могут связать крепче) становление советской постхрущевской социологии. Голофаств мог впервые услышать эту фамилию в разговорах с Борисовым.

Леонид Ильич Борисов (1897–1973) пережил многое. Было время, когда его не публиковали и приходилось зарабатывать на жизнь литературной поденщиной, но все же его миновали аресты и лагеря. Начинать он как поэт в 1916 году, сразу после окончания гимназии. Его первый роман «Ход конем» (1927 год) был высоко оценен Горьким [Борисов...]. В докладной записке о деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», послужившей поводом к их разгрому

в 1946 году, отмечалось: «На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (№ 4, 5–6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии»

[Докладная записка...]. Сам Борисов считал, что туча над его головой прошла мимо, так как его защитил Сталин, которому – «как кавказцу» (слова Борисова) – эта повесть понравилась [Давыдов. 2003]. В коротких справках о творчестве Борисова отмечается, что начиная с 1940-х годов он много работал в области биографической прозы и писал преимущественно о жизни русских и зарубежных писателей и композиторов (А. Грин, Ж. Верн, Р. Стивенсон, С. Рахманинов и др.).

Г. Александров, будучи многие годы начальником

Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), был одним из инициаторов – или активных участников – разгрома журналов “Звезда” и “Ленинград”, состоявшегося в 1946 году и надолго определившего особенности развития ленинградской (и советской) литературы. В 1949 году, когда он руководил Институтом философии АН СССР и принимал деятельное участие в борьбе с “безродными космополитами”, в центре его внимания были философия и наука в целом. Парадокс эпохи заключался в том, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом напрямую коснулась и самого Александра. Его книга “История западноевропейской философии” (1946) была подвергнута, говоря словами того времени, критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, отсутствие должного напора в критике философских противников. С приходом к власти Н. Хрущева Александров в силу разных обстоятельств был снят с ряда высоких государственных постов, отстранен от исполнения обязанностей депутата Верховного Совета и “отправлен в ссылку” – руководить сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белоруссии.

В 1955 году Александров начал читать в Белгосуниверситете

спецкурс “История социологических учений”, а в 1958 в Минске вышла его книга “История социологии как науки” – это была стенограмма его лекций. Через год он опубликовал еще две работы: “Очерк истории социальных идей в древней Индии” и “История социологических учений: Древний Восток”.

В каталоге Российской национальной библиотеки отражена и более ранняя публикация Г. Александрова (1948 год), имеющая отношение к социологии: это стенограмма его публичного выступления “Банкротство буржуазной социологии” в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве [Александров. 1948].

Сюжет с деятельностью Г. Александрова является продолжением обсуждения с Валерием некоторых аспектов развития современной советской социологии, которое, по сути, происходило на наших глазах. Тогда он написал (9 декабря 2003 г.): “Собственно, меня самого интересует, кто первый сказал “Да” и где: среди философов, в ЦК и пр.” Очевидно, что рассмотрение вопроса о генезисе постхрущевской социологии требует прочтения и оценки многого, что дискутировалось в советской литературе и отражено в ряде официальных документов по поводу места социологии в системе советского обществоведения и роли тех или иных ученых в становлении

этой науки. Более десяти лет назад Г. Батыгин и И. Девятко писали, что к 1956 году в Советском Союзе было по крайней мере два человека, активно работавших в области социологии [Батыгин, Девятко. 1994]. Первым назывался Г. Александров, вторым – Марк Петрович Баскин (1899–1964). В действительности здесь не все однозначно, и предстоит понять, создавали ли указанные книги Александрова предпосылки для начала теоретико-эмпирических исследований общества в СССР или то были работы в области идеологии или социальной философии. Во всяком случае, мне не припоминаются ссылки на указанные выше публикации Александрова в пионерных работах советских социологов первых поколений; не цитируются его книги и в “Лекциях по социологии” Ю. Левады.

Мои обсуждения с А. Здравомысловым и В. Шляпентохом позволяют предположить, что труды Г. Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил И. Кон, недавно написавший мне: “...Никакого интеллектуального содержания в его [Александрова] книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал” [Электронное письмо Кона].

Дважды Голофасту пришлось пережить серьезные неприятности в связи с жесткой идеологической критикой его работ. Первый раз – когда руководством Института социально-экономических проблем АН СССР была приостановлена – уже на этапе вычитки корректуры – его с соавторами работа над книгой “Семья в крупном горо-

де” [Божков, Протасенко. 2005; Докторов. 2005]. Второй – когда профессор Б. Парыгин необоснованно раскритиковал его материалы, подготовленные для книги трудов одного из советско-венгерских семинаров в Ленинграде. Итог был тем же: сборник не увидел света. Сегодня я думаю, что во всем этом Голофаст мог видеть элементы борь-

бы с космополитизмом, что, безусловно, обсуждалось в “сайгонской” среде. Ведь в основном предъявлявшиеся ему обвинения сводились к низкому идейно-теоретическому уровню, недооценке своеобразия развития советского общества, к увлечению западными концепциями.

Подытоживая воспоминания о Голофасте как начинавшем поэте, Кузьминский писал: “...Но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит – за многих...” [Голофаст. 2006-б]. К сожалению, эти слова относятся и к тому, что происходило в жизни Голофаста-социолога.

* * *

В настоящем очерке были намечены общие методологические подходы к изучению биографий и сопряжению биографического с историческим, о которых многие годы размышлял Голофаст и которые мы пытались обсуждать с ним в нашей переписке “сразу обо всем”. Наша электронная беседа прервалась более трех лет назад, когда я только приступал к обобщению материалов по истории становления исследований общественного мнения в США [Докторов. 2006] и когда были закончены первые биографические интервью с российскими социологами. Я не могу сказать, что в моей последующей работе я пользовался какими-либо специальными, профессиональными советами Валерия; кто помнит его, понимает, что он таких советов и не давал. Но мне ясно и то, что многое в моем видении природы историко-научоведческих поисков, в которых изучение биографий творческих людей является центральным элементом и цементирующим составом, навеяно реальным и мысленным диалогом с Голофастом.

На следующий день после смерти Геннадия Батыгина Валерий написал: “В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... <...> Только два дня назад я прочел 4-й номер за прошлый год, который Гена прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение – вокруг много незнакомых людей” (2 июня 2003 г.).

“Не может быть!” – говорил и я себе, когда получил от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Написанный мною некролог завершался словами: “Я посмотрел мои публикации по-

следних лет... чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо, Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит, и все остальное будет серее...” [Докторов. 2004]. Так оно и оказалось... ■

Литература

- Александров Г.Ф.* Банкротство буржуазной социологии / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1948.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы): Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
- Божков О.* Эскиз портрета друга <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memoriain/golofast_bozhkov.html>
- Божков О., Протасенко Т.* “Гляжу в себя как в зеркало эпохи” // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 2–13.
- Божков О.Б.* Разнообразие интеллектуальной биографии // Право на имя. Биография вне шаблона. СПб.: НИПЦ “Мемориал”, 2006. С. 146–156.
- Борисов Леонид Ильич* <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>
- Гаспаров М.Л.* Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–102. <<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-pseudo.php>>
- Голофаст В.* Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
- Голофаст В.* У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5-А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-blue-lagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>
- Голофаст В.Б.* Проблемы изменения семьи в современной американской социологии. (Критический анализ). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: АН СССР; Институт философии, 1972.
- Гребенищikov Б.* Сайгон <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>

- Давыдов А.* Писатель Леонид Борисов // Нева. 2003. № 11 <<http://magazines.russ.ru/neva/2003/11/davydov.html>>
- Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”. 7 августа 1946 г. <http://www.sovlit.ru/articles/zapiska_zhdanovu_1946.html>
- Докторов Б., Ядов В.* Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. (В печати).
- Докторов Б.* Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indiv2.htm>
- Докторов Б.* Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>>
- Докторов Б.* Как это было-2. Анатомия закрытия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 14–16.
- Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
- Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru/country/2003/07/25/621950.htm>>
- Здравомылова Е.* Кафе “Сайгон” как общественное место. <http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf>
- Константин Кузьминский:* Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm>
- “Мы формировались во времена отрицания” (Интервью М. Тарусина Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0707-055-079.pdf>>
- Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>
- Проект “Международная биографическая инициатива” <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
- Пономарев И.* Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999.
- “Советские социологи лучше американцев в организации опросов” (Интервью В. Шляпентоха Б. Докторову) // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 67–81 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0612-067-077.pdf>>
- “Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...” (Интервью Е. Петренко Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 79–95 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0702-079-095.pdf>>
- Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
- Травин И.И.* “В социологию я пришел совершенно сознательно” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 9 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203611700419046file.pdf>
- “У нас был “генетический” иммунитет недоверия к любым формам власти” (Интервью Франца Шереги Борису Докторову) // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 65–83 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0709-065-083.pdf>>
- Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
- Шалин Д.Н.* Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html>
- Электронное письмо Г.Б. Голофаста Б.З. Докторову от 10 января 2008 г.
- Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 3 марта 2008 г.
- Ядов В.А.* Валерий не скупился на разбрасывание идей <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>

Извещение о проведении конкурса

АНО «Институт общественного проектирования» в соответствии с Распоряжением президента Российской Федерации №192-рп от 14.04.2008 года объявляет открытый конкурс проектов некоммерческих неправительственных организаций (ННО), имеющих социальное значение, в сфере проведения социологических исследований и мониторинга состояния гражданского общества «Проблемы развития современного российского общества» (далее – конкурс).

К участию в конкурсе приглашаются ННО, отвечающие следующим требованиям:

- срок государственной регистрации ННО в качестве юридического лица к дате окончания приема заявок должен быть не менее одного календарного года;
- ННО не должны находиться в процессе ликвидации или реорганизации;
- ННО должны реально осуществлять социально значимую деятельность.

К участию в конкурсе допускаются имеющие социальное значение проекты по проведению конкретных научных исследований в области социологии и мониторинга состояния гражданского общества. Подробнее с тематикой конкурса можно ознакомиться на сайте Института (www.inop.ru).

Для участия в конкурсе необходимо предоставить заявку (форма заявки размещена на сайтах Института и Общественной палаты Российской Федерации) с приложением следующих заверенных печатью организации-претендента документов:

- копия свидетельства о внесении записи в Единый государственный реестр юридических лиц;
- копия устава и учредительного договора, а также всех изменений и дополнений к ним.

Заявки на участие в конкурсе принимаются по адресу:

127018 г. Москва, ул. Суцевский Вал, д. 9, стр. 1, Институт общественного проектирования.

Контактный телефон: (495) 788-41-26.

Прием заявок осуществляется со 2 июня 2008 года в рабочие дни с 12.00 до 17.00.

Заявка подается на русском языке в печатном и в электронном видах (на дискете или CD-диске). Листы не должны быть сброшюрованы. Страницы должны быть пронумерованы. Каждый лист заявки подписывается руководителем организации-претендента и заверяется ее печатью.

В случае направления заявки по почте необходимо учесть следующее:

- рассматриваются заявки, отправленные заказным письмом с уведомлением о вручении и описью вложенных документов, содержащих наименование всех прилагаемых документов;
- заявки принимаются к рассмотрению по фактической дате их получения (по дате, указанной в соответствующем уведомлении о вручении).

В случае подачи заявки по адресу их приема заявка и опись приложенных документов должны быть в двух экземплярах, на каждом из которых делается отметка о принятии с указанием номера заявки, даты и времени принятия. При этом один экземпляр описи и заявки остается у претендента.

Также желательно отправлять заявку и максимально полный комплект прилагаемых к ней документов по электронной почте: inop@inop.ru.

Заявки, поступившие после 17 часов 30 сентября 2008 года, а также некомплектные заявки не допускаются к участию в конкурсе.

Внимание! Организаторы конкурса не вступают в переписку с претендентами, заявки которых были отклонены (за исключением уведомления о некомплектности заявки).

Поданные на конкурс материалы не возвращаются.

Итоги конкурса будут подведены 31 октября 2008 года.

Информация о конкурсе также доступна на сайте Общественной палаты Российской Федерации www.oprf.ru.

Представляем проект ФОМа “Поколение-XXI”

“Поколение-XXI” – это исследование современных детей, подростков и молодежи, “поколения стабильности”, которое не похоже на своих предшественников. Относительное ощущение спокойствия и уверенности, которое дает стабилизация экономики и институционализация правил рыночной и политической игры, во многом определяет цели, притязания и стиль жизни детей и молодежи.

Сегодняшняя молодежь трезво оценивает имеющиеся у нее возможности и ставит перед собой довольно реальные цели. Представители “поколения стабильности” ориентированы на материальное благополучие, но для них важно не столько богатство как таковое, сколько профессия и хорошая работа. Успех и благополучие рассматриваются скорее как результат планомерной, трудоемкой работы, нежели как случайность или везение.

Исследования детей и молодежи Фонд “Общественное мнение” проводит уже несколько лет. Помимо периодических опросов общественного мнения, касающихся проблем детей, подростков и молодежи, в 2002 году Фонд провел специальный опрос, охвативший российскую молодежь в возрасте от 14 до 30 лет.

Исследователей Фонда “Общественное мнение” в первую очередь интересуют:

- характер изменений сознания и поведения нового поколения;
- сами “новые дети” и “новая молодежь” в разных социальных группах и обстоятельствах;
- преимущества и проблемы нового поколения.

Основные направления исследований

Новые дети в новом обществе

Исследование позволяет получить уникальные социологические сведения о детях, поскольку детство чаще выступает объектом академических и маркетинговых исследований. Ведущие социологические центры самих детей почти не изучают.

Социологическое исследование мира “новых детей”

- образы детского сознания, детские размышления о жизни
- современные детские игры и занятия
- потребительские предпочтения детей
- зрительские предпочтения, любимые герои детей
- компьютерные навыки и интернет-предпочтения

Социологическое изучение мира родителей

- родительские представления о современных детях
- обыденные теории воспитания
- потребительские предпочтения в сфере покупок для детей

Изучение мнений экспертов

- феномен “новых детей”
- первоочередные направления государственной политики в сфере детства

Жизненные стили молодежи

Изучение различных молодежных сообществ

- студенчества
- активистов молодежных движений
- интернет-сообществ и др.

Создание типологии жизненных стилей

На основе применяемых в ФОМе уникальных методик углубленного анализа данных возможно построение самых разнообразных типологий жизненных стилей молодежи. При построении типов комплексно рассматриваются различные параметры, которые часто не учитываются традиционными маркетинговыми сегментациями

- жизненные цели, представления об успехе
- образовательные стратегии
- предпочтения в сфере труда
- ориентация на карьеру
- должностные притязания

- имеющиеся ресурсы и возможности
- риски ради достижения жизненных целей
- доминирующие ценности
- способы проведения свободного времени
- освоение современных практик: владение компьютером, пользование Интернетом, вождение автомобиля, пользование услугами косметических салонов, домработниц и т. п.
- интерес к политике
- семейные стратегии
- различные социально-психологические качества и др.

Одаренность в России

Направление позволяет получить сведения об обыденных и экспертных представлениях об одаренности, выявить проблемы, с которыми сталкиваются одаренные люди и их близкие. Изучая одаренность, ФОМ работает в тесном контакте с Общественной палатой РФ, психологами, педагогами.

Исследовательские технологии и методики

Традиционные методики

- общероссийский опрос
- экспертный опрос
- лонгитюд (длительное изучение одного объекта)

Инновационные методики

- общероссийский опрос детей с 12 лет
- фокус-группы с участием детей
- онлайн-фокус-группы (в интернет-блогах)
- социально-антропологические экспедиции, включенное наблюдение, фотонаблюдение
- методы визуальной социологии (рисунки, коллажи)
- углубленный анализ данных и создание типологий

Аудитория проекта – это органы государственной власти, общественно-политические организации, образовательные структуры, коммерческие корпорации, СМИ.

Основные события проекта

В декабре 2007 года по заказу Общественной палаты проведено исследование “Одаренность в России: от феноменов к государственной политике”.

В данный момент Фонд “Общественное мнение” и Фонд социальных и маркетинговых исследований (Калининград) проводят исследование “Поколение-XXI: структура

и “среды” достижительных стратегий”. Проект поддержан Фондом подготовки кадрового резерва “Государственный клуб” в соответствии с распоряжением президента РФ № 367–РП от 30 июня 2007 года о государственной поддержке некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии гражданского общества. Сравнение с данными опроса молодежи, проведенного Фондом “Общественное мнение” в 2002 году, показывает динамику целей молодых людей и, в частности, снижение уровня их притязаний.

По результатам общероссийского опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение” среди молодежи в возрасте от 16 до 25 лет, удалось выявить типы достижительных стратегий. Типология была сконструирована с использованием методов многомерного анализа (автор методики – ведущий аналитик Фонда “Общественное мнение” Ефим Галицкий).

С 22 по 23 мая 2008 года в Москве в отеле “Холидей Инн Сущевский” состоится II Независимая конференция по молодежному маркетингу “Поколение других. What’s next?” Фонд “Общественное мнение” на конференции будут представлять Лариса Паутова и Екатерина Шумакова, которые выступят с докладом “Контрреволюция притязаний: от чрезмерных амбиций – к прагматизму”.

В мае – октябре в еженедельных опросах общественного мнения будут размещены вопросы на тему “Молодежные организации и движения”, “Летний отдых детей”, “Любимые игрушки”, “Вундеркинды”.

Контакты

Лариса Паутова – директор проекта

тел.: +7(495)745-87-65,
доб. 2221

e-mail: pautova@fom.ru,
pautoval@yandex.ru

Адрес страницы проекта в Интернете:
<http://www.fom.ru/projects/3028.html>

WAGTIEPCKVAR

И. Климов

Размышления о полевом шоке

Идея текста появилась из желания описать необычную для меня ситуацию. Предыстория такая. Я уже продолжительное время работаю в исследовательской организации, довольно успешно и ответственно занимающейся массовыми опросами. Будучи человеком со вполне сформировавшейся и освоенной идентичностью “исследователя”, “профессионала” и “неплохого социолога”, я вдруг оказался перед суровой необходимостью провести исследование в жанре социально-антропологической экспедиции. То есть я должен был “выйти в поле” и встретиться лицом к лицу с теми, кого прежде наблюдал в прицел SPSS и видел лишь в линейках частотных распределений.

Не могу сказать, что прежде я ни разу ничего подобного не делал. Были и экспертные интервью, и походы на завод, маршрутные и уличные опросы. Но тогда, видимо, я еще не был поглощен своей профессиональной идентичностью и не боялся сделать “неправильно”. А точнее – вообще об этом не думал. Просто мне сказали: нужно делать примерно так – ну я и делал. Мой подход можно было бы назвать “методологией события”: сделано – “+”, не сделано – “-”. Других вопросов – насколько это грамотно, методически корректно, элегантно и ремесленно красиво – просто не было в моей голове.

А сейчас я оказался между Сциллой собственной идентичности и Харибдой необходимости сделать дело, которым прежде не занимался и к которому был психологически и профессионально не готов. Соответственно главный мучивший меня вопрос был – что делать и как это будет? Я откровенно нервничал, голова была забита множеством проблем: я ничего не понимаю в теме исследования, что бы такое выбрать в качестве предмета, как избежать наивного социологизма, с кем ехать, какова моя теоретическая рамка, что мне ближе в плане методологии – социальная антропология или этнометодология, чем в итоге моя работа будет отличаться от работы журналиста и т. д. Но в конце концов я неожиданно понял, что же лежит в основе одолевавших меня переживаний: я не знал, каким будет мой “вход в поле”.

О проблеме “входа в поле” написано довольно много и дельно. От прочтения этих текстов возникает сильное впечатление: какие знающие и опытные люди это писали! Однако учебно-академический жанр работ практически не приближает к пониманию того, что же делать лично мне в моей ситуации. Не думаю, что и я смогу сделать полезный кому-либо текст, содержащий практические рекомендации, подсказки и советы. Могу предложить лишь прием – отчасти терапевти-

Текст подготовлен в рамках образовательной программы Центра социологического образования Института социологии РАН “Качественные методы в социологическом исследовании-2008”.

ческий, отчасти технологичный, но в любом случае – приемлемый в качестве совета уходящему в поле исследователю. Этот прием – рефлексия собственного шока. В этнометодологии самонаблюдение определяется в качестве базового методологического приема: “кризисные эксперименты” Г. Гарфинкеля как раз и были направлены на актуализацию самонаблюдения в качестве первого этапа исследования, выполняемого в жанре этнометодологии. Идея простая – вовлечение собственной личности в исследование возможно только через проблематизацию своих реакций в ходе исследования, а это, в свою очередь, позволяет посмотреть “со стороны” на явление, изначально найденное в себе самом [Сафонова. 2005. С. 25–27]. “Положение, что социолог сам принадлежит к социальному миру, не означает... отрицания объективности социологического знания. Оно подразумевает учет тех связей, которые он поддерживает со своим объектом, и рассмотрение этих связей в качестве социального отношения, позволяющего выявить некоторые параметры исследуемого объекта. Поскольку социолог сам определен через характеристики его профессионального положения, его социальной траектории, и поскольку он более-менее приближен к своему объекту, то из этого вытекает, что всякий анализ объекта содержит в себе возможность самоанализа, который похож скорее не на самонаблюдение, а на доказательный анализ социальных препятствий социологическому знанию” [Пэнто. 2001. С. 74–75]. Так реализуется важный элемент методологии – разрушение предзаданных обыденным опытом представлений и анализ *происхождения* этих представлений [Бикбов. 2001. С. 301].

Применительно к моему случаю логика приема понятна: проблематизация собственных реак-

ций приводит исследователя к проблематизации своей ситуации, в которой приходится планировать или же вести полевую работу. А через это возможен выход на формулировку, уточнение или переопределение проблематики своего исследования. Показательный пример описан у Б. Маерхоф, проводившей исследование в еврейском центре для престарелых. Начало ее полевой работы оказалось связано с появлением острого чувства вины, которое принимало разные формы и отливало во множество вопросов, беспокоивших ее и как профессионала, и как обычного человека. В какой-то момент исследователь оказалась готовой бросить работу.

Однако, прорвавшись сквозь плотный слой переживаний, Маерхоф поняла, что стала свидетелем и участником тех способов использования и стратегий конструирования чувства вины, к которым прибегали обитатели Центра, и это стало одной из тем ее исследования (воспроизводится по: [Девятко. 2003. С. 39]).

Итак, предмет моей работы – обсуждение проблемы “входа в поле”. Но здесь я руководствуюсь не практико-прикладной точкой зрения – “делай раз, делай два”, а задаю себе несколько странную, отдающую походом к психоаналитику, установку:

рефлексия моих переживаний, связанных с выходом в поле, – суть мой исследовательский прием в арсенале иных методов.

Для начала...

Для начала я разыскал блокнот, на разных страницах которого записывал приходившие мне в голову идеи, вопросы, темы, которые хотел обсудить с коллегами, и выписал почти все эти свои заметки (которые смог разобрать). Потом по памяти дополнил их еще несколькими темами, которые, как я помню, тогда присутствовали у меня в голове. Получилась вот такая картина:

Что почитать
 Моя компетентность в строительстве. Надуют
 Пустая голова – напряженная
 Роли в исследовательской группе, в паре
 Персонасфера. С кем буду иметь дело
 Моя роль в поле С кем ехать?
 Я влияю на поле, а имя моей организации
 А поле на меня?
 Зачем им все это
 Кто я для них? К нам едет ревизор... Очарованность объектом по Могильнер
 Анонимность и конфиденциальность
 Архивация данных
 Во мне видят меня-исследователя, или “прокремлевскую контору”?
 Установка контактов
 Мужской и женский вход → МОСКВИЧ
 Кого взять с собой?
 Знаю ли, что буду делать и будет ли это так
 На каком из объектов сфокусироваться или охватить все
 Легитимация входа
 Если описывать социальные механизмы, описывать ли
 Кумулятивная тема – новая тема роль моего начальника?
 Исследователь как инструмент и как техника
 Исходный статус и рекомендация
 Какая теоретическая рамка? Могу ли позаниматься одной темой стоять в экспедицию по другой?
 Готовность объекта исследования к исследованию
 Доверяют или не доверяют?
 Могу ли приехать без разрешения и нужно ли вообще спрашивать
 Выбор ситуации наблюдения.
 Мой язык и их
 Своя роль – чужая роль. Актерство
 Попечительство в поле хорошо или плохо

И затем я начал с этим разбираться.

Какова природа барьеров

— ...Черт побери, я их боюсь, я не знаю с какой стороны надевать на эту корову седло! – басовито и отчаянно жестикулируя, говорит Олег, которому через две недели предстоит поездка к фермерам и колхозникам в Краснодарском крае. Он сидел боком на стуле, время от времени дергал себя за бороду и говорил о том, что хоть он и вырос в Краснодаре, но сельское хозяйство во всех видах прошло мимо него. И вот теперь – куры, телята, поросята, фермеры... Какие там с ними могут быть проблемы? Что такое себе думают? Что изучать и как они к этому относятся? Да хоть на каком языке они говорят? Вот! – Олег задумчиво глядел на микрофон, стоявший на столе для фокус-группы. – Я не знаю, как с ними разговаривать, не знаю их языка и не знаю, смогу ли я, не поддельваясь под них, говорить. Наверное, я поеду туда на неделю пораньше, зайду в наш Институт агробизнеса, типа повышения квалификации нашенинским фермерам, соберу, ну, фокус-группу что ли...

Всегда ли перед выходом в поле возникают опасения и страхи? Наверное, нет. Но если напряженные все-таки существуют, это означает, что есть какие-то “барьеры входа”, и они требуют проявления. Психотерапию здесь следует оставить в стороне, нужно вспомнить основной вопрос этнометодологии: “Что происходит на самом деле?” Какая реальность скрывается за тем, что я наблюдаю здесь-и-сейчас? Ответ прост – это реальность моей исследовательской ситуации. Наличие когнитивных затруднений означает, что что-то в моем проекте исследования недодумано, непрояснено, что мне не хватает какого-то когнитивного ресурса для начала исследовательского действия, что проблему исследования я определил лишь формально, а сущностно она от меня все-таки ускользает, и т. д.

Мои переживания накануне поля – это часть моей исследовательской ситуации, и за ними скрывается нормальная, не психоаналитическая реальность – содержательные трудности моего исследовательского намерения.

Театр одного актера

Содержательные и программные недоработки – по-видимому, это естественная ситуация на этапе “до поля”. Начиная исследование, приходится одновременно решать множество задач – организационных, содержательных, теоретических, в том числе – поиск контактов, поиск “проводника”. И вот здесь приходится объяснять своему визави, чего же ты хочешь от него и от других, при том что пока ты сам не очень-то это знаешь. В этом кроется одно из ключевых обстоятельств “предполевого шока”: я опасаясь за свой имидж, за свою “сценически-полевую” роль, за то, как я сам ее конструирую и как для себя ее конструируют мои потенциальные собеседники-проводники-информанты, за непредсказуемые последствия от такого конструирования, которые в будущем могут осложнить или же сорвать и поле, и само исследование. Какими могут быть исследовательские роли? Турист, путешественник, посредник, ученый... Я понял две вещи: моя роль неразрывно связана с мотивацией тех людей, к которым я еду. И моей ролью, сфор-

мировавшейся в отношениях с gate-keeper – “проводником”¹.

Мне предстояло работать среди бизнесменов-строителей, и меня много чего волновало: я не хочу показаться совсем уж некомпетентным в строительстве, я не хочу, чтобы меня воспринимали в качестве “инфантильного интеллектуала”, или “московского сноба”, или – что еще хуже – в качестве своеобразного “проверяющего”. И вообще – я хочу, чтобы им было интересно прожить часть жизни со мной и с идеей моего исследования, что я интересный, забавный и “крупного калибра” человек.

*Из переписки И.К.:
первое содержательное письмо
после установления контакта
(имя изменено)*

*“Tuesday, May 15, 2007, 5:56:25 PM
Уважаемая Светлана
Степановна, здравствуйте!
Очень рад, что Вы откликнулись!
У меня довольно много вопросов и,
видимо, я буду Вам долго надоедать.
У меня две задачи.*

*1. Описать проект не просто
в организационно-управленческом
формате, а в социальном
контексте: история появления
и развития идеи, личностный
фактор, среда – партнеры
и контрагенты и т. д. Цель – ответить на вопрос: возможно
ли транслировать этот опыт, возможно ли воспроизвести
удачную социальную новацию?
2. Описать ситуацию с позиций будущих жителей:
их финансовые стратегии и семейные бюджеты, желание
своего жилья и проблема доверия к застройщику, и самое
главное – возможно ли появление среди них поселенческого
сообщества (что эквивалентно феномену “пригородной
Америки” – появлению сообществ, принимающих на себя
ответственность за собственность и за ту территорию,
на которой они живут)”.*

..Дальше – еще полная страница вопросов, слава Богу, вполне конкретных – о характеристиках полистиролбетона, об инженерной инфраструктуре, о сейсмике, о “социальном жилье”. Бог зна-

ет, что подумала молодая бизнес-леди, заместитель генерального директора по коммерческим вопросам, об исследователе из Москвы, прочитав это письмо! (Много позже она призналась, что полдня размышляла, что же написать в ответ и как).

Но к чему это и что это все значит? А то, что в принципе нам никто не запрещает придумать себе любой образ, создать такую легенду о себе и своей задаче, чтобы повисить наши шансы на успешный вход в поле и активное сотрудничество информантов. Такое желание возникает довольно естественно, тем более если мы проводим исследование – целиком или частично – в Интернете: тогда идея легендировать свою интернет-репрезентацию воспринимается как никогда “логичной”. Можно попробовать сыграть разные роли и для разных ситуаций, но увлекаться этим вряд ли стоит. И дело не в том, что в учебном курсе соцфака нет занятий по актерскому мастерству, а в том, что:

Во-первых, когда Вы готовите выход в поле, ищете и устанавливаете контакты, подумайте, что Ваши будущие информанты могут собирать информацию о Вас.

Во-вторых, невозможно без сбоев и проколов играть несвойственную тебе роль: неизбежно возникнет ситуация, когда ты не сможешь ее “поддерживать”².

Безусловно, не всегда и не все исследуемые будут собирать информацию о приезжающих исследователях, в большей степени этого следует ожидать, когда планируется исследование “узких” групп, например, профессиональных или экспертных, или же в том случае, когда вход в поле возможен только через совершенно определенного человека – “проводника”, “держателя врат” (gate-keeper), – например, руководителя организации или предприятия. Но даже если люди, с которыми предполагается общение в поле,

¹ Хорошее описание исследовательских ролей можно найти у В.И. Ильина [Ильин. 2006. С. 5–7]. Он пишет, что пробовал себя в разных ролях и остановился на “роли путешественника”. А эта метафора отсылает нас к тексту З. Баумана “От паломника к туристу”, который хоть и посвящен рассмотрению социальной проблемы, но может быть прочитан и с точки зрения методологии полевой работы [Бауман. 1995].

² Безусловно, очень многое зависит от планируемого “тайминга” встречи, контакта. Можно легко разыграть роль “блондинки” при встрече с гаишником или домовитой хозяйки на время приема гостей, но как быть, если гость остается на неделю-месяц “пожить”?

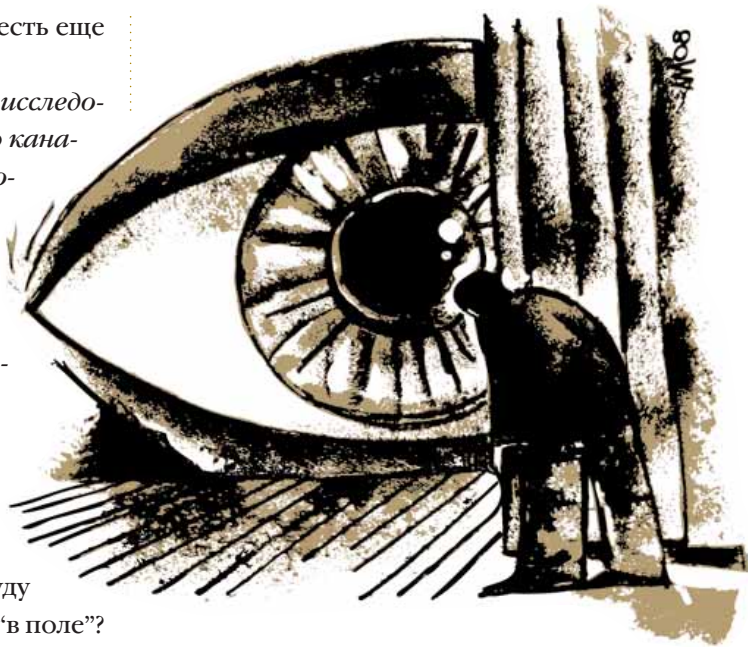
и не будут активными в своем поиске, есть еще и третье обстоятельство:

Информация об исследовании и об исследователях распространяется в “поле” по каналам, которые нам еще неизвестны, которые только предстоит узнать, и поэтому этот процесс происходит быстрее, нежели мы можем совершать перемещения в пространстве и осваивать коммуникативные сети наших информантов.

Исследователь как часть поля

С чем связана моя тревога о том, какую же роль – в сценическом смысле – я буду играть, что я буду представлять из себя “в поле”? Безусловно, я переживаю за результативность моего исследования. Безусловно, мне по-человечески не хочется ударить лицом в грязь и оставить о себе превратное представление. Но что это означает?

Это означает, что я как исследователь представляю из себя *exe*-шный файл, запускающий среди моих информантов и в поле в целом процессы адаптации ко мне, к моему присутствию, к моим действиям. И самый важный фактор (если не самый важный, то точно – первоочередной) – это “прочтение” меня другими, интерпре-

тация меня. Если обо мне не имеют априорной информации, то все равно обо мне имеют априорное представление, ну, или не обо мне, но о других – “типа меня”.

Любому человеку кажется, что он “знает” или хотя бы примерно “понимает” другого человека, и с первых же мгновений знакомства происходит типизация – разумеется, взаимная. Я сам и моя роль (мои роли) неотделимы от поля, хотя и служат отмычкой для входа в него. Л. Фестингер описывает ситуацию, когда выбранная исследователями легенда стала создавать эпифеномены – факты и события, рождающиеся только из присутствия исследователей в этом поле именно с этой легендой. Это было изучение небольшой секты, предсказывавшей скорый конец света. Наблюдатели “вошли в поле”, представившись людьми, имевшими “оккультный” опыт, сочувствующими идеям группы и желающими узнать побольше. Вскоре социологи столкнулись с тем, что их присутствие и сам факт прихода в группу интерпретировался ее участниками в качестве прямого подтверждения истинности откровения (воспроизводится по: [Девятко. 2003. С. 22–23]).

...Сквозь обычные шумы и гул в салоне машины, прыгающей по ухабам проселочной кубанской дороги, очень трудно различать голоса. Это диктофонная запись беседы социолога и фермера. Я прижимаю наушники плотнее. Слышно все равно неважно, но и разговор – так, ни о чем.

– ...Светлана Гавриловна, а что, в Москве все молодые такие?
– Какие “такие”?
– Ну, типа Ксении Собчак? Или этих, ну, которые из “Дома-2”?³

³ <Из комментариев С. К.> «Москвичи» или «они из Москвы» – это был едва ли не самый первый идентификатор нас в поле. Как воспринимается, как взаимодействует образ «москвича» с моим образом здесь-и-сейчас – отдельная тема для раздумий. Образ «москвича» амбивалентен: он близок к власти и он ленив, но отказываться и отрешиваться от роли москвича – это неправильно, кажется...

Моя полевая роль (выбранная по случаю или уже привычная) – это очень мощный и гибкий инструмент. Но одновременно нужно понимать те эпистемические ограничения, которые она накладывает на тебя и твою исследовательскую ситуацию; нужно не только понимать предзаданность своей познавательной “перспективы”, но и быть готовым к тому, что “поле” доопределит твою роль за тебя.

Командные роли

“Если честно, если не смотреть на то, что я говорю и объясняю другим, я не понимаю своей социологической задачи, которую должен решить работой в экспедиции. Поэтому нужно ехать не одному, а с кем-то, чтобы веселей было мучиться. Только так появится необходимость объяснять задачу и возможность ее критиковать. У одного, с самим собой это не получится”.

Г.Б. Федоров

Так в какой-то момент решил я. Но кому предложить? Как подобрать себе напарника? Как объяснить ему задачу? Как понять, справится ли он с работой? Все эти вопросы крутились в моей голове в течение всех пяти недель, отпущенных на подготовку экспедиции.

То, что нельзя ехать

одному, было для меня очевидно. “Сущностям нужно обмениваться смыслами. Потому что любое дело, оставшееся однозначным, засыхает одиноко и бесплодно в памяти”, – говорил мой Учитель в археологии Георгий Борисович Федоров. Знание рождается не только из наблюдения фактов, но и через критическую интерпретацию этих фактов. А это всегда удобнее делать, если ты не один.

Кому предложить партнерство? Соглашаться или не соглашаться на предложение участвовать в тандеме или команде исследователей? Это все сложные вопросы, даже если речь идет о дав-

но знакомых людях: полевые условия открывают такие черты, привычки и особенности характера, которые в прежнем режиме общения никак не проявлялись. А кроме того, работа пары или команды – это не только выбор *общей роли* для предъявления внешнему миру, это также и установление ролей и взаимодействия между партнерами. И они тоже должны быть органичными. Какая стратегия окажется более результативной: “Туру и ученики”? “Начальник и подчиненный”? “Эксперт и профан”? “Молчун и балабол”? Хорошо, если ты идешь в поле с тем, кого хорошо знаешь и с кем уже доводилось работать. Но ведь так бывает далеко не всегда. В команде могут оказаться люди, в профессионализм которых ты *веришь*, но не *знаешь наверняка*, как они работают в поле. Соответственно, актуальной оказывается проблема, как вы сработаетесь, и как будут складываться полевые будни – предугадать невозможно. В любом случае, работа над командными ролями начинается в тот момент, когда ты или кто-то – тебе говорит: “Слушай, тут вот такое дело... поедешь со мной?”

<Из полевых заметок Л. П.>

“Изначально не были определены, не протворены нами наши роли в ситуации интервью. На что я имею право, на что – нет? Можно ли вмешиваться в ход беседы? Особенно если тема сложная и идет разговор “экспертного характера”. Можно ли ломать складывающуюся по ходу “рамку” разговора? Изначально самим было не понятно, как все это будет – встречи с бизнесменами, занятыми людьми, разработчиками, строителями... И, на мой взгляд, справляясь с этим успешно и без моей помощи, я была скорее наблюдателем ситуации, а не участником. Закономерно, на второй день нашей совместной работы нам стала очевидна некомфортность этого...”

Наверное, нужно быть готовым к тому, что уже в ходе работы в поле внутрикомандные роли потребуют корректировки. Так, в частности, связка “начальник – подчиненный” в одних

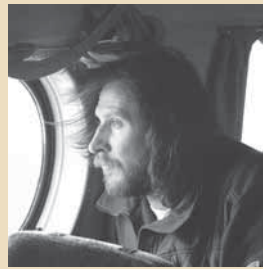
случаях хороша и эффективна, а в других – оказывается деструктивной для работы и достижения содержательных целей. Например, если в ситуации парного интервью (два исследователя и информант) “подчиненная” уступает инициативу в ведении разговора “начальнику” и не участвует в беседе, не задает своих вопросов, боясь “поломать стратегию начальника”. Или же наоборот, руководитель оказывается излишне авторитарным и его патернализм становится препятствием к тому, чтобы другие члены команды самостоятельно определяли себе программу действий.

Поиск партнера или команды для экспедиции – это уже начало моего “входа в поле”, потому что именно на этом этапе начинают складываться и взаимопределяться партнерские роли в команде и, соответственно, презентационные роли для поля⁴.

“М” и “Ж”, или “Подхожу ли я для поля?”

В подробном описании вопросов, которые появлялись в моей голове на этапе “до поля”, вероятно, можно усмотреть что-то невротическое. Пусть так. Но прежде мы договорились (ну, или я сам с собой), что за реальностью переживаний скрывается реальность ситуации. Вероятно, опытные исследователи, умея решать все подготовительные задачи и проблемы, “проскакивают” этап размышлений над пустяковыми вопросами – просто они уже “знают” возможные ответы. Но я уверен, что вопрос “подхожу ли я для этого поля” явно или неявно витает над любым исследовательским проектом – в голове руководителя экспедиции, в умах членов команды, в их размышлениях друг о друге.

В этих случаях валерьянку пить не надо, как не надо и заниматься психотерапией. Потому что ответ (рискну предположить) может быть только один: “Да, подхожу”.

“Просто нужно понимать, что мужское и женское поле – это два разных поля, и они могут не пересекаться, порой – жестко, – говорил мой друг полевой этнолог Константин Банников, подрезая на своем “Форде-Ка” безмятежный свадебный лимузин. –

На каком-нибудь бурятском празднике ты будешь сидеть с шаманом, с мужчинами, курить, кормить духов и говорить о космогонии, а твоя девушка будет с женщинами готовить еду для праздника.

Ее просто не пускают туда, к мужчинам. Но в результате ты не услышишь и не узнаешь разговоров женщин, что они там по-бабски обсуждают, над чем смеются, чего ждут, как что готовить и что любят их мужья. А можешь ты сказать, что полученное тобой знание сакрального более ценно, чем ее – повседневного-бытового? Нет, конечно! Просто оно для тебя закрыто па-а-лю-ю-бому! Потому что ты мужик, и бабой никогда не станешь!

Просто прими это!”

Что это означает? А то, что практически любой исследователь может войти практически в любое поле. Но оно будет открываться ему по-разному, и “пришедшему” будут доступны лишь определенные зоны, а другие зоны останутся скрыты. Соответственно, на подготовительном этапе нужно просчитать как особенности поля, так и “фактуру” исследователя или исследователей. А кроме того – еще раз взглянуть на цель и задачи всей работы: не нуждаются ли они в уточнении? Например, не разделиться ли группе и не описать ли практики распознавания и отторжения чужака в данной группе, поселении, субкультуре? В общем, мальчики – налево, девочки – направо...

Планируя работу, есть смысл системно оценить, какие фактурно-организационные возможности есть у исследовательской группы и какие эпистемические перспективы открываются в планируемом поле для каждого из ее участников при выборе той или иной стратегии “входа”.

⁴ Менять соотношение статусов внутри команды – задача если и возможная, то все равно связанная с некоторыми “ролевыми” проблемами. Как минимум, адаптация к новым внутрикомандным правилам все равно занимает определенное время. Соответственно возникает необходимость мониторинга командного стиля каждого из участников, взаимной адаптации, а также оперативного изменения и проговаривания “внутренних правил”.

Изучение персониферы

Большая часть тем, прописанных выше, были связаны с пониманием одного вопроса – “кто есть мы” для поля? Но, как мы знаем из теорий социальной идентичности, “мы” очень трудно сконструировать без “они”.

И действительно, я как исследователь никогда не пойму, как же мне себя вести, как входить в поле, пока не сформирую представлений о его *персонифере*: какими типажам и конкретными персонами, и даже – какими характерами представлено интересующее меня социокультурное пространство.

В учебниках пишут о поле как о какой-то границе: вот я еще не в нем, а вот – я уже внутри. Но что делал мой коллега Олег Оберемко? Отправился в Институт агробизнеса. Что делал я накануне поездки к сибирским строителям? Пошел к строителям московским. Только ли потому, что мы чувствовали себя неуверенно в теме предстоящего исследования? Не только. Интуитивно пришло понимание, что *исследовательское поле окружено предместьями, точно так же, как городище окружено посадом, а посад – ополем*. И вход в исследовательское поле (городище) мы начали очень издали – через контакты с теми людьми, которые могли рассказать о том, что творится на “посаде”, а затем – с теми, кто имел представление о делах внутри самого городища. И такой вход “не тревожил” нашего исследовательского поля, но повышал и нашу компетентность, нашу способность точнее идентифицировать полевую ситуацию, а также нашу готовность справиться с задачей, и кроме того – прояснял персониферу целевой группы с попутным формированием нашей собственной исследовательской идентичности. Например, из бесед в Инсти-

туте агробизнеса Олег с удивлением узнал, что некоторые краснодарские фермеры при распахивании земель используют GPS. А для меня (для одного из моих интервью) спасительной оказалась информация об увлечении одного из бизнесменов дайвингом, поскольку эта тема близка

и мне. Изучение персониферы – это “мягкий” вход в поле, это помогает находить контакты, оценивать их пригодность для целей исследования. И здесь очень важно *установить* контакт таким образом, чтобы была возможность актуализировать его при необходимости и, что более важно, – сохранить его на будущее, если нет необходимости в его актуализации здесь и сейчас⁵.

Очень редки ситуации, когда исследовательское поле не имеет “знающих” людей или экспертов “снаружи” – таких, разговаривая с которыми, можно получать информацию (пусть даже с искажениями) о привычках, нравах и персональном составе целевой группы, не вторгаясь в пределы ее персониферы и не тревожа преждевременно ее представителей.

Пустая голова

Вопрос, нужно ли быть теоретически подготовленным и компетентным накануне поля, является “общим местом” размышлений о качественной методологии. Разумеется, обсуждали его и мы, временами заглядывая в доступную литературу. И первым делом обнаружили разные концептуализации методологии, во главу угла ставящей... дилетантизм.

Для хорошего исследования, построенного в традиции *качественной методологии*, с точки зрения А. Страусса и Дж. Корбина, голова иссле-

⁵ Общим местом является указание исследователей на поиск “проводников”, “стражников”, “gate-keepers”, покровительство которых позволяет исследователю войти в исследуемую группу, сообщество, минимизируя свои затраты, в первую очередь – временные. Изучение персониферы помогло, например, мне оценить плюсы и минусы некоторых “gate-keepers” и принять решение провести часть полевых работ в отсутствие одного из них, чтобы избежать избыточного попечительства.

дователя должна быть свободной от каких-либо теоретических построений [Страусс, Корбин. 2001]. Теоретические построения – это любые априорные, долевые систематизации и предположения о причинно-следственных связях, которые подлежат испытанию и проверке. Будучи сформулированными накануне работы, они создают предзаданность и моего исследовательского пути, и моей эпистемической перспективы: я оцениваю релевантность своих построений по той фактологии, которую открывает мне поле. Но вот вопрос – он появляется из парадигмы социального конструкционизма: если социолог изучает процессы социального конструирования знания, то не оказывается ли он сам среди предзаданных представлений о своем объекте, которые не просто ограничивают его восприятие, но также и само постижение объекта? Ведь вводимые социальные категории и различия отражают не только “реальность”, но и интенции тех агентов, которые заинтересованы в ведении этих различий и классификаций в оборот [Ленуар. 2001. С. 81, 101].

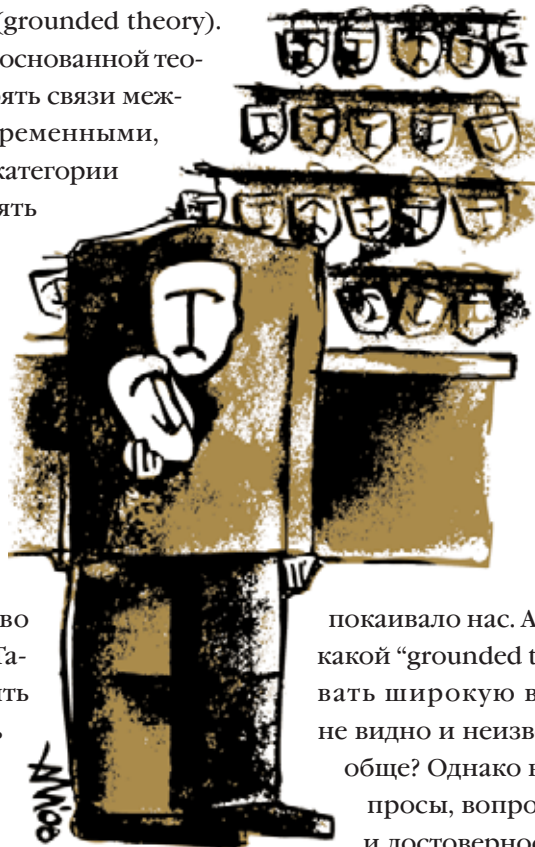
В противовес этому предлагается методология “обоснованной теории” (grounded theory). “В исследовании по методу обоснованной теории мы стремимся не проверять связи между заранее отобранными переменными, а обнаруживать подходящие категории и связи между ними, соединять их новыми, а не стандартными способами. Так, если вы начнете со списка заранее определенных переменных (категорий), это может помешать вам открыть что-то новое. В проектах обоснованной теории вы стремитесь объяснять феномены в тех теоретических рамках, которые разрабатываются во время самого исследования. Таким образом, вы не хотите быть скованы, сохраняя верность ранее разработанной теории, которая может быть применима, а может быть и непри-

менима к области данного исследования” [Страусс, Корбин. 2001. С. 41]. Это означает, что в основе методологии лежит разрыв с *предпонятиями* – предположениями о свойствах изучаемого объекта, и ориентация на поиск “практических различий”, которые указывают на существование неких “несущих конструкций”, которые отвечают за существование изучаемого феномена, управляют его воспроизводством и включенностью в поле отношений [Бикбов. 2001. С. 324–325].

Логика понятна. Жизнь и социальные процессы оказываются на порядок сложнее и вариативнее, чем самая эвристичная теория и самые смелые фантазии. Главное – не переоценивать универсальность собственного взгляда на вещи и сохранять восприятие “наивного наблюдателя”. Концепцию происходящего следует “выращивать” из фактов, из тех нюансов, деталей и повседневных исследовательских открытий, которые позволяют нам совершать мастерство и компетентность полевика. Если эта концепция – на последующих этапах анализа – начнет корреспондировать с какой-либо социологической теорией, это только послужит их взаимному обогащению. А если будет противоречить, тогда будет реализован основной принцип эволюционной эпистемологии: развитие через фальсификацию имеющихся знаний.

Примерно вот такое знание открылось нам накануне практического этапа работы, накануне наших “выходов в поле”. И это знание отнюдь не ус-

покаивало нас. А вдруг в нашем поле нет никакой “grounded theory”? Можно ли переплыть широкую воду, если другого берега не видно и неизвестно, существует ли он вообще? Однако все это уже более общие вопросы, вопросы о проблеме валидности и достоверности в качественной мето-

логии. Эта тема – как распознавать и реконструировать элементы обоснованной теории, что есть “реальность” и как соотносятся друг с другом профессионализм и дилетантизм – обсуждалась нами довольно активно. И именно поэтому данную проблематику есть смысл оставить в стороне, приберечь для следующего раза. Потому что был один вопрос, ускользавший тогда от нашего внимания: а каким будет наш вход в поле, если мы сунемся в него с “пустой головой”?

Из полевых заметок О. О.

“...Мы ехали вместе с N. от одного из фермеров и обсуждали его ситуацию. Тот фермер жаловался нам, что запрошенный им кредит в 2006 году опоздал на две недели, из-за чего он не провел полевые работы, не заготовил корма для свиней в нужном объеме и в результате потащил проценты по кредиту с задержкой.

N: Нет, у него положение... У него есть техника. Сейчас он начал подрабатывать, пахать, ему деньги платят за это. И вот он сейчас эту живую копейку – сюда на погашение направляет <кредита>. То ж он еще просил дать кредит, чтоб купить еще корма, а мы говорим: мы не дадим тебе, они [свиньи] у тебя опять сожрут... ты их не продашь, и потащишь тебе нечем будет.

О.О.: Так, а чем он потащил? За счет шабашек?

N: За счет шабашек. А так бы дали – опять бы он вбухал в этих свиней...

О.О.: А чего он раньше не шабашил?

N: А зима была... [пауза 15 секунд]. Вы... от сельского хозяйства... далеки?

Считываемая – как правило, быстро – наивность вызывала иногда сочувствие и готовность подробно все объяснить – просветить “засланца из столицы”. Что, собственно, не противоречило цели исследования...”

Статус “профана” очень быстро считывается информантами, и иногда это можно превратить в исследовательскую роль и использовать в качестве эффективного приема: профану прогова-

ривают и объясняют то, что в разговоре с “более продвинутым” собеседником опускают, полагая “само собой разумеющимся”. Однако в иных ситуациях эта же роль может приводить и к негативным последствиям, например, из-за неприятия и отторжения “исследователя-профана”. В результате могут возникать опасные для всего исследования конструкции: “он не понимает, и нет необходимости ему объяснять”; “он не понимает, и нет необходимости говорить правду или быть искренним”. В случае, когда наше исследование затрагивает довольно-таки статусных лиц или людей с большим ресурсом профессионализма, тогда считываемая и стигматизированная профанность будет выпихивать исследователя из поля, закрывая возможности для поиска материалов. У меня задолго до отъезда в экспедицию состоялся разговор с одной из ключевых фигур в планируемом исследовательском поле, единственным gate-keeper. Разговор длился три с половиной часа и закончился фразой: “Я говорил своим, что и в Москве живут нормальные люди. Мне нужно было с вами поговорить, потому что... м-да, знаете... глупый друг хуже умного врага... чтобы понять, не навредите ли вы по глупости и непониманию и из лучших побуждений своим исследованием делу, в которое мы вкладываемся”... Профанность может интерпретироваться как отсутствие собственной позиции и ненадежность, как возможный источник угроз – намеренных или ненамеренных искажений, медвежьей услуги и дурного пиара.

Абсолютизация идеи, что следование методологии “grounded theory” освобождает исследователя от предварительной концептуальной работы ради сохранения “наивного восприятия”, может обернуться разрушением исследовательского реноме на этапе входа в поле и послужить стимулом к “выдавливанию” из изучаемой социальной сети.

А если гость пришел с утра?

Среди моих заметок о подготовительном этапе экспедиции есть две записи.

“18 мая. Я давно запланировал поездку на вторую половину мая, согласовал время, вчера выкупил би-

лет. Сегодня мне позвонил N. и попросил перенести мой приезд недели на две. Объяснения – не лучшая ситуация, не лучшее время. Долго думал: поехать, не смотря на просьбу, или проявить податливость. Сдать билет не удалось, пропал”.

“6 июня. Разговаривал с N. об июньской поездке. Билет не брал. Договорились отложить. Занятая фраза: “Запарка, некому будет вами заниматься”...”

Большая часть учебного материала посвящена готовности исследователя к полевому этапу. Это прочитывается во всем: от советов по технике интервьюирования и сбора данных до библиографической работы и выбора методологии. Но вот фактор, который больше других заставлял меня нервничать, – неготовность *объекта исследования* к исследованию. И это не вопрос моих отношений с gate-keeper – он и есть “поле”, ведь оно формируется его ответственностью за существующую социальную сеть. Неважно, какие резоны и доводы лежали за предложением отложить поездку. Важно, что мне дали понять три вещи:

- 1) моему визиту и исследованию придают большое значение;
- 2) ситуация, которая меня интересует, еще “не созрела” для того, чтобы ее афишировать и показывать – с точки зрения gate-keeper;
- 3) из-за массы дел нам не смогут “уделить внимание”.

Если исследование – это хождение в гости, тогда это означает, что дом еще не убран, стол еще не начали накрывать, жарка будет вот-вот и ее нужно не упустить. И совершенно тут не до гостей, которые вознамерились приехать раньше срока – что нехорошо, нелюбезно и просто нервно, ведь всем хочется ладно и хорошо отпраздновать день рождения!

Безусловно, описанную мной ситуацию можно свести к проблеме поиска “проводника” в исследовательское поле, выстраивания отношений с ним и легитимации моего исследовательского интереса. Действительно, это очень важный элемент планирования и подготовки исследования, и в литературе данная проблема хорошо и систематически описана⁶. С этой точки зрения двойной перенос сроков – свидетельство каких-то аномалий в моих отношениях с gate-keeper. Однако именно такое прочитывание проблемы, как я это понимаю уже задним числом, предопределило не только мое нервическое состояние, но также и мою исследовательскую перспективу. В июле, когда наконец была достигнута твердая договоренность, я был настолько рад началу полевого этапа, что совершенно “забыл” о факте переноса сроков и даже не подумал проблематизировать для себя этот вопрос в качестве исследовательского. Точнее, я интерпретировал этот факт как проблему моих отношений с “проводником”, а не как индикатор состояния моего исследовательского поля. Соответственно, я не возвращался к этой ситуации в беседах с информантами и gate-keeper, не проблематизировал перед ними этот факт. Я сам не задался

⁶ См., например: [Девятко. 2003. С. 35–36, 40; Ильин. 2006. С. 87–88].

вопросом: а что, собственно, происходило “в поле”, что на мне и моей исследовательской ситуации это отразилось таким вот образом?⁷

Сбои и аномалии в установлении контактов на этапе “до поля” могут свидетельствовать не только о подготовленности и мастерстве исследователя, но также и о готовности поля принять исследовательскую группу. Видимо, полезно время от времени задаваться вопросом: что я понимаю о ситуации в исследовательском поле и могу ли я прогнозировать его состояния (сиречь – реакции на меня и мои исследовательские роли)?

проделанной работы, как правило, увлекает более, чем нудное описание того, *как именно* это было сделано. А с течением времени, и особенно после проведенного поля, оглушающего своей феноменологической целостностью и уникальностью опыта, результаты такой рефлексивной деятельности тускнеют, становятся фрагментарными и актуализируются “по случаю” в виде баек и анекдотов.

Может быть, так и нужно – очень трудно отделять реальность участия и погруженности в решение оперативных проблем от методологической рефлексии. Тем не менее, можно попытаться подкрепить выполнение такой задачи как организационно, так и на уровне установок.

Во-первых, взять метод самонаблюдения в качестве первого исследовательского приема. В. Ильин так определяет цель самонаблюдения: понимать других, основываясь на установке “то, что я чувствую, воспринимаю, думаю в ситуации моего исследовательского поля, то же, вероятно, чувствуют, воспринимают и думают другие люди, оказавшиеся в аналогичной ситуации” [Ильин. 2006. С. 94, 96–97]. В нашем случае задача будет чуть более специфической: реконструировать методологически значимые компоненты моей исследовательской ситуации *сквозь мою интеллектуальную и эмоциональную погруженность* в нее.

Во-вторых, можно вести дневник самонаблюдения с самого начала работы над идеей будущего проекта и исследования. И здесь можно следовать классической логике дневника:⁸

- фиксировать события, которые сопровождают ситуацию планирования исследования, под-

“Осадки” и “производные” методологической рефлексии

Я смотрю на список оставшихся вопросов и понимаю, что имеется еще множество сюжетов для размышлений. Например, как идентификация моего исходного статуса – профессионального, социального – влияет на вход в поле? Является ли мой начальник – вполне публичный человек, – да и сама исследовательская организация, на которую я работаю, элементом того поля, которое я собираюсь изучать? Однако есть три выраженных ощущения.

Первое – что пора остановиться: нужно что-то оставить “для другого раза”. Второе ощущение – что, по-видимому, любая полевая работа любой исследовательской команды сопровождается методической и методологической рефлексией. И третье ощущение-предположение – что редко когда результаты такой работы отражаются в систематическом виде: содержание

⁷ Возможно, это было ошибкой – идти навстречу пожеланиям gate-keeper. Согласно методологии Гарфинкеля, если я нарушу привычный порядок жизни, создав проблему (в данном случае – самим фактом своего появления в поле), то это может дать некоторое знание о том, как обычно поддерживаются те или иные социальные практики. См., например: [Гарфинкель. 1999].

⁸ См., например: [Ильин. 2006. С. 98–99].

готовки проекта, установления контактов и “входа в поле”;

- отмечать собственные эмоциональные и поведенческие реакции;
- делать пометки о собственной интерпретации событий и об их возможном значении для методологической рефлексии.

В-третьих, с самого начала ориентироваться на работу в группе – совместно с теми коллегами, с кем вы пойдете в поле или кто ведет и планирует аналогичную исследовательскую работу. Нужно в режиме мониторинга вести обсуждение событий, решений и действий в ситуации “до поля”.

И последнее. Неплохо запланировать и проводить методологические семинары и готовиться к ним – набросками идей, тезисами или хотя бы тематизацией проблем, пусть даже несистематической.

“Сущностям нужно обмениваться смыслами, чтобы оставаться сущностями”... ■

Литература

- Бауман З.* От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4.
- Бикбов А.Т.* Формирование взгляда социолога сквозь критику очевидности // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Гарфинкель Г.* Понятие “доверия”: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение / Пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. 1999. № 4.
- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. М.: КДУ, 2003.
- Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Социополис, 2006.
- Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Пэнто Л.* Личный опыт и научное требование объективности // Начала практической социологии / Под ред. Н. Шматко. М.: Алетейя, 2001.
- Сафонова Т.В.* Непонимающая социология: истории из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 4.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техника / Пер. с англ. и послесловие Т.В. Васильевой. М.: УРСС, 2001.

А. Мавлетова

Казино: территория эмоциональности или расчета?

В последние десятилетия эмоциональная сторона жизни человека активно реабилитируется социологами. Рассуждения о том, что “эмоция одновременно вплетена как в индивида, так и в социальные структуры и отношения”, что “человеческое действие, или практика, становится возможным благодаря эмоции”, стали общим местом для современных представителей социологии эмоций [Barbalet. 1992. P. 151–152].

Можно пойти дальше и утверждать, что именно эмоция, “ощущение собственной моральной силы и группового единства” лежит в основе социального порядка, поскольку именно разделяемые группой эмоциональные переживания порождают коллективные представления и конституируют базовый опыт индивида. Таким образом, “важнейшие эмоции и порождаемые ими категории понимания образуют основу разделяемого всеми знания, коммуникации и общества” [Роулз. 2005. С. 5].

Обращение к эмоциональной основе социальности не укладывается в русло классической социологии. Напротив, социологи всегда стремились искать истоки эмоций в социальном. Принято было считать, что именно социальный контекст и социальное взаимодействие определяют эмоции и чувства, которые должны переживать участники в определенной ситуации. Как

утверждает Арли Хохшильд, мы “веселы на вечеринках, грустны на похоронах, счастливы на свадьбах” [Hochschild. 1979. P. 552].

С одной стороны, выходит, что в своих эмоциональных переживаниях мы зависимы от контекста. Однако, с другой стороны, чтобы попасть в зависимость от контекста, нужно его распознать и поддаться ему, вовлечься в него, смочь или позволить себе разделить эмоцию вместе с другими присутствующими. Получается нечто вроде добровольного согласия видеть ситуацию через определенную призму, которую И. Гофман называл рамкой, или *фреймом*.

Вслед за Джеком Барбалетом мы будем понимать эмоцию как переживание вовлеченности. В разные ситуации индивид вовлекается с разной интенсивностью и с разным знаком: с отрицательным – испытывая печаль или грусть, с положительным – переживая радость или счастье [Barbalet. 2003. P. 1].

Понятие вовлеченности будет центральным в нашей работе. Мы будем исследовать казино, имея на руках результаты собственных наблюдений, интервью с посетителями и корпус текстов, написанных другими исследователями. Мы постараемся показать, что *фрейм казино стимулирует настолько сильную эмоциональную вовлеченность игроков*, что за игровым столом они трансформируются и выходят за пределы

повседневного мира, соприкасаясь с иным, более ярким миром – миром игры. Именно эта трансформация заставляет игроков посещать казино постоянно. Невероятное по силе эмоциональное возбуждение от рискованных действий, необходимости принимать решения, радости от головокружительных побед и изобретательных действий или огорчения от смелых, но неудачных ставок – вот что ожидает игрока в казино. Здесь можно совершить *настоящее* действие, в полной мере вкусить сладость победы, обыгрывая других. (Другой вопрос – можно ли только на эмоциях достигать победы – нас пока не интересует.)

Опасны ли эмоции для социального порядка?

В классической социологии становление современного общества неразрывно связывалось с усилением контроля над спонтанными эмоциональными проявлениями. Принято было считать, что в этом обществе нет места эмоциональному и субъективному, магическому и сверхъестественному; есть место лишь калькулируемому и рациональному. Универсализация норм, формализация взаимодействий, рационализация мыслей и образа жизни – такова тенденция исторического процесса. И если в традиционном обществе преобладают личные, теплые, эмоционально окрашенные родственные и дружеские отношения (*Gemeinschaft*), то в современном – рациональный, эгоистический обмен, основанный на бездушной калькуляции – *Gesellschaft* (эти понятия предложены немецким социологом Фердинандом Теннисом). В *Gesellschaft*'е эмоциональный компонент исключается из социальных действий, и отношения между людьми ста-

новятся анонимными и эмоционально нейтральными: “Как только в интерпретации природных процессов эмоциональность уступает место объективному интеллекту, эмоции начинают постепенно исключаться <...> из объектов и отношений нашего практического мира. <...> Говоря более точно, постижимые элементы действий объективно и субъективно становятся калькулируемыми, рациональными, из них исключаются эмоциональные реакции и решения, которым находится выход только в критические жизненные моменты и когда речь идет о конечных целях” [Simmel. 1990. P. 431].

Определенно можно сказать, что *эмоциональное* в современном обществе перестает выступать основой социального действия. Акторами движут не личные страсти и эмоции, а объективная целесообразность и рациональность. Фундамент социального порядка видится в целесообразности рационального действия, а опасность – в стремлении акторов к индивидуализации в отношениях, личностному самоутверждению и внутренним эмоциональным переживаниям. О. Рамштедт пишет по этому поводу:

“Дюркгейм, Зиммель и Вебер фиксируют общий недуг современных им обществ в отношениях между индивидуальным поведением и общественными структурами. Они ставят диагноз: нарастание индивидуализма как результат дифференциации, которому уже не отвечают свойства Я как качественный признак” [Рамштедт. 1994. С. 59].

Именно в подобной логике рассуждений возникает “гобсовский” вопрос о возможности социального порядка: как возможен порядок в условии нарастающей индивидуализации действий, которые ориентированы прежде всего на самого действующего, а не на других акторов, на кон-

ституирование личности индивида, а не на взаимодействии. Необузданность внутреннего эмоционального состояния, его выход из-под социального контроля, а тем более его доминирование в отношениях между акторами ставит под угрозу социальный порядок.

Эгоистичность современных индивидов, проявляющаяся в неограниченном стремлении к наслаждению или, напротив, к идеализации индивидуальных страданий, – вот что волновало социологов модерна. М. Вебер осуждал стремление превратить “личность” и “переживания” в идолов, Дюркгейм описал эгоистичное самоубийство, Зиммель – моду на страдания и сильные личностные эмоциональные переживания.

Таким образом, интегрировавшей традиционное общество, но ставшей разрушительной в обществе модерна *эмоциональности* противопоставляется созидающая *рациональность*. Как возможно обуздывать вошедшие в моду эмоциональные порывы? Как возможно постоянно контролировать себя в обществе модерна – в обществе *чужих друг другу людей*? Выход находится: эмоциональные срывы можно контролировать с помощью рационально-аскетической идеи профессионального призвания, систематизирующей и регламентирующей все сферы жизнедеятельности индивида. Именно рациональность служит основой для формирования профессиональных сообществ и поддержания между ними обмена, конституирующего общественный порядок.

Порядок, по М. Веберу, возможен в той мере, в какой идея “служения одному делу”, идея выполнения профессионального долга становится автономным мотивом, поддерживающим воспроизводство профессиональной специализации и единственно делающим человека личностью. Самоконтроль, самоопределение и само-

ограничение, в конечном счете, могут и должны выступать в качестве основы социального порядка. Однако в современном обществе вместе с усилением общественного контроля над спонтанным проявлением эмоций повышается “спрос”

В современных условиях повседневные действия становятся предсказуемыми и контролируемыми, а потому индивиды активно ищут возможность совершать такие социальные действия, которые дают легитимный выход эмоциям. Агрессия находит легитимный выход в том числе и в действиях, сопряженных с риском, – в азартных играх

на приватные эмоциональные переживания, ради которых индивиды готовы специально совершать социальные действия, в том числе совместные и скоординированные.

Легче всего это заметить в эволюционном изменении, которое претерпевают социально приемлемые способы выражения *агрессивных импульсов и удовольствия*, а также социально приемлемые способы контроля над ними. То, как трансформация личностной и социальной структуры ужесточает самоконтроль над выражением эмоционального состояния, показывает Норберт Элиас в книге “О процессе цивилизации”. Он видит

в эволюции социального “изменение человеческого поведения и <проявлений> человеческих чувств в определенном направлении” [Elias. 1982. P. 229]. Опираясь на фрейдовскую структуру личности id – ego – superego, Элиас утверждает, что роль superego с развитием цивилизации постоянно растет. Внешние ограничения усваиваются и превращаются в самоограничения, глубоко проникают в ткань инстинктивной жизни, так что в жизни современных людей все “подчинено, обуздано и исчислено”, а за всякое проявление “животноподобной” человеческой деятельности они переживают стыд.

Игра инстинктов и эмоций меняет форму и интенсивность. Если в ранних обществах эмоции были более спонтанными и непосредственными, то в современном обществе люди дают агрессии легитимный выход за пределами повседневной рутины, например, в спортивных состязаниях, в экстремальных видах спорта или в азартных играх. А сама повседневность оказы-

вается все более бедной на спонтанные действия и непосредственные (простые) удовольствия. Если раньше индивиду строго предписывалось открыто выражать свои эмоциональные состояния, то в последующем так же строго стали предписывать их контролировать: “В какие документы тех времен мы ни заглянем, везде обнаружим одни и те же признаки: эмоциональный строй жизни сильно отличался от нашего, существование было небезопасно, долгосрочных расчетов на будущее не делали. Кто в этом обществе не испытывал сильной любви и ненависти, кто не участвовал в игре страстей, мог уйти в монастырь; он был потерян для мирской жизни, как потерян в последующих обществах будет тот, кто, особенно при дворе, окажется неспособен сдерживать страсть, скрывать и «цивилизовать» собственные эмоции” [Elias. 1978. P. 238].

Современный индивид вынужден еще сильнее контролировать выражение эмоций. Формирование способности к самопринуждению, выработка таких механизмов самоконтроля, для которых не нужна внешняя поддержка, – вот что характерно для процесса современной социализации, пишет Д. Смит, анализируя тексты Н. Элиаса и М. Фуко [Smith. 1978. P. 81]. Там, где самоконтроля оказывается недостаточно, способы и интенсивность выражения эмоций контролируются институтами, прежде всего государством – как институтом, обладающим монополией на насилие.

Сдерживание спонтанных эмоций, контроль над агрессивными импульсами, регулирование инстинктов посредством самоконтроля неизбежно приводит, по мнению Н. Элиаса, к монополизации физического насилия [Elias. 1982. P. 236]. Монополия на физическое насилие центральной политической властью, в свою очередь, приводит к большей безопасности: к снижению вероятности быть ограблен-

ным или убитым. Повседневные действия становятся более предсказуемыми и контролируруемыми, а потому индивиды активно ищут возможность совершать такие социальные действия, которые дают легитимный выход эмоциям. Агрессия находит легитимный выход в том числе и в действиях, сопряженных с риском, – в азартных играх.

Таким образом, именно вследствие чрезмерного контроля над формой и интенсивностью проявления чувств латентной целью современного действия становится легитимное получение удовольствия от выплеска эмоций. В некотором смысле действия, сопряженные с добровольным риском, становятся ключевыми для современности.

В казино – за эмоциями?

Ирвинг Гофман в одной из своих самых спорных работ – “Где действие”, ставя задачу определить,

что понимают люди под действием в повседневном мире, приходит к неожиданному утверждению: в повседневном мире прототипом действия (то есть наиболее характерным действием) являются азартные игры. Эпиграфом к этой работе Гофман выбрал фразу, приписываемую бесстрашному воздушному акробату и канатоходцу Карлу Валленда: “Быть на проволоке – вот жизнь; все остальное подождет” (“To be on the wire is life; the rest is waiting”).

В повседневной жизни, утверждает И. Гофман, индивиды относят к действию лишь то, что “состоит из решения задач с неясным исходом, предпринятого ради достижения

какой-то пользы. Возбуждение и возможность проявить характер, являющиеся побочным продуктом азартной игры и опасной сцены, становятся неявной целью всего представления” [Goffman. 1967. P. 239].

Отсутствие страха проиграть и готовность идти на риск – вот что отличает игрока и создает предпосылки для его возможных побед. При этом выигрыш рассматривается как выгода именно вследствие того, что игроки переживают во время игры эмоции, – именно за ними люди приходят в казино снова и снова

Здесь значимо предположение, что сами индивиды латентную функцию социального действия видят в *получении эмоционального возбуждения*. Это относится и к Карлу Валленда, идущему по проволоке без страховки, и к Ирвингу Гофману, по вечерам игравшему в казино, и к любому, кто меняет *безопасное и гарантированное* рабочее место на новое. Все эти рискованные действия являются в некотором роде вызовом повседневности. Иными словами, нечто классифицируется индивидами как действие только в том случае, если оно “выпадает” из повседневной рутины.

Гофман различал *базовые* фреймы, создающие первичные схемы восприятия и интерпретации событий, и *превращенные* фреймы, трансформирующие деятельность, уже осмысленную в терминах первичной системы фреймов. Так, например, если роман двух влюбленных в повседневной жизни мы рассматриваем как базовый, первичный фрейм, то роман влюбленных на экране, на театральной сцене или в ритуальном танце будет превращением первичного фрейма.

Здесь Гофман приходит к явному парадоксу. Если настоящая жизнь – та, которая проходит “на проволоке” или в казино, выпадает из повседневной рутины, требует повышенного внимания к себе, дает самые яркие эмоциональные переживания, то базовым фреймом оказывается мир казино, а повседневная жизнь – лишь его бледным слепком, превращенным фреймом.

Проницательный Энтони Гидденс, следуя логике Ирвинга Гофмана, отмечает, что в последнее время индивиды добровольно идут на риски, чтобы пережить новые ощущения, пережить эмоции, почувствовать адреналин. Люди целенаправленно создают рискованные ситуации, чтобы получить возможность проявить смелость, мужество, решительность, отвагу и находчивость. Рискованные занятия культивируются: это и экстремальные виды спорта и отдыха, особенно популярные среди молодежи, и азартные игры, которые привлекают внимание все большего количества людей [Гидденс. 1994. С. 126–127].

Культивирование риска сопряжено с порождением критических ситуаций, которых порой не хватает в рутинной жизни. Риск противопоставляется скучной повседневной, бессобытийной жизни, риск взрывает устои и основы повседневности, переворачивая ее с ног на голову. Если цель рутинизации – упорядочить деятельность, обеспечить ее нормальное протекание, то культивирование риска, наоборот, искусственно создает ситуации, открывающие для индивидуума мир непредсказуемого и неизведанного будущего, которому можно бросить дерзкий вызов и который, что самое главное, можно победить. Увеличившаяся частота подобных действий связана не только с ростом разнообразия жизненных стилей и ситуаций выбора, но и со стремлением западного человека к самореализации, которую можно понять как нахождение баланса между возможностями и рисками [Giddens. 1991. P. 78–85]. В таких рисках главное желание индивидуума состоит в получении возбуждения, экзальтации, удовольствия и острых ощущений от процесса преодоления рискованной ситуации и управления ею.

Азартную игру можно отнести как раз к подобной культивированной рискованной деятельности, в которой главной целью становится получение сильных эмоций в ходе преодоления ситуации неопределенности за счет собственных умений и навыков. Этот тезис может показаться слишком романтичным и упрощающим дело, поскольку в азартных играх игроки нацелены прежде всего на достижение победы и получение выигрыша. Однако связывания эмоции с мотивами действий, как пишет Джек Барбалет, недостаточно для социологического анализа: «Отношения между эмоцией и действием сложны, и различия в интерпретациях и теоретических репрезентациях огромны... Соединение эмоций с действием посредством мотивации является слишком узким и слишком простым» [Barbalet. 1992. P. 152].

Экономическая модель азартных игр

Романтическому тезису противопоставляется реалистический: люди играют в азартные игры не ради преодоления испытаний и переживания острых ощущений, а для достижения определенного результата – получения денежного выигрыша.

В экономических теориях риска базовым является предположение о том, что риск всегда воспринимается как нечто *опасное*, и только ожидаемая прибыль, польза подвигает индивидуумов идти на определенный риск. Эймос Тверски и Дэниел Канеман, разработавшие модели принятия решений в условиях риска и неопределенности, выявили, что готовность идти на риск коррелирует с разницей между возможными приобретениями и потерями: чем больше возможный выигрыш по сравнению с возможным проигрышем, тем больше готовность людей идти на риск [Thaler, Tversky, Kahneman Schwartz. 1997].

Особенность азартной игры состоит в том, что игроки принимают высокий риск потерь при малой вероятности выигрыша. При готовности рисковать внимание сосредоточивается на вероятности выигрыша, а не проигрыша. Игрок рискует проиграть не для того, чтобы избе-

жать каких-то других (например, еще больших) потерь, а чтобы получить выигрыш, приз.

Однако очевидно, что риск можно оценивать с двух сторон: со стороны негативных и позитивных последствий. Социологи обнаружили, что если внимание сосредоточено на возможных потерях, то индивидуальное действие классифицируется как рискованное. А если внимание сосредоточено на возможном выигрыше, то рискованное действие интерпретируется как возможность получить выгоду [Heimer 1988. P. 509-510]. Так, большинство игроков воспринимают азартную игру как возможность получить выгоду, а большинство тех, кто не относится к миру азартных игр, видят в них рискованное предприятие. «В той мере, в которой игра служит средством выиграть приз, – пишет И. Гофман, – она открывает возможность; в той мере, в которой игра таит угрозу потерять ставку, – это риск» [Goffman. 1967. P. 151].

Если индивиды играют в азартные игры ради выгоды, то что именно они считают выгодой? Э. Тверски и Д. Канеман показали, что в повседневной жизни в процессе формирования оценок большую роль играют ошибочные представления и интуитивные (неосознаваемые) механизмы, которые исследователи называли эвристиками [Tversky, Kahneman. 1974]. Как и другие оценки, оценка рисков основывается не только на когнитивной составляющей. Объективно при принятии решений уровень принимаемого риска положительно связан с уровнем возможной выгоды, однако некоторые исследования показали отрицательную связь между воспринимаемыми уровнями риска и выгоды.

Эмоциональный расчет как сухая вода?

Некоторые специалисты, в их числе – представители психометрического направления в области восприятия рисков П. Словик, Б. Фишхофф и др., обнаруживают *аффективную эвристику*. Они утверждают, что в оценке рисков аффективный компонент сильнее когнитивного. Люди оценивают риски на основе не того, что они

знают и думают, а того, что они чувствуют. Если рисковать нравится – в риске видится возможная выгода, и тогда уровень риска занижается. Если рисковать не нравится, тогда занижается объем возможных приобретений [Slovic et al. 2002a. P. 333–334]. Таким образом, если от рискованной деятельности ожидается выгода, готовность рисковать повышается даже при высоком риске. При этом возможная выгода и рискованность действия оцениваются эмоционально [Finucane et al. 2000. P. 14].

Исследователи выявили, что азартные игры, несмотря на высокую вероятность проигрыша, воспринимаются и оцениваются индивидами прежде всего как возможность выиграть [Slovic et al. 2002b. P. 9]. Этому не противоречат собранные в ходе нашего исследования данные.

“Играет в казино тот, у кого есть некоторое чувство беззаботности, отсутствие боязни потерять какую-то сумму денег. Идет тот, кто приходит за выигрышем, но в то же время не боится и проиграть. Если ты сильно боишься проиграть, это мешает играть, и ты сильно боишься рисковать, а значит, не сможешь и по-крупному выигрывать” (интервью №1).

Таким образом, азартные игры воспринимаются посетителями казино именно как возможность получить выгоду. Отсутствие страха проиграть и готовность идти на риск – вот что отличает игрока и создает предпосылки для его возможных побед. При этом выигрыш рассматривается как выгода именно вследствие того, что игроки переживают во время игры эмоции. Именно за эмоциями игроки приходят в казино снова и снова. Менеджер казино, имеющий более чем десятилетний опыт работы в различных игровых заведениях, в том числе и в Великобри-

В казино игроки становятся подлинными субъектами действий: они могут самостоятельно принимать решение, добровольно идти на риск, которого можно избежать, и тем самым “проверить судьбу”, испытать сильные эмоции в случае выигрыша. Переживание эмоций и возбуждения, демонстрация силы характера перед другими игроками становится целью игры в казино

тании, на наш вопрос о том, почему люди приходят в казино, ответил:

“Те химические процессы в организме человека, которые происходят во время игры, вырабатывают некоторую зависимость, и доза этих эмоций постепенно становится постоянно необходимой. Поэтому очень трудно человека, играющего в казино, увлечь простым походом в ресторан или, например, в кино. Он будет все время думать, как он мог бы за эти деньги, потраченные, по его мнению, впустую, сделать ставку и, конечно же, выиграть. Причем такие мысли посещают абсолютно всех постоянных игроков. И что

бы ты ему ни предложил, он всегда выберет казино, потому что он выберет эмоции. И придет в казино именно за ними” (интервью №3).

Казино, таким образом, – это специфический контекст, организующий и определяющий действия игроков, создающий ситуацию, благоприятную для самоконтролируемого эмоционального возбуждения участников. Этот контекст позволяет индивиду выйти за рамки повседневности, пережить сильные эмоции от действий, которые в повседневности принято считать нерациональными. Превратив людей в игроков, этот контекст заставляет их посещать казино снова и снова. В этом и состоит социальная сущность казино.

В казино игроки становятся подлинными субъектами действий: они могут самостоятельно принимать решение, добровольно идти на риск, которого можно избежать, и тем самым “проверить судьбу”, испытать сильные эмоции в случае выигрыша. Переживание эмоций и возбуждения, демонстрация силы характера перед другими игроками становится целью игры в казино.

Казино как фрейм

Уильям Джеймс, предложивший идею существования множества миров (субуниверсумов), полагал, что верховной реальностью для человека обладает чувственно-эмоциональный мир, который, по его мнению, поддерживает наиболее устойчивые убеждения (мнения).

Альфред Шюц (Шютц), заимствуя идею о множественности миров у Джеймса, утверждал существование разнообразных миров реальности как *конечных областей смысла*. Ежедневно человек постоянно переходит из одного мира в другой. Однако верховной реальностью Шюц объявил мир повседневной жизни и предложил видеть в остальных конечных областях смысла модификации верховной реальности. При этом для каждой области характерен особый, неповторимый когнитивный стиль, позволяющий совмещать во времени и пространстве элементы опыта внутри одного мира и, наоборот, делать их несовместимыми с опытом, пережитым в других конечных областях смыслов. Именно в силу несовместимости Шюц называет области *конечными*: смыслы одной области не сводимы к другим и не выразимы через смыслы других областей [Шюц, 2003. С. 17–19; Schutz, 1970. Р. 253–255]. Поэтому переход из одного мира в другой сопровождается резким экзистенциальным “скачком”, субъективно переживаемым как шок. Шок человек испытывает оттого, что резко меняется *attention a la vie* (внимание, напряженность отношения к жизни), меняются формы организации опыта, формы отношений, временная перспектива, система ценностей. И при переходе от мира повседневности и обратно – при засыпании и пробуждении, при погружении в мир фантазий и мир искусства – человек всякий раз испытывает шок.

Реальность конституируется для человека не онтологической структурой объектов, а субъективным смыслом, который индивид придает собственному опыту. Следуя этой логике, мы можем утверждать, что казино представляет собой обособленную реальность, устойчивую форму деятельности, которой игроки придают автономный смысл. Такое понимание поддерживается собранными нами данными. Размышляя о казино, один из наших информантов четко обозначил, что казино – это мир, задающий игрокам и смысловые, и пространственно-временные рамки, отграничивающие его от других видов развлечения и других “миров”.

“Казино отличается от всех других видов развлечения. Прежде всего, думаю, тем, что оно дает азарт в чистом виде, не опосредованный никакими спортивными умениями. И еще умноженный на иллюзорную возможность легко разбогатеть: выиграв один раз, человек не может устоять и не поставить еще раз. Можно еще добавить, что казино – это место греха (ведь азартные игры – грех, по крайней мере, в христианстве), это некий запретный плод. Казино в гораздо большей степени отгорожено, закрыто, чем другие развлекательные заведения: как правило, это отдельное здание или же хорошо отграниченный сегмент развлекательного центра. По правилам, в казино не может играть несовершеннолетний. Игра требует определенных денег. Находясь в казино, ты живешь по его правилам, а если их нарушаешь – тебя заносят в “блэк лист”, и ты не можешь больше в это место попасть. В казино нет окон и часов, то есть ориентиров в пространстве и времени. В общем, это совершенно особый мир” (интервью № 4).

А. Шюц подчеркивал обособленность и несравнимость разных миров, однако более тонкий инструмент анализа эмпирически наблюдаемой реальности содержит теория фреймов, предложенная И. Гофманом в качестве дальнейшего развития идеи о множественности реальности. Фрейм азартных игр в казино задает направление восприятию контекста, взаимодействию и коммуникации между участниками. Фрейм казино выступает одновременно и в качестве пространственно-временной и смысловой матрицы организации события, и в качестве схемы для интерпретации происходящего.

Напомним, что Гофман предложил различать *базовые* (первичные) и *превращенные* фреймы. Однако зачастую бывает сложно определить, какой фрейм является первичным, а какой превращенным. Кроме того, Гофман заметил постоянное наслаивание фреймов друг на друга в повседневности. В повседневном взаимодействии фреймы трансформируются и наслаиваются друг на друга, так что в каждом отрезке взаимодействия сосуществуют многочисленные “режимы и линии развертывания деятельности”.

Например, в элитном казино может проходить показ мод, а значит, фрейм казино представляет фрейм модного салона, в котором игроки и посетители казино становятся зрителями. Манекенщицы представляют модели одежды и аксессуаров, воспроизводящие реальную манеру одеваться людей в повседневной жизни. При этом подразумевается, что зрители приобретут понравившиеся модели одежды у дизайнера и смогут в дальнейшем носить ее, посещая казино в качестве игроков. Это пример того, как может происходить наслаивание фреймов друг на друга и их многократная взаимная трансформация.

Не забудем еще, что во время показа мод лишь некоторые игроки превращаются в зрите-

лей, а остальные продолжают игру и находятся во фрейме казино. При этом на фоне игры постоянно идут бесчисленные споры с дилером и другими игроками, шутки, ругань после проигрыша, игроки перебрасываются словами (*small talks*), привнося интерполяции с другими фреймами и создавая вокруг себя специфические реальности. Все это происходит параллельно, и трудно понять, где именно проходят границы между фреймами. Как в казино можно отличить фрейм азартной игры от фрейма модного показа, фрейм договорных отношений перед игрой в покер от фрейма дружеского разговора? Как человеку определить, что есть реальность здесь-и-сейчас?

Для Гофмана и его фрейм-анализа вопрос о “реальности” теряет свое значение, ибо подчас невозможно определить, что есть реальность, а что – вымысел. Невозможно, да и не нужно создавать каталог миров для описания *реальности*, позволяющего отличать ее от множества иллю-

Казино представляет собой обособленную реальность, устойчивую форму деятельности, которой игроки придают автономный смысл. Это мир, задающий игрокам и смысловые, и пространственно-временные рамки, отграничивающие его от других видов развлечения и других “миров”

зорных миров. “Общественная жизнь настолько зыбка и нелепа, – пишет Гофман, – что нет никакой необходимости делать ее еще более нереальной” [Гофман. 2003. С. 62]. Вместо вопроса “Что есть реальность?”, он предлагает другой: “При каких обстоятельствах мы полагаем вещи реальными?”

Ответ Гофмана может показаться неожиданным: чувство реальности происходящего возникает в той степени, в которой индивид вовлечен в определенную форму деятельности и поглощен ею. “Джеймс и Шюц, – читаем у Гофмана, – забывают пояснить, что повсе-

дневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его” [Гофман. 2003. С. 66]. Именно *вовлеченность* в ситуацию взаимодействия означает, что индивид не только умом, но, что еще более важно, эмоционально включен в ситуацию [Goffman. 1963. P. 36].

Таким образом, вовлеченность представляет собой базовую категорию, по которой мы можем определить, насколько *реальной* представляется участникам конкретная ситуация взаимодействия. Именно вовлеченность порождает у индивида чувство реальности. Как только индивид попадает в некоторую ситуацию, он вынужден показать свою вовлеченность во взаимодействие для поддержания ритуального порядка. Когда индивид вступает во взаимодействие, ему приходится заботиться о сохранении не только своего лица, но и самой ситуации, демонстрировать другим свою полную вовлеченность, чем подкреплять уверенность других в реальности происходящего. Таким образом, взаимно поддерживается вовлеченность во взаимодействие и соответствующий ситуации ритуальный порядок.

При этом именно вовлеченность индивида в различные контексты обеспечивает целостность и непрерывность его опыта: «Социальная организация везде сталкивается с проблемой морали и непрерывности, – пишет И. Гофман. – Индивиды должны вовлекаться во все свои маленькие ситуации с некоторым энтузиазмом и заботой, так как именно через такие моменты и протекает социальная жизнь, и если новое усилие не будет в них вложено, общество от этого, несомненно, пострадает» [Goffman. 1967. P. 238-239].

Одних увлекает фрейм игры в казино, и они соответствующим образом интерпретируют ситуацию и взаимодействуют в ней, другие в это же время увлечены фреймом показа мод. Разные режимы поддерживаются параллельно, и индивид, вовлекаясь во фрейм игры, может успеть обратить внимание не только на демонстрируемые наряды, но и на красивых манекенщиц. Однако вовлеченность во фрейм игры должна быть на порядок сильнее вовлеченности во фрейм моды, если главная цель – победа в игре. Сам заядлый игрок, Ирвинг Гофман так описал различия между фреймами в казино: «Однажды я был свидетелем того, как в казино в центре Лас-Вегаса возник пожар. Едкий запах гари со второго этажа начал проникать на нижние этажи здания, раздался вой сирены, пожарные в боевом снаряже-

нии ворвались в помещение и побежали наверх, дым повалил вниз; когда в конце концов пожарная команда уехала, оказалось, что все это время на первом этаже крупье продолжали свою работу, а посетители играли. Еще как-то ночью в том же казино я видел, как разносчица коктейлей ввязалась в драку с клиентом, порвала у него на спине рубашку и выставила его вон – и все это не привлекло никакого внимания окружающих» [Гофман. 2003. С. 277].

При высокой вовлеченности, что бы ни произошло – пожар, драка, показ мод, – ничто не выведет игрока из фрейма игры. Именно этот опыт сильной эмоциональной вовлеченности заставляет людей посещать казино снова и снова.

Эмоциональная субъективная вовлеченность в ситуацию взаимодействия отнюдь не является индивидуальной характеристикой. Эту вовлеченность задает фрейм посредством сформированной в ходе прошлого опыта матрицы восприятия и интерпретации ситуации, детерминирующей взаимодействия между участниками. Разделяемая общность фрейма производит чувство реальности и тем самым поддерживает и воспроизводит ритуальный поряд-

док здесь-и-сейчас. Как подмечает Том Бернс, индивиды, вовлекаясь во фрейм, впадают в некий *транс* – подобно тому, как это, согласно Э. Дюркгейму, происходит в религиозных ритуалах [Burns. 1992. P. 113]. Эмоциональная вовлеченность поддерживает ситуацию взаимодействия. А усиливаемые взаимодействием бурление и выражение сильных эмоций поддерживают необходимую вовлеченность, которая порождает ощущение общности и объединяет опыт индивида в единое и непрерывное целое. ■

Продолжение следует

Литература

- Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.
- Гoffman И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Рамитедт О.* Актуальность социологии Зиммеля / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологический журнал. 1994. № 2.
- Роулз Э.* Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1.
- Шюц А.* О множественности реальностей / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2.
- Barbalet J.M.* Macrosociology of Emotion: Class Resentment // Sociological Theory. 1992. Vol. 10. No. 2.
- Barbalet J.* Why emotions are crucial // Emotions and Sociology // Ed. by J. Barbalet Oxford: Blackwell Publishers, 2003.
- Burns T.* Erving Goffman. London: Routledge, 1992.
- Elias N.* On Transformation of Aggressiveness // Theory and Society. 1978. Vol. 5. No. 2.
- Elias N.* The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Vol. 2. State formations and civilization. Oxford: Basil Blackwell, 1982.
- Finucane M., Alhakami A., Slovic P., Johnson S.* The Affect Heuristic in Judgments of Risks and Benefits // Journal of Behavioral Decision Making. 2000. Vol. 13. No. 1.
- Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Goffman E.* Where the Action Is // Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon Books, 1967.
- Goffman E.* Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings. NY: Free Press, 1963.
- Heimer C.* Social Structure, Psychology, and Estimation of Risk // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14.
- Hochschild A.* Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. No. 3.
- Simmel G.* The Philosophy of Money / Transl. by D. Frisby. London: Routledge, 1990.
- Slovic P., Finucane M., Peters E., MacGregor D.* Rational Actors or Rational Fools: Implications of Affect Heuristic for Behavioral Economics // Journal of Socio-Economics. 2002a. No. 31.
- Slovic P., Finucane M., Peters E., MacGregor D.* Risk as Analysis and Risk as Feelings: Some Thoughts about Affect, Reason, Risk and Rationality // Annual Meeting of the Society for Risk Analysis. New Orleans. 2002b. December.
- Smith D.* “The civilizing process” and “The history of sexuality”: Comparing Norbert Elias and Michel Foucault // Theory and Society. 1978. Vol. 28. No. 1.
- Schutz A.* Transcendences and Multiple Realities // Schutz A. On Phenomenology and Social Relations / Ed. by H.R. Wagner. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
- Thaler R., Tversky A., Kahneman D., Schwartz A.* The Effect of Myopia and Loss Aversion on Risk Taking: An Experimental Test // The Quarterly Journal of Economics. 1997. May.
- Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185.

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и “АРЗИ”, стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Авторы номера...

Елена Васильева
Специалист Фонда
“Общественное
мнение”

Борис Докторов
Доктор философских
наук, профессор,
независимый аналитик
и консультант

Карин Клеман
Научный сотрудник
Института
социологии РАН,
директор НП
Институт
“Коллективное
действие”

Иван Климов
Кандидат социологи-
ческих наук. Ведущий
специалист Фонда
“Общественное мнение”.
Старший научный
сотрудник Института
социологии РАН

Айгуль Мавлетова
Аспирантка
социологического
факультета ГУ–ВШЭ

Ольга Мирясова
Научный сотрудник
Института социологии
РАН, журналист
и социолог
в общественной
организации Институт
“Коллективное действие”

Олег Оберемко
Кандидат социологических наук.
Старший научный сотрудник
Института социологии РАН.
Доцент кафедры социальной
психологии и социологии
управления Кубанского
государственного университета

Валентина Полякова
Специалист Фонда
“Общественное мнение”,
аспирант ГУ–ВШЭ